Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет»

На правах рукописи

Журавлев Александр Викторович

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДЖЕЙМСА ТИРРЕЛЛА В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ПАРТИЙ В АНГЛИИ, 1679–1700 гг.

07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор культурологии,
доктор исторических наук, профессор
Пиков Геннадий Геннадьевич

Новосибирск – 2018

Оглавление

Введение 3
1 Политическая борьба в Англии в последней четверти XVII в. 32
1.1 Складывание партийных группировок в 1670-е гг. и «кризис по вопросу об исключении» 32
1.2 Торийская реакция и Славная революция, 1681–1689 гг. 53
1.3 Законодательное оформление результатов Славной революции. Виги и тори в период правления Вильгельма Оранского 67
2 Джеймс Тиррелл в идеологической полемике эпохи «кризиса по вопросу об исключении», 1679–1681 гг. 78
2.1 Патриархальные идеи в английской политической мысли XVII в. – «Патриарх» Р. Филмера 78
2.2 Опровержение Дж. Тирреллом патриархальной теории происхождения общества и государства 103
2.3 Теория общественного договора в сочинении Дж. Тиррелла «Патриарх – не монарх» 112
3 «Вигская» интерпретация Славной революции в сочинениях Джеймса Тиррелла 1690-х гг. 142
3.1 Право на сопротивление власти 142
3.2 Обоснование ограниченного характера английской монархии 165
3.3 «Конституционный» характер Славной революции 181
Заключение 195
Список использованных источников и литературы 205

Введение

Актуальность темы исследования. Английская революция середины XVII в., хотя и продолжавшаяся почти два десятилетия, оставила большинство из острых политических проблем неразрешенными. Восстановленная в 1660 г. стюартовская монархия фактически предложила своим подданным вернуться к политической модели, существовавшей до революции, а уставшее от многолетней неразберихи революционного времени английское общество с готовностью приняло это предложение. Конечно же, подобная ситуация не могла продолжаться бесконечно, и уже в начале второго десятилетия эпохи Реставрации политические дискуссии и политическая оппозиция официально проводимому курсу возобновились и привели к тяжелейшему политическому кризису 1679–1681 гг., а несколькими годами позднее – и к новой революции.

Одновременно с активизацией политической жизни возвратился и интерес к обсуждению вопросов, поднятых в период первой английской революции, как и интерес к политическим мыслителям революционной эпохи и высказанным ими идеям. Многие из них были взяты на вооружение в ходе нового политического размежевания сначала на «партию двора» и «партию страны», а затем на группировки тори и вигов. Вновь актуальным стало обоснование определенного характера устройства английского государства и общества, определенная интерпретация английской конституции, окрашенная цветами того или иного политического спектра и предпочтениями авторов. Вновь давались ответы на вопросы, поставленные, но не разрешенные в период гражданских войн, республики и протектората. Вопросы эти диктовались как самим характером английской политической системы, так и политикой, проводимой правительством: является ли власть божественной по своему происхождению или же она есть результат соглашения людей? Лежит ли в основании общества, семьи и государства договор или прямое божественное повеление? Может ли власть монарха быть ограниченной или по самой своей природе она абсолютна? Дозволено ли оказывать сопротивление власти государя и если да, то в каких

случаях? Берет ли власть парламента свое начало в первоначальном договоре или же основывается на простой уступке королей? Каковы пределы и компетенции этой власти? Тот или иной ответ на эти вопросы определял как круг политических симпатий, так и задавал программу политических преобразований, одобрение или неодобрение политического курса, проводимого правительством.

Данное исследование посвящено социально-политическим взглядам Джеймса Тиррелла с точки зрения его вклада в развитие политической идеологии партии вигов в ранний период ее становления и в период острого противостояния между складывающимися партийными группировками. Дж. Тиррелл был одним из ключевых вигских теоретиков, активно включившимся в идеологическую полемику как эпохи «кризиса по вопросу об исключении» 1679–1681 гг.[1], так и периода, последовавшего за Славной революцией, однако до сих пор его роль как одного из ключевых идеологов вигов не получила исчерпывающей историографической оценки.

Последняя четверть XVII в. в Англии была периодом острой политической борьбы и вызревания первых партий Нового времени – тори и вигов. Традиционно историки рассматривали историю партий как непрерывную. В соответствии с этим взглядом «партия страны», сложившаяся во второй половине 1670-х гг., эволюционировала в партию вигов, а «партия двора», оформленная тогда же при активном участии правительства, – в тори. Славная революция при этом трактовалась как торжество вигских принципов, которых партия придерживалась с самого момента своего возникновения[2]. Однако уже в конце 1920-х гг. эта точка зрения была оспорена Льюисом Нэмиром, инициировавшим дискуссию, не прекращающуюся и в настоящее время. Как зарубежные, так и

[1] «Кризис по вопросу об исключении» (англ. *Exclusion Crisis*) – острейший политический кризис эпохи правления Карла II (1660–1685) в ходе которого происходило формирование первых политических партий Нового времени – виги и тори. В парламентах этого периода виги боролись за принятие Билля об исключении – документа, который позволил бы не допустить наследование английского престола братом короля католиком герцогом Йоркским.

[2] Наиболее характерное выражение этой точки зрения содержится в монументальной «Истории Англии» Т. Маколея, согласно которой Славная революция была торжеством «народного элемента» над «монархическим» и, таким образом, разрешила главную дилемму семнадцатого столетия, а возведение на трон Вильгельма Оранского означало триумф вигских принципов в политике. (Maccauley T. B. The History of England from the Accession of James II. Boston and New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. Vol. III. P. 11).

отечественные исследователи отмечают, что одной из ключевых проблем английской политической истории конца XVII – начала XVIII в. является вопрос о том, можно ли вообще говорить о складывании партий в Англии периода поздней Реставрации, а также о непрерывности истории партийных группировок и партийной идеологии в период до и после Славной революции[3].

В подобной ситуации изучение развития партийной идеологии поможет ответить на вопрос о преемственности в развитии партий до и после Славной революции, а сравнение идеологических позиций политических противников может пролить свет на проблему радикальности партийного размежевания. С 1960–70-х гг. набирает актуальность изучение работ мыслителей и публицистов «второго» ранга, позволяющее существенно расширить и обогатить представление об идеологической палитре той или иной эпохи. Одним из методологических принципов истории идей, сформулированным еще Артуром Лавджоем, является положение, согласно которому второстепенный талант лучше отражает тенденции эпохи, чем первоклассный гений[4]. Одним из центров интеллектуальной истории во второй половине XX в. становится Кембриджский университет, а одним из главных объектов изучения в рамках сложившейся там школы – история британской политической мысли. Следуя методологии, предложенной Лавджоем и разработанной Ласлеттом, внимание исследователей все больше перемещается с фигуры Джона Локка, на протяжении столетий, считавшегося главным идеологом вигов и отцом-основателем либерализма, на его менее блистательных современников. К мыслителям «второго ранга» можно отнести и Джеймса Тиррелла, хотя работы историков последних лет придают все большую значимость его публицистической деятельности в рамках изучения партийной политики и партийного мировоззрения конца XVII – начала XVIII вв. Изучение его работ может существенно углубить понимание контекста развития

[3] Ерохин В.Н. Политические партии и общество в Великобритании в конце XVII – начале XIX вв.: историографический очерк // Политические партии Англии. Исторические очерки (Монография в честь Татьяны Леонидовны Лабутиной). Под ред. М.П. Айзенштат. СПб: Алетейя, 2017. С. 12–15.

[4] Лавджой А. Великая цепь бытия. М., 2001. С. 24.

британской политической мысли в раннюю партийную эпоху, а также характера партийного размежевания в последней четверти XVII в.

Степень изученности темы. Борьбе партий в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. посвящен огромный массив литературы. Практически до середины XX века в англоязычных исторических исследованиях господствовала точка зрения, характерная для так называемой «вигской» историографии, согласно которой либеральная и консервативная партии XIX – начала XX в. не только напрямую ведут свою историю от группировок вигов и тори, оформившихся уже к концу 1670-х гг., но и являются наследниками сформулированной тогда же партийной идеологии. Уже в 1929 г. Льюис Нэмир предложил отказаться от столь прямолинейного подхода и попытался показать, что не столько партийная принадлежность, сколько социальное положение, родственные узы, клиентские связи и личная преданность определяли структуру политики в Англии второй половины XVIII века[5]. Его идея была поддержана и развита в 1941 г. Робертом Уолкотом, который распространил тезис Нэмира в отношении начала царствования Георга III на более ранний период и поставил под сомнение существование двухпартийной системы также и на рубеже XVII–XVIII вв. По его мнению, в правление Вильгельма Оранского и королевы Анны в парламенте существовало как минимум три группировки: сторонники правительства, включая должностных лиц и получающих пенсии, независимые депутаты, не игравшие особой политической роли, и группа тесно связанных друг с другом, иногда родственными узами, «профессиональных» политиков, для которых парламентская деятельность была чуть ли не наследственным занятием и которые были тесно связаны как с торийским, так и с вигским истеблишментом. Члены последней группы могли определять себя как «тори» или как «виги», но их взаимосвязь и взаимозависимость была часто сильнее партийной принадлежности. Их главный интерес состоял в том, чтобы оберегать свое положение от депутатов, для которых политическая деятельность была лишь

[5] Namier L. The Structure of Politics at the Accession of George III. Macmillan Press, 1957 (first published 1929). P. 1–45.

временным занятием, вне зависимости от того, к какой партии принадлежали последние[6].

Позиция Уолкота была оспорена в 1960-е гг. на том основании, что он апеллировал к «нетипичным» примерам, односторонне подтверждающим его точку зрения, и попросту игнорировал существование двухпартийной системы как таковой[7]. По мнению Джона Пламба, существование партийного размежевания подтверждается большим количеством политических памфлетов, выпускавшихся противостоявшими политическими группировками для того, чтобы убедить английский электорат голосовать за одну из парламентских партий. Необходимость завоевания голосов с помощью идеологических аргументов – дополнительное свидетельство в пользу наличия оживленной партийной жизни в Англии на рубеже XVII–XVIII веков[8].

Джоффри Холмс в ряде работ, посвященных английской политике эпохи последних Стюартов, также указал на слабые места аргумента Нэмира и Уолкота. По его мнению, выводы Нэмира в отношении эпохи Георга III попросту невозможно механически перенести на эпоху рубежа веков. Это время он характеризует как период «политического ученичества» Англии[9]. Связано это с принципиальной разницей условий осуществления политической деятельности и с возросшей к концу XVIII века степенью зрелости английской политической жизни. Согласно Холмсу, партии начинают свою историю в конце 1670-х гг., хотя развитие вигов в эпоху «кризиса по вопросу об исключении» Холмс и называл «преждевременным». Как следствие, оно было приостановлено в последующий семилетний период торийской реакции и продолжилось после Славной революции, когда «ответ нации на злоупотребления властью со стороны католического суверена восстановил телесное здоровье» партии вигов[10].

---

[6] Walcott R. English Party Politics (1688–1714) // Essays in Modern History in Honor of Wilbur Cortez Abbot. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1941. P. 81–131.

[7] Plumb J. H. Book Review: English Politics in the Early Eighteenth Century by R. Walcott // English Historical Review. Vol. LXXII, Jan. 1957. P. 126.

[8] Plumb J. H. The Growth of the Electorate in England from 1600 to 1715 // Past and Present. No. 45 (Nov., 1949). P. 92.

[9] Holmes G. British Politics in the Age of Anne. London: Macmillan, 1967. P. 405.

[10] Ibid. P. 406.

Разделение на вигов и тори снова становится доминирующим после смерти королевы Марии и с приближением к завершению войны Аугсбургской лиги и выразилось, в частности, в приходе к власти нового поколения вигских политиков, установивших контроль над правительством под видом «вигской хунты».

Пламба и Холмса поддержал другой видный исследователь политической истории Англии Дж. Р. Джонс, который, ссылаясь на труды ряда своих современников – В. А. Спека, Г. Хоровица и др. – полагал, что нет необходимости отрицать как важность партийного размежевания, так и то, что практически любой аспект английской жизни (включая социальные, религиозные, интеллектуальные, экономические и художественные отношения) на рубеже XVII–XVIII вв. находился под «серьезным влиянием партийных соображений». Как территориально, так и социально вся Англия была поделена между вигами и тори[11].

Современный британский исследователь Тим Харрис, признавая, что двухпартийная система все же существовала в период правления Вильгельма Оранского и королевы Анны, частично солидарен с Уолкотом в том, что очертания партий были размыты, а сами партии претерпели период существенной перегруппировки. Тем не менее, позиции партий носили ярко выраженный характер в отношении ключевых политических вопросов, таких как положение англиканской церкви, характер участия Англии в войнах на континенте, интерпретация английской конституции и событий Славной революции. Именно резкость выраженности идеологических установок свидетельствует о преемственности характера политических баталий с периодом «кризиса по вопросу об исключении». В то же время партии вынуждены были адаптироваться к меняющемуся политическому климату, и теперь уже виги начинают ассоциироваться с партией двора и правительства, а тори все больше

[11] Jones J. R. Country and Court: England, 1658–1714. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1978. P. 5.

представляют себя «партией страны»[12]. Точка в историографическом споре, инициированном работами Нэмира и Уолкота, не поставлена до сих пор, поэтому вопрос о преемственности партийной жизни в различные периоды английской истории все еще остается актуальным. Изучение партийной идеологии и теоретического обоснования той или иной политической стратегии может внести существенный вклад в многолетнюю историографическую дискуссию.

Историки-марксисты, как в зарубежной, так и в советской историографии не сомневались в преемственности партийной истории эпохи Реставрации и периода правления Вильгельма Оранского. Партийные группировки опирались на определенные социальные силы и именно это обусловило единство партийной структуры и идеологии. Английский историк А. Л. Мортон считал, что партии формируются уже в «Кавалерском» парламенте в период после 1672 г. Тогда же распался союз «сквайрархии и верхушки городской буржуазии», служивший опорой тюдоровской и стюартовской монархии. Тори – это партия сквайров, сельских джентельменов, чье благополучие напрямую зависело от существования монархии. Виги же опирались на «своеобразную комбинацию купцов и поднимающейся группы финансистов с группой наиболее могущественных земельных аристократов».[13]

Т. Л. Лабутина, которой принадлежит заслуга привлечения внимания к периоду ранней партийной истории в советской и российской историографии, полагает, что формирование политической оппозиции начинается уже в первые годы правления Карла II и было вызвано недовольством правительственной политикой. Размежевание в рядах господствующего класса начинается задолго до образования партий как таковых. В 1660-х – начале 1670-х для обозначения противоборствующих группировок используются термины «двор» и «отечество», а к 1679 году за партиями закрепляются, наконец, названия «виги» и «тори».[14]

---

[12] Harris T. Politics under the Later Stuarts: Party Conflict in a Divided Society, 1660–1715. N.-Y.: Routledge, 1993. P. 149.

[13] Мортон А. Л. История Англии. М., 1950. С. 233.

[14] Лабутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов, 1660–1681. М., 1982. С. 104.

Несмотря на повышенное внимание к изучению контекста формирования английской политической мысли Нового времени, ставшее нормой с начала 1950-х гг., деятельность Джеймса Тиррелла привлекла к себе интерес исследователей сравнительно поздно. Даже Дж. Данн в монографии 1969 г., посвященной политическим идеям Джона Локка, упомянул Тиррелла лишь дважды, и то в связи лишь с биографическими обстоятельствами, относящимися к деятельности великого английского философа[15]. До сих пор в англоязычной литературе существует лишь одна развернутая статья и одна монография, посвященные непосредственно Тирреллу. Главной особенностью существующей историографии является рассмотрение деятельности Тиррелла почти всегда, а иногда и исключительно, в связи с деятельностью Локка. Именно тот факт, что Локка и Тиррелла связывала многолетняя дружба, результатом которой стала и обширная сохранившаяся переписка, способствовал тому, что фигура последнего попала в поле зрения историков. Работы Тиррелла при этом долгое время не рассматривались как имеющие самостоятельную теоретическую значимость или как внесшие заметный вклад в развитие идеологии и политической программы вигов. Примером подобного подхода может служить, например, биография Локка Мориса Крэнстона, изданная в 1957 г. Крэнстон в основном лишь цитировал письма Тиррелла к Локку, отметил его авторство нескольких политических работ, а также то, что, несмотря на дружбу, Локк «всегда относился к Тирреллу с подозрением»[16]. В своей работе Крэнстон тем не менее привлек большую часть источникового материала, касающегося биографии Тиррелла и его отношений с Локком, которая будет позднее использована Дж. Гоуфом в статье, посвященной уже непосредственно Тирреллу, а также Марком Голди в биографической заметке для Оксфордского словаря национальных биографий[17].

Ситуация начинает меняться в 1950-е гг. во многом благодаря деятельности основателя кембриджской школы интеллектуальной истории Питера Ласлетта.

---

[15] Dunn J. The Political Thought of John Locke. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 82, 187.

[16] Cranston M. John Locke: A Biography. London: Longman, 1988 (first published 1957). P. 39.

[17] Gough J. W. James Tyrrell, Whig Historian and Friend of John Locke // The Historical Journal. Vol. 19. No. 3 (Sep., 1976); Goldie M. Tyrrell, James (1642–1718) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford University Press, 2004. [http://www.oxforddnb.com/view/article/27953, дата обращения 18.04.2015]

Работы Ласлетта заложили основы для масштабного изучения английской политической мысли раннего Нового времени и вызвали интерес к мыслителям «второго» ранга, а также к проблематике, долгое время игнорировавшейся в традиционной вигской историографии. Одной из таких проблем, фактически поднятой Ласлеттом, стал вопрос о патриархализме в политической мысли XVII века. После публикации Ласлеттом работ сэра Роберта Филмера в 1949 г.[18] последний становится одной из наиболее популярных фигур среди авторов стюартовской эпохи. С этого времени историки начинают придавать все большую значимость патриархальной идеологии и усматривать в ней весомую и пользовавшуюся общественным одобрением альтернативу естественно-правовым и договорным теориям.

Интерес к Филмеру породил и интерес к его критикам, а также к оживленной дискуссии, которую вызвала републикация его работ в период «кризиса по вопросу об исключении» 1679–1681 гг. Сам этот спор, внимание к которому также было привлечено Ласлеттом, даже получил специальное историографическое обозначение – «филмерианская полемика» (*filmerian controversy*)[19]. Сущность этой полемики составлял вопрос о древности палаты общин и обоснованности ее властных притязаний. Один из ключевых исследователей кембриджской школы, Джон Покок, считал, что начало полемики можно заметить в письме 1680 г., написанном именно Тирреллом и адресованном Уильяму Петиту. В этом письме Тиррелл просил Петита посвятить отдельную работу опровержению аргументов, высказанных Филмером против идеи исторической древности английского парламента[20]. Дж. Покока, таким образом, можно считать первым крупным исследователем, отметившим вклад Тиррелла в

[18] Patriarcha and other Political Works of Sir Robert Filmer / Ed. and with an Introduction by Peter Laslett. Oxford: Blackwell, 1949; См. также статью Ласлетта, посвященную Филмеру: Laslett P. Sir Robert Filmer: The Man versus the Whig Myth // The William and Mary Quarterly. Third Series. Vol. 5. No. 4. (Oct. 1948). P. 523–546.

[19] Pocock J. G. A. The Ancient Constitution and the Feudal Law. A Study of English Historical Thought in Seventeenth Century. A Reissue with a Retrospect. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 357; Political Discourse in Early Modern Britain / Ed. by Nicolas Philipson and Quentin Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 384.

[20] Pocock J. G. A. The Ancient Constitution and the Feudal Law. A Study of English Historical Thought in Seventeenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1957. P. 187–188.

развитие английской политической мысли последней четверти XVII в. Он, однако, не уделил отдельного внимания анализу его теоретических сочинений.

Сам Ласлетт коснулся деятельности Дж. Тиррелла на полях своей работы 1960 г., в которой исследуется контекст и обстоятельств написания Локком «Двух трактатов о правлении». Здесь Ласлетт затронул лишь первое значимое сочинение Тиррелла – «Патриарх – не монарх»[21]. Исследователь отметил дружеские связи Локка и Тиррелла и схожий комплекс мотивов, побудивших их взяться за опровержение сочинений Р. Филмера в период 1679–1681 гг.[22]. По мнению Ласлетта, два мыслителя поддерживали тесный контакт в период работы над опровержением филмеровской патриархальной теории, однако, несмотря на чрезвычайное сходство в плане сочинений и параллельность многих аргументов, все же скрывали друг от друга свою работу[23]. Более того, «Патриарх – не монарх» Тиррелла свидетельствует, по мнению Ласлетта, и в пользу датировки второго трактата Локка периодом до 1679 г. В противном случае пришлось бы «признать Тиррелла автором трудовой теории стоимости», чего Ласлетт, конечно же, не допускал[24]. Ласлетт тем не менее стал первым исследователем, поставившим вопрос о самостоятельной теоретической значимости работ Джеймса Тиррелла, хотя и в их отношении к политическим сочинениям Локка.

В рамках исследования патриархализма и его критики, работ Тиррелла касается и Гордон Счочет. Автор полагает, что филмеровская патриархальная теория в конце 1670-х гг. становится «практически официальной государственной идеологией»[25]. Счочет рассматривает критику филмеровского патриархализма Локком, Сиднеем и Тирреллом в рамках единого усилия вигов по опровержению попыток «партии двора» превратить патриархальную теорию происхождения власти в основу государственной идеологии. Одной из характерных черт этой

---

[21] Часть этого исследования была впервые опубликовано в качестве статьи в 1956 году: Laslett P. The English Revolution and Locke's "Two Treatises of Government" // The Cambridge Historical Journal. Vol. 12. No. 1 (1956). P. 40–55.

[22] Laslett P. Introduction // John Locke. Two Treatises on Government / Ed. with introduction and notes by Peter Laslett. Cambridge: Cambridge University Press, 1988 (first edition 1960). P. 59–60.

[23] Ibid. P. 60–61.

[24] Ibid. P. 61 (footnote).

[25] Schochet G. Patriarchalism in Political Thought: the Authoritarian Family and Political Speculation and Attitudes Especially in Seventeenth Century England. Oxford: Basil Blackwell, 1975. P. 193.

критики было практически «постраничное опровержение» аргументов Филмера. Все три вигских теоретика сходятся, уверен Счочет, в отрицании того, что идея дарования божественной власти Адаму имеет актуальность в Англии семнадцатого столетия и может стать эффективным базисом политической лояльности. Проанализировав Священное Писание, они также приходят к выводу о том, что Адам не мог быть абсолютным монархом, а лишь отцом семейства и как таковой был наделен не политической, а только отцовской властью. И тем не менее Счочет находит отголоски патриархализма и в вигской критике Филмера. Локк, Сидней и Тиррелл единодушны в признании того, что в определенный момент в истории отцовская и политическая власть сходятся довольно близко. Тиррелл кроме того допускает, что отцовская власть может служить источником политической, хотя и не как «выражение отцовского права, а как его следствие»[26]. Но по сути отцовская и политическая власть остаются различны. Последняя должна всегда базироваться на согласии, без которого, по Тирреллу, ни один человек не может поставить себя под власть другого. Счочет, таким образом, полагает, что главной идеологической оппозицией XVII в. в Англии было противопоставление патриархализма, служащего в конечном итоге для утверждения абсолютизма по божественному праву, и контрактуализма, обосновывающего конституционную монархию, базирующуюся на договоре. Тиррелл принадлежал именно к лагерю контрактуалистов[27]. Счочет, таким образом, расширяет круг важных вигских идеологов, показывая однородность позиций Локка, Сиднея и Тиррелла, отмечает значимость их полемической деятельности.

Лишь в 1976 г. выходит первое исследование, посвященное обзору биографии и литературной деятельности уже непосредственно Тиррелла. Получило оно достаточно характерное название: «Джеймс Тиррелл – вигский историк и друг Джона Локка». Автором его стал оксфордский исследователь проблем общественного договора и локковской политической мысли Джон

[26] Schochet G. Patriarchalism in Political Thought... P. 200.
[27] Ibid. P. 207.

Гоуф[28]. Тот факт, что даже в названии статьи пришлось объяснять, кем являлся Тиррелл, свидетельствует о том, что имя его было мало известно широкому кругу исследователей. Как и следует из названия, отношения с Локком послужили главной темой работы и определили структуру изложения. Источниковым материалом статьи стали по преимуществу воспоминания и переписка, собственные же сочинения Тиррелла Гоуф рассматривает мельком, порой давая им уничижительную характеристику и зачастую отказывая в самостоятельной теоретической значимости. Следуя выводам Ласлетта, Гоуф признает все же, что «Патриарх – не монарх» является самостоятельным и оригинальным сочинением Тиррелла, более того, написанным в тайне от Локка[29]. Им отмечаются как существенные сходства в работах обоих мыслителей, так и различия, сближающие Тиррелла с мейнстримом вигской мысли. От последнего Локка отличал ряд характерных черт и, в частности, отсутствие интереса к исторической аргументации. Тиррелл, уверен Гоуф, живо интересовался работами Локка, тогда как интерес последнего к штудиям своего университетского приятеля был не более чем «прохладным»[30]. Другому важному сочинению Тиррелла – «Политической библиотеке» – Гоуф уделяет внимание лишь мимоходом, иронично характеризуя ее как «крупномасштабное усилие в эрудиции», с помощью которого Тиррелл намеревался разрешить теоретические споры, инициированные работами Филмера и Брэйди. И наконец, «Историю Англии» Гоуф почему-то начинает критиковать за многочисленные неточности и искажения, хотя и признает ее откровенно пропагандистский характер[31].

В целом в 1960–70-е гг. в англоязычной литературе были заложены основы изучения развития политической мысли на фоне широкого исторического контекста, и в этой связи методология кембриджской школы интеллектуальной истории предполагала изучение не только работ «великих» мыслителей, таких как Джон Локк или Томас Гоббс, но и обращение внимания на обширный круг

[28] Gough J. W. James Tyrrell, Whig Historian and Friend of John Locke // The Historical Journal. Vol. 19. No. 3. (Sep., 1976). P. 581–610.
[29] Gough J. W. James Tyrrell... P. 586.
[30] Ibid. P. 603.
[31] Ibid. P. 602–605.

мыслителей второго ряда. В рамках подобного подхода исследователи начали уделять внимание деятельности Джеймса Тиррелла, хотя и видели в нем все еще лишь бледное подобие Локка.

В 1980 г. вышла статья Ричарда Ашкрафта, которая легла в основу изданной шестью годами позднее книги «Революционная политика и “Два трактата о правлении” Локка». Главный тезис Ашкрафта здесь развил и уточнил многие положения, высказанные П. Ласлеттом двадцатью годами ранее. Ашкрафт предположил, что вопреки мнению традиционной либеральной историографии, Локк вовсе не был выразителем господствовавших среди вигов идей, а политические цели графа Шефтсбери разделяло меньшинство английского общества. Скорее, убежден Ашкрафт, Локка можно считать идеологом узкой группы радикальных сторонников Шефтсбери, отличных от вигских «магнатов», стоявших за Славной революцией 1688–89 гг. Усилия и Шефтсбери, и Локка были направлены на осуществление революционного переворота, кардинальную смену характера политического режима и выразились в радикальных предложениях трех вигских парламентов, Райхаузском заговоре, а закончились неудачным восстанием, поднятым герцогом Монмаутом[32]. В связи с высказанными по поводу Локка аргументами, Ашкрафт уделил серьезное внимание и Дж. Тирреллу. Последний, в отличие от своего друга, не был причастен к радикальным заговорщикам и поэтому выражал политические настроения более широких кругов «партии страны». Политическая позиция Тиррелла, по мнению Ашкрафта, отличалась большим консерватизмом и умеренностью, что, в свою очередь, отражает раскол в партии вигов на тех кто «видел в джентри лишь политически ненадежных и отсталых сельских джентльменов, и тех, кто активно пытался привлечь их на сторону вигов»[33]. Первые ориентировались на радикальные методы и заговорщицкую стратегию, вторые больше полагались на «конституционные» меры и широкую общественную поддержку. В Тиррелле

[32] Ashcraft R. Revolutionary Politics and Locke’s Two Treatises of Government: Radicalism and Lockean Political Theory // Political Theory. Vol. 8. No. 4 (Nov., 1980). P. 431.

[33] Ashcraft R. Revolutionary Politics and Locke’s Two Treatises of Government. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1986. P. 246.

Ашкрафт видел идеолога именно второй группы. Работа Р. Ашкрафта, таким образом, поставила вопрос о внутреннем расслоении вигов и различной степени радикальности группировок внутри партии и, соответственно, идей, служащих выражением их идеологической позиции. Вопрос этот до сих пор остается одним из спорных вопросов английской политической истории XVII в. Р. Ашкрафт, кроме того, поместил Тиррелла в контекст отмеченного им размежевания, отметив больший консерватизм его взглядов по сравнению со взглядами Джона Локка.

Работы Ласлетта и Ашкрафта подорвали убеждение традиционной либеральной историографии в том, что «Два трактата о правлении» Джона Локка были постфактум обоснованием Славной революции 1688 г., выражавшим доминировавшие в прогрессивном английском обществе политические идеи, а также представление, что именно этот комплекс идей разделяли большинство сторонников вигов. Оба исследователя солидарны в отнесении трактатов Локка к периоду «кризиса по вопросу об исключении». Как следствие, Локк превращается в идеолога радикальной, но не состоявшейся революции, которая к тому же поддерживалась меньшинством даже среди вигов, не говоря уже об английском обществе в целом. Изучение ранней работы Тиррелла, которая была издана в период «кризиса по вопросу об исключении» и датировка которой, следовательно, абсолютно достоверна, способствует подтверждению этого тезиса. Вместе с тем позиция самого Тиррелла и его место в общественно-политическом дискурсе после работы Ашкрафта начинает снова активно обсуждаться лишь в конце 1990-х – начале 2000-х гг. и все еще остается предметом дискуссий.

В работе 1999 г., посвященной радикальному вигизму, к анализу сочинений Тиррелла обращается Мелинда Зук. В отличие от Ашкрафта, она причисляет его к радикальному крылу вигов. В тирреллovском опровержении абсолютности отцовской власти в трактате «Патриарх – не монарх» она увидела, ни много ни мало, безоговорочное обоснование права на сопротивление, которое к тому же

повлияло на взгляды Локка[34]. Зук, кроме того, полагает, что, несмотря на первый взгляд отстраненный образ жизни в сельском поместье, Тиррелл поддерживал активные связи с радикалами в столице и даже причислялся властями к категории «недовольных»[35]. Оценка Тиррелла как «умеренного», по мнению автора, основывается на недостаточно внимательном прочтении его произведений. Это, в свою очередь, не позволяло увидеть цель его пропагандистской и историографической деятельности, поскольку его сочинения 1690-х гг. были адресованы именно «радикальной публике»[36]. Главную заслугу Тиррелла Зук видит в синтезе идей рационалистов, таких как Джон Локк и Томас Хант, и конституционалистов, таких как Томас Аттвуд и Самюэль Джонсон. Тиррелл тем самым «преобразовал идеи радикальных теоретиков в единое целое» и придал «новую респектабельность» вигизму после Славной революции[37].

С оценкой Тиррелла как радикала согласна и Рэйчел Уэйл, которая анализирует его сочинения в рамках исследования, посвященного взаимосвязи политической теории и концептуализации семейных отношений в Англии конца XVII – начала XVIII вв. Тиррелл сознательно стремился позиционировать себя как «умеренного», отодвинув «центр» как можно левее и подтвердив многие патриархальные предрассудки касательно внутрисемейных отношений, – уверена Уэйл[38]. Ли Уард, напротив, считает, что Тиррелл является характерным представителем умеренного вигизма, а его работа «Патриарх – не монарх» – «классическим умеренно-вигским произведением в защиту ограниченной монархии»[39]. Уард полагает, что в этой работе «умеренный вигизм» проявился в качестве самостоятельного течения мысли, характеризующегося «вкраплениями философских категорий и допущений естественно-правовой мыли конца XVII столетия в противоречия английского конституционализма эпохи “кризиса по

[34] Zook M. Radical Whigs and Conspiratorial Politics in Late Stuart England. University Park, Pennsylvania: Pennsylvania University Press, 1999. P. 177.

[35] Zook M. Op. cit. P. 177.

[36] Ibid. P. 186.

[37] Ibid. P. 187.

[38] Weil R. J. Political Passions: Gender, the Family, and Political Argument in England, 1680–1714. Manchester: Manchester University Press, 1999. P. 60.

[39] Ward L. The Politics of Liberty in England and Revolutionary America. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 105.

вопросу об исключении”». Уард выделяет характерные черты того, что она зовет «умеренным» вигизмом: отрицание народного суверенитета; допущение права на сопротивление с очень серьезными ограничениями; отрицание теории распада системы правления, опирающееся на понимание договорной и естественно-правовой теории, навеянное трудами С. Пуфендорфа[40]. Хотя он и не принимал активного участия в событиях Славной революции, согласно Уард, Тиррелл стал знаменит в 1690-е гг. как один из «умеренных вигских апологетов» революции благодаря влиянию своей увесистой «Политической библиотеки»[41].

В начале 2000-х гг. появляется первая и до сегодняшнего дня единственная монография, посвященная Джеймсу Тирреллу – работа Джулии Рудольф «Постепенная революция: Джеймс Тиррелл и политическая мысль вигов конца XVII века». В своей работе Рудольф следует принятой методологической схеме и обращает внимание по преимуществу на злободневную политическую составляющую трудов Тиррелла. Характеристика его как «умеренного» вига является главным результатом исследования. Новым в этой работе является обращение к критике взглядов Тиррелла с позиций современного феминизма, намеченное, правда, уже и в работе Р. Уэйл. Анализируя трактат «Патриарх – не монарх», Рудольф приходит к выводу, что тирреллловская критика Филмера базируется на теории первоначального договора и согласия народа на управление под определенной системой правления, выраженного в момент образования гражданского общества. Рудольф уверена, что, несмотря на приверженность договорной теории, в своем раннем сочинении Тиррелл не допускает возможности сопротивления. Народ может лишь судить о правильности или неправильности действий правительства и сообщать ему о своем мнении, но не должен выказывать какого-либо активного неповиновения[42]. В сочинениях же 1690-х гг. Тиррелл становится более радикален и уже без колебаний оправдывает право на сопротивление, что необходимо ему для теоретического обоснования

[40] Ward L. Op. cit. P. 108.
[41] Ibid. P. 107.
[42] Rudolph J. Revolution by Degrees: James Tyrrell and Whig Political Thought in the Late Seventeenth Century. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2002. P. 56.

событий Славной революции. Сопротивление оправдано, когда тираническое правление нацелено на уничтожение «древней конституции» страны. Тезис об оправданности сопротивления использовался не только Тирреллом и был ключевым вигским аргументом в пользу смены правящего монарха. Рудольф все же считает Тиррелла «умеренным» вигом, близким скорее к умеренным же тори, чем к радикалам наподобие Локка и Шефтсбери[43]. Именно Тиррелла, а не Локка, можно считать теоретиком революции у вигов[44]. И все же Джон Локк в конечном итоге всплывает как главный фокус и этого исследования. Анализу его позиции *vis-a-vis* других вигских теоретиков Рудольф посвящает отдельную главу и находит, что, несмотря на свой радикализм в отношении возможности перезаключения первоначального договора в ходе революции, Локк солидаризировался по многим вопросам с другими вигскими идеологами, включая и Тиррелла.

Несколько односторонняя приверженность Рудольф к тезису, высказанному Квентином Скиннером в его магистральной работе «Основы политической мысли Нового времени», привела к тому, что автор уделяет практически исключительное внимание тому, как Тиррелл развивает тему сопротивления власти и игнорированию других важных аспектов вигской политической теории: вопроса семейных отношений и роли в них главы семьи; оправдания деизма как необходимой мировоззренческой основы для обоснования тезисов естественно-правовой теории; значения традиционной английской конституции в вопросе ограничения королевской прерогативы и т. д. По этой же причине Рудольф не замечает большей умеренности работ Тиррелла 1690-х гг., поскольку главным свидетельством радикализма ей представляется готовность оправдать революцию, в то время как Тиррелл это делает как раз для того, чтобы придать ей большую консервативную респектабельность. В целом работу Рудольф нельзя признать исчерпывающим исследованием всего спектра идей, высказанных на страницах

[43] Rudolph J. Op cit. P. 24.
[44] Ibid. P. 148.

сочинений Тиррелла, а также их связи с историко-политическим контекстом эпохи.

В отечественной историографии отсутствуют работы, посвященные непосредственно Тирреллу. Не затрагивается он в коллективной монографии о просветительском движении в Англии 1991 г.[45] Анализ его произведений отсутствует и в новейшей монографии Т. Л. Лабутиной и Д. В. Ильина, рассматривающей общественно-политическую и педагогическую мысль английского Просвещения[46]. Несколько страниц Тирреллу отводит И.М. Эрлихсон в работе, исследующей утопическую традицию в общественно-политической мысли Англии второй половины XVII – начала XVIII вв.,[47] хотя в ее же книге, выпущенной годом ранее и посвященной английской общественной мысли второй половины XVII в., Тиррелл не упоминается вовсе[48]. Автором рассматриваются исторические труды Тиррелла, а его главную заслугу она видит в «умении обратить доводы идеологических противников в пользу вигов, доказать наличие в ранней Англии независимых собственников, которые и учредили власть монарха, ограниченную народным собранием»[49]. В целом Тиррелл – это открытый выразитель «интересов партии вигов»[50]. Упоминается Тиррелл и в недавнем капитальном исследовании А. Яковлева, посвященном реконструкции «контекстов» написания Локком его политических произведений, правда, это упоминание ограничивается обзором историографии в отношении датировки «Двух трактатов о правлении». Яковлев делает тем не менее интересное замечание о том, что многочисленные сходства между трактатом Локка и сочинением Тиррелла «Патриарх – не монарх» могут быть объяснены тем, что

[45] Просветительское движение в Англии. Под ред. Н.С. Мещеряковой. М.: Издательство МГУ, 1991.

[46] Лабутина Т. Л., Ильин Д. В. Английское просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб.: Алетейя, 2012.

[47] Эрлихсон И. М. В поисках идеала: Из истории английской утопической мысли второй половины XVII – начала XVIII вв. М.: Научная книга, 2008.

[48] Эрлихсон И. М. Английская общественная мысль второй половины XVII века. М.: Научная книга, 2007.

[49] Эрлихсон И. М. В поисках идеала… С. 214.

[50] Там же. С. 212.

Локк имел под рукой издание труда своего младшего коллеги во время работы над своим вторым трактатом о правлении[51].

Как мы видели, в большинстве своем исследователи заняты выяснением вопроса радикальности или умеренности, то есть исключительно политической характеристикой Тиррелла, при этом конечной целью анализа его сочинений в большинстве случаев является задание контекста для понимания политической теории Джона Локка. При этом задача целостной реконструкции взглядов Тиррелла практически не ставилась. Без внимания остается и еще один важный аспект идеологии вигов, связанный со стремлением «модернизировать» общественное мировоззрение. Идеология, связываемая с партией вигов, имеет значение не только как программа политического действия, но и как программа модернизации общественных отношений, в том числе и внутрисемейных, секуляризации сознания в отношении религиозных вопросов, а также десакрализации представлений о власти. Взятая как целое идеология вигов была направлена на трансформацию английского общества в долгосрочной перспективе и не может быть сведена только к текущим политическим вопросам. И действительно, по утверждениям ряда современных исследователей, после Славной революции процесс модернизации английского социума входит в новую активную фазу и в обозримой перспективе приведет к трансформации целого ряда общественных и государственных институтов[52]. Идеология вигов стремилась не только оправдать свершившуюся политическую революцию, но и стать основой для концептуализации запущенных ею модернизационных процессов.

Объектом исследования является идейный аспект партийно-политической борьбы в Англии в последней четверти XVII в., **предметом исследования** – политическая концепция Джеймса Тиррелла, изложенная в его сочинениях 1681–1690-х гг. и направленная на идеологическое обоснование политической и мировоззренческой позиции, занимаемой приверженцами вигов в связи с актуальными политическими событиями в Англии указанного периода.

---

[51] Яковлев А. Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина. М.: Издательство института Гайдара, 2013. С. 176.

[52] Pincus S. 1688: The First Modern Revolution. New Haven and London: Yale University Press, 2009. P. 11.

Цель диссертационного исследования – целостная реконструкция социально-политических взглядов Джеймса Тиррелла как одного из важнейших идеологов партии вигов последней четверти XVII в.

Задачи:

1. Охарактеризовать основные этапы партийно-политической борьбы периода активной публицистической деятельности Тиррелла, а также политико-идеологического оформления партии вигов в последней четверти XVII столетия.

2. Дать характеристику политическим теориям, служившим главным объектом критики в сочинениях Тиррелла: патриархализму, нашедшему яркое выражение в работах Роберта Филмера, и доктрине пассивного повиновения, превратившейся к началу 1680-х гг. фактически в официальную государственную и церковную идеологию.

3. Проанализировать основные политические сочинения Тиррелла, относящиеся к двум разным политическим периодам: к эпохе «кризиса по вопросу об исключении» 1679–1681 гг. и периоду после Славной революции 1688 г.

4. Продемонстрировать преемственность и эволюцию взглядов Тиррелла на протяжении вышеуказанных периодов.

5. Показать формирование политической концепции Тиррелла в связи с ключевыми темами общественно-политического дискурса в Англии последней четверти XVII в.: критикой патриархальной теории происхождения власти и государства; естественно-правовой и договорной теорией; обоснованием права на сопротивление власти; утверждением ограниченного характера английской монархии, а также законности, «конституционности», политического режима, сложившегося в результате Славной революции.

Решение указанных задач позволит продемонстрировать значительную преемственность взглядов Тиррелла до и после Славной революции, а также дать характеристику его политической позиции как «умеренно-радикальной», что поможет разрешить сложившееся в историографии противоречие. Радикализм в его случае предполагает готовность к революционным преобразованиям

политической системы до переворота 1688 г. и полное одобрение событий свершившейся революции. При этом следует, конечно, иметь в виду что содержательное наполнение понятия «революция» в Англии последней четверти XVII в. существенно отличалось от современного, о чем будет сказано позднее. Умеренность же Тиррелла состояла в готовности мириться с любым правителем и правительством, остававшимся в своих практических шагах в рамках принятых представлений о «старинной английской конституции», а также желании распространить данное понимание конституции среди максимально широких кругов «респектабельного» английского общества.

Территориальные рамки исследования. Исследование посвящено изучению политических работ английского мыслителя Джеймса Тиррелла на фоне политической и идеологической борьбы в Англии, поэтому территориальные рамки исследования ограничиваются пределами английского королевства под властью династии Стюартов. Помимо работ самого Тиррелла, в исследовании рассматриваются также и работы других английских мыслителей, посвященные актуальным политическим вопросам, характерным для английской истории XVII в.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом 1679–1700 гг., то есть периодом острого политического противостояния и складывания партий. Выбор нижней границы связан с началом самого значительного политического кризиса эпохи правления Карла II (1660–1685), в результате которого впервые складываются отчетливые партийно-политические группировки тори и вигов, а также начинается процесс оформления их идеологических позиций. Выбор верхней границы обусловлен стабилизацией режима, установленного после Славной революции 1688 г. и укреплением позиций вигов в заключительный период правления Вильгельма Оранского (1689–1702). Этот же хронологический период совпадает и со временем наибольшей публицистической активности Джеймса Тиррелла. Его первое крупное сочинение выходит в 1681 г. и как таковое может считаться результатом размышлений вигов по поводу событий «кризиса по вопросу об исключении»

1679–1681 гг. В 1679 г. были изданы несколько работ Роберта Филмера, и можно предположить, что уже тогда Тиррелл задумал или даже начал работу над сочинением, содержащим опровержение филмеровских идей. Непоследовательность в нумерации страниц трактата «Патриарх – не монарх» частично подтверждает данное предположение (см. сноску 56). В 1700 г. из печати выходит второй том «Всеобщей истории Англии» Тиррелла, то есть его последней крупной работы, связанной со злободневными политическими дискуссиями 1690-х гг.

Научная новизна исследования определяется тем, что это первое в отечественной историографии исследование политических взглядов Джеймса Тиррелла – одного из ведущих идеологов английской партии вигов в XVII в. Кроме того, в работе впервые в исследовательской литературе предпринята попытка комплексной реконструкции его политического мировоззрения в связи с ключевыми политическими проблемами английской политической истории последней четверти XVII в., такими как истоки и суть государственной власти, пределы участия людей в учреждении системы правления и их последующего влияния на ее функционирование, ограниченность или абсолютность власти монарха в Англии, древность и действенность английской конституции и парламента. Политическим взглядам Тиррелла дается характеристика как «умеренно-радикальным», что предполагает, с одной стороны, готовность к радикальным преобразованиям политической системы и желание обосновать эти преобразования положениями, отвечающими традиционным представлениям о «древней» английской конституции – с другой.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в применении контекстуальной методологии кембриджской школы интеллектуальной истории к анализу идей конкретного политического мыслителя на фоне событий партийно-политической борьбы. Материалы диссертации могут быть использованы в дальнейших исследованиях развития партийной идеологии в Англии и могут задействоваться в процессе преподавания таких дисциплин как «Новая история стран Европы и Америки», «История социально-политической мысли Европы»,

«История политических партий и учений» и др. Кроме того, материалы диссертационного исследования использовались автором при преподавании таких дисциплин как «История Западной цивилизации в Новое время», «Социально-политические идеологии Европы раннего Нового времени» и «Общественно-политическая мысль Европы» студентам третьего курса, обучающимся по специальностям «История» и «Археология» на отделении истории Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Методологическая и методическая основа исследования. При написании диссертационного исследования автор ориентировался на методологические принципы, связываемые с деятельностью так называемой «кембриджской школы» интеллектуальной истории, главным объектом изучения которой является, прежде всего, история политической мысли в раннее Новое время. Именно данный подход позволяет конкретизировать принцип историзма применительно к изучению истории политической мысли и политических идеологий. Один из главных методологических принципов кембриджской школы заключается в том, что историю идей, и политической мысли в частности, нельзя рассматривать как «вневременной» диалог между «великими» мыслителями. Напротив, необходимо обращать более пристальное внимание на исторический контекст. Любое политическое произведение обязано своими характерными чертами насущным задачам политической и социальной борьбы. Согласно одному из ведущих представителей данного направления – Квентину Скиннеру – понять смысл политических произведений прошлого невозможно, опираясь исключительно на тексты (то есть используя лишь текстуальный метод), без привлечения исторического контекста или представления о целях и намерениях автора. Нельзя ограничиться и рассмотрением политической мысли как «надстройки» над «объективными» социально-экономическими интересами правящего класса. Подход Скиннера восходит к теории «речевых актов» Джона Остина, согласно которой значение каждого высказывания (письменного или устного) должно пониматься как действие, направленное на достижение целей того, кто его

совершает. Кроме того, Скиннер апеллирует и к Коллингвуду, согласно которому история политической мысли должна изучаться не как серия попыток дать ответ на канонический набор вопросов, а скорее, как последовательность эпизодов, в которых менялись как вопросы, так и ответы[53].

В своем главном труде «Основы политической мысли нового времени» (*Foundations of Modern Political Thought,* 1978) Скиннер предлагает изучать историю политической мысли не столько как историю «великих текстов», сколько как историю «идеологий», поскольку понять великих мыслителей можно лишь поместив их работы в контекст лингвистических условностей, принятых в современном им обществе[54]. Идеология, или идеологии, по Скиннеру, – это и есть набор лингвистических условностей, объединенный определенной политической тематикой. Контекстуализация концептов происходит у Скиннера за счет темпоральной и пространственной локализации авторов текстов, поскольку именно их цели и стремления стоят за исторической жизнью идей. Именно поэтому Скиннер критикует подход Артура Лавджоя к изучению узловых «идей-блоков», так как подобный метод лишает историю действующих лиц – людей – и представляет ее как гегелевское «саморазвитие» разума.

Определение, данное Скиннером понятию «идеология», в несколько модифицированном виде было использовано и в данной работе. В рамках настоящего исследования под «идеологией» понимается система идей, направленная на обоснование определенного видения актуальной или потенциальной системы общественно-политических отношений. Идеология, таким образом, может как оправдывать существующий расклад сил в обществе, так и обосновывать необходимость его изменения в определенном направлении. Кроме того, политические идеологии несут важную функцию по интерпретации сложившихся отношений, формируя определенное социальное понимание

[53] Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. Vol. 8. No. 1. (1969). P. 3–8.

[54] Skinner Q. Foundations of Modern Political Thought. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. xi.

существующей системы, тем самым подталкивая ее к определенной трансформации.

Источниковая база исследования. Источники, на основе которых написано диссертационное исследование, можно разделить на несколько групп. *Основную группу источников* составили сочинения самого Джеймса Тиррелла, опубликованные по большей части в период 1681–1700 гг. Это прежде всего его главные политические произведения «Патриарх – не монарх»[55] и «Политическая библиотека». Первое создавалось как ответ на публикацию произведений Филмера сторонниками «партии двора» в 1679 и 1680 гг. и стало первым развернутым ответом вигов на пропагандистскую кампанию тори в попытке обосновать проабсолютистскую политику двора[56]. «Политическая библиотека» – ключевое произведение Тиррелла 1690-х гг., в котором предпринята попытка всестороннего и детального обоснования вигской доктрины[57]. Кроме того, использованы материалы и других произведений Тиррелла[58].

---

[55] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha. The patriarch unmonarch'd: being observations on a late treatise and divers other miscellanies, published under the name of Sir Robert Filmer, Baronet: in which the falseness of those opinions that would make monarchy Jure divino are laid open, and the true principles of government and property (especially in our kingdom) asserted / by a lover of truth and of his country. London: Printed for Richard Janeway, 1681.

[56] Характерной отличительной особенностью печатного текста «Патриарха – не монарха» является двойная нумерация страниц – номера страниц идут последовательно до страницы 136, а затем снова начинаются с 97. Исследовали пробовали давать различные объяснения данному обстоятельству, иногда делая далеко идущие выводы об авторстве трактата. Наиболее вероятным объяснением, представляется все же то, которое было предложено П. Ласлеттом: Тиррелл начал работу над опровержением сочинений Филмера, напечатанных в 1679 году, но после издания в 1680 году его «Патриарха» решил добавить дополнительный текст в свою работу, верстка которой в типографии уже началась (Laslett P. Introduction // John Locke. Two Treatises on Government / Ed. with introduction and notes by Peter Laslett. Cambridge: Cambridge University Press, 1988 (first edition 1960). P. 60). В данном исследовании ссылки на страницы с двойной нумерацией будут даваться следующим образом: сначала будет идти номер, указанный на странице, а в скобках фактический, который был бы у страницы в случае нормальной последовательной нумерации страниц. Ссылка, например на С. 100 (140) будет означать, что это отсылка ко второй странице с номером 100, и 140 по фактическому порядку. Сноски на страницы со 137 и далее вновь даются с указанием лишь номера указанного на странице.

[57] Tyrrell J. Bibliotheca politica: or An enquiry into the ancient constitution of the English government both in respect to the just extent of regal power, and the rights and liberties of the subject. Wherein all the chief arguments, as well against, as for the late revolution, are impartially represented, and considered, in thirteen dialogues. Collected out of the best authors, as well antient as modern. To which is added an alphabetical index to the whole work. London: Printed for R. Baldwin, 1694.

[58] Tyrrell J. A Brief Disquisition of the Law of Nature According to the Principles and Method Laid down by the Reverend Dr. Cumberland's Treatise on that Subject. London: Printed by Richard Baldwin, 1692; Idem. A Brief enquiry into the ancient constitution and government of England as well in respect of the administration, as succession thereof. Set forth by way of Dialogue, and fitted for Men of Ordinary Learning and Capacities. By a true lover of his country. London: Printed by R. Baldwin, 1695; Idem. The general history of England, as well ecclesiastical as civil. from the earliest accounts of time to the reign of his present Majesty King William: taken from the most antient records, manuscripts, and historians: containing the lives of the kings and memorials of the most eminent persons both in church and state: with the foundations of the noted monasteries and both the universities. London: Printed for Henry Rhodes, 1696; Idem. The General History of England both Ecclesiastical and Civil. Vol. II. From the Beginning of the Reign of King William I to the End of the Reign of King Henry III. London: Printed by W. Rogers, 1700.

Вторая группа источников – политические произведения, трактаты и памфлеты, служащие идеологическим выражением определенной политической позиции или содержащие относящиеся к таковой важные теоретические принципы. Эту группу можно разделить на три подгруппы: работы сторонников тори и их предшественников, работы вигов и их предшественников и работы, имеющие теоретическую значимость, выходящую за пределы контекста текущей политической борьбы в Англии. В первую подгруппу входят прежде всего сочинения Роберта Филмера, опровержению работ которого посвящена первая крупная работа Тиррелла[59], а также современных Тирреллу сторонников «партии двора»[60]. К этой же подгруппе можно отнести сочинения и изданные в виде брошюр проповеди священнослужителей англиканской церкви[61]. Во вторую входят в первую очередь работы друга и современника Тиррелла Джона Локка[62], а также других вигских теоретиков и тех, в ком они видели своих предшественников[63]. Сюда же можно отнести и парламентские речи лидеров партии вигов, которые, будучи изданными, получили широкую известность фактически в качестве политических памфлетов[64]. И, наконец, третья подгруппа –

---

[59] Filmer R. Patriarcha: or the Natural Power of Kings. By the Learned Sir Robert Filmer, Baronet. London, printed by Walter Davis, 1680; Idem. Observations upon H. Grotius De Jure Belli et Pacis // Patriarcha and other Political Works of Sir Robert Filmer / Ed. by Peter Laslett. Oxford: Blackwell, 1949; Filmer R. The Anarchy of a Limited or Mixed Monarchy // Patriarcha and Other Political Works of Sir Robert Filmer / Ed. By Peter Laslett. Oxford: Blackwell, 1949; Idem. The Necessity of the Absolute Power of all Kings: and in particular, of the King of England. London, s. n. 1648.

[60] Bohun Edm. Epistle Dedicatory // Patriarcha: or the Natural Power of Kings. By the Learned Sir Robert Filmer, Baronet. London: Printed for R. Chiswel, W. Hensman, M. Gilliflower, and G. Wells, 1685; Idem. Preface to the Reader // Patriarcha, or, The natural power of kings by the learned Sir Robert Filmer… London: Printed for R. Chiswel, W. Hensman, M. Gilliflower, and G. Wells, 1685.

[61] Hickes G. A discourse of the soveraign power in a sermon preached at St. Mary Le Bow, Nov. 28, 1682, before the Artillery Company of London… London: Printed for John Baker, 1682; Maynwaring R. The First Sermon Preched before the Kings Majestie at Oatlands, on the fourth Day of July 1627 // Religion and allegiance by Roger Maynwaring. London: Printed by I. H. for Richard Badger, 1627; Ussher J. The Power Communicated by God to the Prince and the Obedience Required from the Subject. London, 1661.

[62] Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения в 3-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1988; Локк Дж. Послание о веротерпимости // Сочинения в 3-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1988; Locke J. First Tract on Government // Locke. Political Essays / Ed. by Mark Goldie. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

[63] A. B. Allegiance vindicated, or the takers of the new oath of allegiance to K. William & Q. Mary justified and the lawfulness of taking it asserted, in its consistency with our former oaths, and also with the doctrine of the Reformed Church of England, concerning non-resistance & passive obedience, by a Divine of the Church of England. London: Printed for Brabazon Aylmer, 1690; Fortescue J. On the Laws of England // The Works of Sir John Fortescue, Knight, Chief Justice of England and Lord Chancellor to King Henry the Sixth / Collected and arranged by Thomas Fortescue, Lord Clermont. Vol. 2. London: Printed for private distribution, 1869; Idem. The Difference between an Absolute and Limited Monarchy. London: Printed by W. Bowyers, 1714; Petyt W. The Antient Right of the Commons of England Asserted London: Printed for F. Smith, T. Bassett, J. Wright, R. Chiswell and S. Heyrick, 1680.

[64] Buckingham G. Villiers, Duke of. The Duke of Buckinghams Speech in the House of Lords, November 16. 1675 // Two Speeches. I. The Earl of Shaftsbury's Speech in the House of Lords the 20th of October, 1675. II. The D. of Buckinghams Speech in the House of Lords the 16th of November 1675. Together with the Protestation, and Reasons of

общетеоретические работы, задающие контекст для политических произведений и зачастую послужившие источниками многих концептуальных теоретических идей в политической полемике[65].

Третья группа источников – это официальные документы правительства, парламента, церкви и университетов, использовавшиеся как для реконструкции контекста политической борьбы, так и для иллюстрации положений официально одобряемой идеологии. Документы данной группы использовались либо в оригинальных изданиях XVII века[66], либо в позднейших изданиях сборников документов[67].

В целом обозначенный корпус источников позволяет решить поставленные перед исследованием задачи и всесторонне реконструировать деятельность Джеймса Тиррелла по идеологическому обоснованию политической позиции вигов.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается привлечением обширной источниковой базы; анализом значительного объема

---

several Lords for the Dissolution of this Parliament; Entered in the Lords Journal the day the Parliament was Prorogued, Nov. 22d. 1675. Amsterdam: s. n., 1675; Halifax G. Saville, Marquis of. A Letter to A Dissenter, upon Occaision of His Majesty's Late Gracious Declaration of Indulgence. London: Printed for G. H., 1687; Shaftesbury A. Ashley Cooper, Earl of. The E… of S…'s Speech in the House of Lords, upon the debate of appointing a Day for hearing Doctor Shirley's Cause, 20 November 1675 // Two Speeches Made in the House of Peers. By a Protestant Peer of the Realm of England. The Hague: s. n., 1680; Idem. A Speech made in the House of Peers, by the E… of S… November 1678 upon consideration of the state and condition of England, Scotland and Ireland // Two Speeches Made in the House of Peers. By a Protestant Peer of the Realm of England. The Hague: s. n., 1680.

[65] Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения в 2-х тома. Т. 2. М.: Мысль, 1991; Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956; Кальвин Ж. Наставления в христианской вере. Книга IV.. Можайск, 1997; Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основании неравенства между людьми // Трактаты. М.: Наука, 1969; Vindiciae, contra tyrannos: siue, de principis in populum, populíque in principem, legitima potestate, Stephano Iunio Bruto Celta, auctore. Edinburgh: Printed by T. Guarinus, 1579.

[66] Bishop Overall's Convocation Book, MDCVI. Concerning the Government of God's Catholic Church and kingdoms of the Whole World. London: Printed for Walter Kettilby at the Bishop's Head in St. Paul's Church Yard, 1690; Constitutions and canons ecclesiasticall; treated upon by the Archbishops of Canterbury and York, presidents of the convocations for the respective provinces of Canterbury and York, and the rest of the bishops and clergie of those provinces; and agreed upon with the Kings Majesties licence in their severall synods begun at London and York. 1640. London: Printed by Robert Barker, 1640; His Majesties Most Gracious Speech Together with the Lord Chancellors, To both Houses of Parliament, On Monday, October 27, 1673. By his Majesties special command. Edinburgh: Re-printed by Andrew Anderson, printer to the Kings most excellent Majesty, 1673; The judgment and decree of the University of Oxford past in their convocation, July 21. 1683. Against certain pernicious books, and damnable doctrines destructive to the sacred persons of princes their state and government, and of all humane society. Rendred into English, and published by command. Dublin: reprinted and are to be sold at His Majesties printing house on Ormond Key, and by Joseph Wild bookseller in Castle street, 1683.

[67] Cobbet's Parliamentary History of England: from the Norman Conquest in 1066 to the year 1803. Vol. 5. London: Printed by T.C. Hansard, 1809; Eighteenth Century Constitution. Documents and Commentary / Compiled and introduced by E.N. Wiliams. Cambridge: Cambridge University Press, 1970; English Historical Documents, 1660–1714 / Ed. by A. Browning. London: Routledge, 1966.

историографии по теме диссертации; корректным применением общенаучных и специально-исторических методов, соответствующих поставленной цели и задачам исследования; осуществлением анализа информации источников на фоне исторического и интеллектуального контекста эпохи, обусловленного применением контекстуальной методологии кембриджской школы интеллектуальной истории к анализу идей конкретного политического мыслителя на фоне событий партийно-политической борьбы.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Патриархальная теория использовалась сторонниками «партии двора» для ниспровержения основных аргументов своих противников, восходящих, в конечном итоге, к спорам короны и парламента в эпоху первых Стюартов и гражданских войн.

2. Сочинение Дж. Тиррелла «Патриарх – не монарх» можно считать первой реализованной попыткой подвести всестороннюю теоретическую базу под политическую платформу вигов эпохи «кризиса по вопросу об исключении».

3. Многочисленные параллели между сочинениями Джеймса Тиррелла и Джона Локка следует объяснять не взаимным плагиатом, а скорее тем, что оба они принадлежали к определенной социальной среде и были выразителями настроений определенной социальной группы, при этом Тиррелл представлял более широкие круги сторонников политической программы вигов, чем и определяется большая умеренность его радикализма.

4. Джеймса Тиррелла можно считать одним из первых теоретиков просветительского деизма в Англии, поскольку Бог в его концепции рассматривается лишь как первоначальный творец мира и человека, развитие которых происходит по естественным законам, постигаемым с помощью не религии и Священного Писания, а разума.

5. В своих сочинениях 1690-х гг. Тиррелл становится на более «умеренные» позиции и использует более осторожный язык, несмотря на теперь

уже открытое обоснование права на сопротивление, с тем чтобы создать теоретическую платформу для более широкого общественного консенсуса по принятию событий переворота 1688 г.

6. Главной особенностью обоснования права на сопротивление в «Политической библиотеке» является апелляция к двум типам аргументации: естественно-правовой и конституционной, опирающейся на определенные, достаточно широко распространенные в обществе представления о «старинной» английской конституции.

7. Анализ сочинений Тиррелла позволяет сделать вывод о преемственности партийной идеологии в период до и после Славной революции 1688 г., что в свою очередь может служить аргументом в пользу преемственности партийной истории как таковой.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры всеобщей истории Новосибирского национального исследовательского государственного университета, на научных семинарах кафедры и других мероприятиях.

Публикации автора по теме диссертации. По теме диссертационного исследования опубликовано 4 работы, в том числе 3 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук; одна статья опубликована в сборнике научных трудов.

1 Политическая борьба в Англии в последней четверти XVII в.

1.1 Складывание партийных группировок в 1670-е гг. и «кризис по вопросу об исключении»

Главная особенность английской социально-политической мысли XVII в. заключается в ее теснейшей связи с контекстом тех политических событий, на фоне которых она непосредственно создавалась. Поэтому совершенно невозможно составить адекватное представление о ее развитии в отрыве от реалий общественно-политической борьбы. Это в полной мере относится и к сочинениям Джеймса Тиррелла, не только отразившим остроту политического размежевания Англии последней четверти XVII в., но и даже заслужившим упрек современников за чрезмерную приверженность партийной линии вигов[68]. Обращение к событиям политической истории поэтому представляется совершенно необходимым для адекватного понимания путей и способов идеологического обоснования вигской стратегии и тактики.

Традиционно признается, что восстановление монархии в Англии весной 1660 г. было встречено практически единодушным одобрением всего общества, утомленного перипетиями «пуританского мятежа»[69]. Хотя в историографии высказывались предположения о том, что некоторые социальные группы могли быть недовольны реставрацией, но все же признается, что они не составляли существенной части английского общества[70]. Значительная оппозиция правительственному курсу отсутствовала практически до поражений во второй англо-голландской войне 1665–1667 гг. – первого серьезного политического кризиса в царствование Карла II. О широте общественной поддержки восстановленной королевской власти свидетельствует хотя бы тот факт, что многие будущие противники как правительственной политики, так и

[68] Gough J. W. James Tyrrell… P. 605

[69] Godfrey D. Charles II in 1660 // Huntington Library Quarterly. Vol. 19. No. 3 (May, 1956). P. 257.

[70] Harris T. Politics under the Later Stuarts: Party Conflict in a Divided Society, 1660–1715. New York & London: Routledge, 2013. P. 27–33.

чрезмерности королевских прерогатив, выступают с восторженным одобрением свершившихся событий. В 1661 г. не кто иной, как будущий критик абсолютизма и идеолог партии вигов Джеймс Тиррелл прилагает все усилия к тому, чтобы опубликовать сочинение своего деда, ирландского архиепископа Джеймса Ашера, озаглавленное «Власть, переданная Богом государю и повиновение, требуемое от подданных»[71]. Ашер написал этот трактат в 1639 г. по правительственному заказу в период «Епископских войн» в Шотландии, стремясь обосновать абсолютный, а не ограниченный или «смешанный» характер английской монархии[72]. В 1661 г. Тиррелл, таким образом, не видел никакого вреда в публикации сочинения, обосновывающего божественное происхождение королевской власти. Напротив, предвосхитив практику тори по идеологическому обоснованию своей политики, он способствовал публикации работы, не увидевшей свет при жизни автора, но пришедшейся кстати в новых политических реалиях. Воздать долг своему усопшему предку Тиррелла обязывает ни много ни мало «естественный закон», и делает он это, посвящая работу деда «его священному величеству» королю Карлу II[73]. Старший товарищ Тиррелла, Джон Локк, также пишет в эти годы сочинение, оправдывающее абсолютность верховной власти и ее применимость в отношении установления религиозного однообразия[74]. Таким образом, он фактически дает теоретическое обоснование консервативной проангликанской политике, проводившейся «кавалерским» парламентом в 1660-е гг. Заверяя потенциального читателя, что никто не «уважает и не преклоняется перед властью» больше, чем он, Локк полагает себя обязанным содействовать наконец установившемуся в Англии общественному миру, «направляя умы людей к повиновению правительству, принесшему с собой покой и умиротворение»[75].

---

[71] Ussher J. The Power Communicated by God to the Prince and the Obedience Required from the Subject. London, 1661.

[72] Ford A. James Ussher: Theology, History and Politics in Early Modern Ireland and England. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 224–225.

[73] Tyrrell J. The Epistle Dedicatory // James Ussher. The Power Communicated by God to the Prince and the Obedience Required from the Subject. London, 1661.

[74] Kraynak R. P. John Locke: From Absolutism to Toleration // The American Political Science Review. Vol. 74. No. 1. Mar., 1980. P. 53

[75] Locke J. First Tract on Government // Locke. Political Essays / Ed. by Mark Goldie. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 7.

Запаса прочности нового режима хватило чуть более чем на десять лет. Общественное возмущение поражениями в войне с Республикой Соединенных провинций и сопровождавшими войну неурядицами в виде чумы и пожара в столице удалось погасить, пожертвовав главным министром и многолетним советником короля графом Кларендоном. Период 1667–1673 гг. иногда описывают как первый кризис эпохи Реставрации, связанный, помимо вышеперечисленного, еще и с ужесточением репрессивной политики против диссентеров[76]. В эти годы на смену Кларендону пришло министерство, главную роль в составе которого играли пять человек. По первым буквам фамилий министров правительство получило прозвище «кабаль» (англ. *cabal* – заговор, измена, интрига) как за свое стремление проводить политику за спиной парламента, так и в отражение того факта, что правительственная власть была распределена среди группы лиц, а не сосредоточена в руках одного министра, как это обыкновенно бывало. В состав министерства вошли лорд Клиффорд, барон Эшли (будущий граф Шефтсбери), герцог Бекингем, лорд Арлингтон и герцог Лодердейл[77]. Некоторых из членов министерства подозревали в тайном католицизме (Клиффорда и Арлингтона, ответственных за внешнюю политику), что только усиливало недоверие к ним парламента. «Коалиционность» правительства была обусловлена еще и тем, что ключевой пост первого лорда казначейства был поручен комиссии из нескольких человек, главную роль в которой играли Клиффорд и Эшли. Ряд современных историков, однако, отрицает ведущую роль этого министерства и то, что министры образовывали какой-либо прообраз кабинета. Напротив, указывается на то, что помимо указанных пяти, в правительство входили и другие важные фигуры, а ключевые решения по всем вопросам принимал сам король[78].

После заключения мира с Голландией, с ней, а также со Швецией в 1668 г. был оформлен союзный договор, получивший название «Тройственного альянса».

---

[76] Krey Gary S. de. The First Restoration Crisis: Conscience and Coercion in London, 1667–1673 // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. Vol. 25. No 4. (Winter, 1993). P. 566.

[77] Christie W. D. A Life of Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1667–1683. Vol. II. London and New York: Macmillan and Co., 1871. P. 53.

[78] Coward B. The Stuart Age: England, 1603–1714. Hoboken: Taylor & Francis, 2014. P. 312.

Альянс этот был популярен у значительной части общественного мнения Англии, поскольку предусматривал совместные военные действия трех протестантских государств против католической Франции. Карл II, однако, был недоволен радикальной проангликанской политикой парламента, а также его попытками установить контроль над расходованием средств из государственного бюджета. По совету министров, Карл решает обойтись без парламента, распустив его на каникулы и постоянно продлевая отсрочки начала сессий. Целью короля, по всей видимости, было введение веротерпимости, прежде всего в целях ослабления антикатолической политики. Кроме того, в 1668 г. его брат и наследник герцог Йоркский тайно принимает католичество[79]. Не найдя поддержки внутри страны, король обращается к Франции.

Целый ряд факторов способствовал профранцузской ориентации двора, несмотря на поддержку общественным мнением союза с протестантскими государствами. Во-первых, Карл хотел взять реванш за поражение во второй англо-голландской войне, как с тем, чтобы восстановить свою репутацию победоносного монарха, так и для того, чтобы укрепить финансовое положение короны за счет военного грабежа и установления контроля над ключевыми портами Нидерландов. Только Франция, которая вынашивала сходные планы агрессивной экспансии, могла и, как показала практика, была действительно готова помочь в этом Карлу. Во-вторых, не рассчитывая найти поддержку этим планам в парламенте, а следовательно, и получить от него субсидии на ведение военных действий, Карл вынужден был просить о том же Людовика XIV. Для того, чтобы заполучить Англию в качестве союзника в предстоящей войне в Нидерландах, Людовик даже был согласен финансировать английские военные расходы. В-третьих, чисто гипотетически, на военную помощь французского короля можно было рассчитывать и в случае, если оппозиция внутри страны станет угрожающей и дело дойдет до вооруженного столкновения. В качестве условия получения таковой помощи сам Карл предусматривал последовательную прокатолическую религиозную политику.

[79] Kenyon J. P. Stuart England. London: Cox & Wyman, 1978. P. 206.

Все эти факторы способствовали заключению в 1670 г. двух союзных договоров между Англией и Францией, один из которых, подписанный 1 июня в Дувре, не подлежал разглашению и стал известен лишь в 1830 г. По этому договору Англия в нарушение «Тройственного альянса» обязывалась вступить в войну против Республики Соединенных провинций, как только Франция начнет против нее военные действия. За Францией оставалось в основном ведение войны на суше, в то время как Англия должна была выставить пятьдесят своих военных кораблей против голландского флота. Для оснащения флота Франция обязывалась выплачивать Англии 225 тысяч фунтов ежегодно. В случае успешного окончания войны Англия должна была получить устье Шельды и несколько важных портов. Еще одно положение договора предусматривало выплату Карлу 150 тысяч фунтов взамен на его обещания публично принять католическую веру «тогда, когда он сочтет это возможным». В случае возникновения оппозиции данному шагу, Франция обязывалась оказать Карлу военную помощь[80].

Парламент был распущен на каникулы, и король не хотел снова созывать его, понимая, что не встретит одобрения своим военным планам. Для того чтобы найти недостающие финансовые средства, в отсутствие парламента правительство прибегло к чрезвычайному средству – отказу в 1672 г. от выплат по государственным долгам (*Great Stop of the Exchequer*), что дополнительно подрывало общественное доверие к правительственной политике[81]. В результате удалось собрать сумму в размере 1,3 млн. фунтов, которая и была пущена на начавшиеся военные действия. В итоге в марте 1772 г. была начата уже третья по счету война с Республикой Соединенных провинций. Поначалу военные действия, особенно на суше, были более чем успешны. Однако в ответ на военные поражения в Нидерландах вспыхивает оранжистское восстание, в результате которого, после двадцатилетнего правления голландских республиканцев, молодой Вильгельм III Оранский был утвержден в должности штатгальтера Голландии и Зеландии. В результате именно он возглавил организацию обороны

[80] Osmund A. Charles II. London: Longmans, 1904. P. 243.
[81] Kenyon J. P. Stuart England… P. 207.

республики. Военные действия затягивались, кроме того, не желая усиления Франции, в войну вступают и другие европейские державы. В итоге положение английского флота становится все более тяжелым, особенно в ситуации недостатка финансирования. Карл вынужден возобновить заседания парламента в феврале 1673 г. и просить его о введении налоговых сборов на продолжение военных действий[82].

Еще за год до этого, 15 марта 1672 г., одновременно с началом боевых действий против Голландии, Карл II издает «Декларацию веротерпимости» (*Declaration of Indulgence*), которая приостанавливала действие карательных законов, как в отношении протестантских диссентеров, так и в отношении католиков. В декларации признается, что репрессивное законодательство по так называемому «Кодексу Кларендона» не достигло своей цели, теперь же, задействуя свою «верховную власть в церковных вопросах», король будет способствовать «успокоению умов», сделает Англию более привлекательным местом жительства для преследуемых на континенте протестантов, посодействует процветанию торговли и пресечет незаконные «частные собрания и крамольные сборища»[83]. Одной из целей декларации было добиться примирения с диссентерами, поскольку правительство опасалось, что с началом войны с протестантской Голландией, они могут сформировать «пятую колонну» внутри страны и поддержать своих единоверцев за морем. Кроме того, декларация должна была засвидетельствовать Людовику XIV намерение Карла исполнить секретную часть Дуврского договора. Издав декларацию, король стремился утвердить право королевской прерогативы приостанавливать действие законов, принятых парламентом, и именно этот момент, а не только разногласия по религиозным вопросам, обеспечили широкое общественное недовольство данным актом.

Собранный через год парламент тут же принялся обсуждать декларацию и заявил свой резкий протест против документа и прежде всего против его ввода в

[82] His Majesties Most Gracious Speech Together with the Lord Chancellors, To both Houses of Parliament, On Monday, October 27, 1673. By his Majesties special command. (Edinburgh, 1673). P. 3–4.

[83] English Historical Documents, 1660–1714 / Ed. by A. Browning. London: Routledge, 1966. P. 378.

действие королевской прерогативой. Даже многие лояльные короне депутаты высказывались против декларации, отмечая при этом, что хотя терпимость по отношению к диссентерам может быть допущена, но сделать это может лишь король в парламенте[84]. Большинство в палате общин высказалось за принятие постановления о том, что лишь парламент своим решением может приостановить применение репрессивных законов по церковным вопросам. Разделение депутатов на «партию двора» (*court party*) и «партию страны» (*country party*) проявилось впервые именно на этой парламентской сессии[85]. Партия двора стояла за безоговорочное подчинение королю и придерживалась принципов «непротивления» королевской власти (*non-resistance*) и «пассивного повиновения» (*passive obedience*). «Партия страны» в свою очередь настаивала на том, что у короля нет права приостанавливать действие законов, принятых парламентом, а английская конституция носит древний и независимый от прихотей королей характер. «Партия двора» состояла во многом из «пенсионеров» короны, представителей придворной аристократии и гнилых местечек, а партию страны составили в основном депутаты из более крупных городов, а также ряд представителей сельских джентри[86].

Брат короля герцог Йоркский предлагал распустить непокорный парламент, но Карл II не решился этого сделать, опасаясь, что следующий может стать еще более оппозиционным. В парламенте же он нуждался для утверждения налогов на продолжение военных действий. В результате королю пришлось отказаться от декларации и, кроме того, обещать парламенту, что впредь он не будет использовать свое право приостанавливать действие парламентских актов. В итоге, вместо утверждения веротерпимости, в 1673 г. по инициативе депутатов парламент принимает Акт о присяге, который потребовал от всех лиц, состоящих на государственной службе, принести присягу в соответствии с канонами

---

[84] Lingard J. A History of England from the First Invasion by the Romans to the Twenty Seventh Year of the Reign of Charles II. Vol. VII. London: Baldwin and Cradock, 1829. P. 545.

[85] Jennings I. Party Politics. Vol. II: The Growth of Parties. Cambridge: Cambridge University Press, 1961. P. 16–18.

[86] Английская буржуазная революция XVII века / Под ред. Е.А. Косминского и Я.А. Левицкого. Т. II. Москва, 1954. С. 136.

англиканской церкви и отречься от католических догматов, в частности, от доктрины пресуществления, а также в течение трех месяцев по вступлении в должность принять причастие согласно канонам англиканской церкви[87]. Одной из целей акта было свалить министерство «кабаль» (среди членов которого, как подозревали, были и тайные католики, и тайные пресвитериане (Эшли, Лодердейл)). В парламенте при этом делали вид, что именно министры поощряют Карла II править без парламента. Непосредственным следствием принятия акта стала также отставка брата короля с поста лорда-адмирала. Она показала, что подозрения в том, что наследник престола тайно принял католицизм, были более чем оправданы. Вынужден был подать в отставку и лорд Клиффорд, освободив свое место для сэра Томаса Осборна, будущего графа Денби[88].

Именно эта парламентская сессия ознаменовала радикальное изменение настроений до той поры лояльного королю «кавалерского парламента». В парламенте произошел раскол на проправительственную и оппозиционную группировки, и оставшиеся годы своего существования «долгий» парламент Карла II станет местом ожесточенных политических дебатов. Многие из прежних сторонников короля были против «произвольной» приостановки действующего законодательства, поскольку полагали, что именно в сохранении английских законов и состоит главная функция монарха[89].

Под огнем критики со стороны парламента, король был вынужден уже осенью 1673 г. начать мирные переговоры с Республикой Соединенных провинций, так и не достигнув ни одной из целей войны. Слухи о тайном договоре Карла II и Людовика XIV распространяются во все более широких общественных кругах. О секретном договоре узнали, наконец, и члены министерства «кабаль», включая и лорда Эшли, который вскоре превратится в

[87] English Historical Documents… P. 380–382.
[88] Jennings I. Party Politics… P. 17.
[89] Patterson A. The Long Parliament of Charles II. New Haven and London: Yale University Press, 2008. P. 160–161.

главного лидера оппозиции[90]. В итоге в феврале 1674 г. Карлу II пришлось, в нарушение договора с Людовиком XIV, заключить сепаратный мир с Голландией.

Биография главного вождя парламентской оппозиции на протяжении следующего десятилетия графа Шефтсбери очень характерно отражает многие перипетии английской истории XVII в. Выходец из семьи джентри он, несмотря на свою молодость, уже в 1640 году избирается в Короткий парламент. Места в Долгом парламенте ему не досталось. С началом гражданской войны Энтони Купер некоторое время участвует в военных действиях не стороне короля, но в 1644 г. переходит на сторону парламента, постепенно добиваясь заметного влияния. Его избирают в Малый парламент, и во все парламенты Протектората[91]. Кроме того, при Кромвеле он является также членом Государственного совета и активно участвует в политической жизни вплоть до Реставрации. Позднее он будет отзываться о Протекторате как о «механической тирании», столь же неподходящей для Англии, как и абсолютная монархия[92]. Что характерно, с восстановлением монархии Купер не только был прощен, но и произведен в пэры, став бароном Эшли. В министерстве Кларендона Эшли занимает пост канцлера казначейства, затем становится одним из членов министерства «кабаль», а в 1672 г. Карл II дарует Эшли титул графа Шефтсбери и назначает его на должность лорда-канцлера[93]. После раскрытия информации о Дуврском договоре Шефтсбери своей главной целью ставит борьбу с католической угрозой и, в частности, с опасностью восхождения на трон католика герцога Йоркского. Его выступления в парламенте против второго брака герцога (Яков женится на католичке Марии Моденской) вызывают заметное охлаждение короля, и он отстраняет Шефтсбери от должности лорда-канцлера. Сам же Шефтсбери становится главным лидером оппозиции на последующее десятилетие. В историю он вошел как отец-основатель вигской партии и патрон Джона Локка.

---

[90] Ashcraft R. Revolutionary Politics and Locke's Two Treatises of Government. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1986. P. 115.

[91] Haley K. H. D. The First Earl of Shaftesbury. Oxford: Clarendon Press, 1968. P. 70–81.

[92] Marshall A. "Mechanic Tyrannie": Anthony Ashley Cooper and the English Republic // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury. 1621–1683 / Ed. by John Spurr. Burlington: Ashgate, 2011. P. 27–39.

[93] Haley K. H. D. The First Earl of Shaftesbury… P. 300.

После распада министерства «кабаль» главным министром короля на несколько лет становится Томас Осборн, граф Денби, сменивший Клиффорда на посту лорда казначейства. Если Шефтсбери справедливо считается отцом-основателем партии вигов, то Денби многие считают основателем партии тори, или, по крайней мере, ее предшественницы – «парии двора»[94]. В отличие от «кабалистов», Денби был ревностным сторонником англиканской церкви и ярым противником как католицизма, так и сектантства. Во внешней политике он негативно относился к профранцузской ориентации и стоял за союз с протестантскими странами. Именно по его инициативе в 1674 г. старшая дочь Якова Мария была выдана замуж за штатгальтера Голландии и племянника короля Вильгельма Оранского[95].

Но политика Денби не ограничивалась лишь последовательным англиканизмом. Он также считал необходимым усиление королевской прерогативы. С этой целью он щедро использует подкуп депутатов для укрепления позиций «партии двора» в противовес «партии страны». Денби удалось навести порядок в королевских финансах, а высвободившиеся средства он тратит на финансирование проправительственной группировки в палате общин. Он первым переходит к практике систематического подкупа депутатов, выдавая им пенсии из средств, собранных благодаря акцизным пошлинам[96]. В середине 1670-х гг. именно эти «пенсионеры», происходящие в основной своей массе из среды провинциальных джентри, и составят ядро «партии двора»[97]. Кроме того, по настоянию правительства король все чаще применяет свое право отсрочки заседаний парламента. В 1675 г. Денби попытался провести через палату билль с поправками к Акту о присяге, получивший также название «Билль о непротивлении». Теперь присяга должна была быть распространена не только на лиц, занимающих государственные должности, но и на всех членов обеих палат

[94] England’s Rise to Greatness, 1660–1763 / Ed. By Stephen B. Baxter. Berkley: University of California Press, 1983. P. 191.

[95] Английская буржуазная революция XVII века / Под ред. Е.А. Косминского и Я.А. Левицкого. Т. II. Москва, 1954. С. 137.

[96] Coward B. Op. cit. P. 326.

[97] Browning A. Parties and Party Organisation in the Reign of Charles II // Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 30 (1948). P. 35.

парламента и включила бы в себя не только причастие по англиканскому образцу, но и отказ от сопротивления королевской власти и попыток «вносить изменения в устройство государства и церкви»[98]. С помощью Шефтстбери и его сторонников, настаивавших на том, что противодействие королевским министрам законно и допускается английскими законами, а протестантская реформация доказывает необходимость внесения изменений и в устройство церкви, этот билль удалось провалить. Вместо утверждения билля, палата общин начинает разбирательство о деятельности правительства, и, чтобы избежать дальнейших осложнений, король прерывает парламентскую сессию[99].

«Партия страны» широко распространяла памфлет, авторство которого приписывается самому Шефтсбери, озаглавленный «Письмо достопочтенного человека другу в провинции». В «Письме» излагалась точка зрения оппозиции на развитие политической ситуации в связи с попыткой Денби провести через парламент Билль о непротивлении. Согласно оппозиции, при дворе сформировалась «партия» епископов и «старых кавалеров», которые, во-первых, стремятся захватить власть и отменить Акт об амнистии, чтобы расквитаться со своими противниками еще со времен революции. Во-вторых, они намерены сделать церковное устройство неизменяемым актами парламента, с тем чтобы зафиксировать навечно свое преимущественное положение. И в-третьих, они стремятся превратить систему правления в «произвольную и абсолютную», а монархию и епископат провозгласить основывающимися «на божественном праве, неограниченными и не сдерживаемыми какими-либо человеческими законами». Достигнуть этого они хотят через уничтожение полномочий парламента вносить какие-либо изменения в церковное или государственное устройство, превратив его в не более чем «инструмент по взиманию налогов и утверждения законов, угодных двору и церкви»[100].

---

[98] Jones J. R. Country and Court: England, 1658–1714. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1978. P. 186.

[99] Lodge R. The History of England from the Restoration to the Death of William III. London: Longmans, 1903. P. 137.

[100] Shaftesbury, Earl of. A Letter from a Person of Quality to a Friend in the Country. 1675. P. 2–3.

В своей знаменитой речи в палате лордов от 20 октября 1675 г. Шефтсбери сформулировал, кроме того, и основные принципы расхождения с придворной партией и указал на моменты правительственной политики, неприемлемые с точки зрения оппозиции. Во-первых, билль, предлагавшийся правительством, вел, по мнению Шефтсбери, к разрушению традиционной конституции, а традиционная конституция, гарантирует англичанам владение собственностью: «К чему пустые титулы, краткосрочное обладание властью или богатством, большим поместьем, если за мной не закреплена твердо собственность (*fixed or firm Property*). Закрепляет ее Конституция…, поддержка которой гарантирует как лордам, так и любому другому человеку владение тем, что у него есть»[101]. Политика правительства, таким образом, ставит под угрозу самое святое, что есть у англичан – собственность. Другой известный лидер оппозиции, герцог Бекингем, тогда же сформулирует это еще яснее: «Есть такая вещь, называемая *Собственность* (что бы кто ни говорил по этому поводу), которую люди в Англии почитают более всего. Именно с *ней* они никогда не расстанутся»[102].

Тогда же становятся ясны и очертания внешнеполитического курса, стремиться к проведению которого виги будут и в период после Славной революции. Шефтсбери заявляет, что необходимо вести общеевропейскую войну с Францией и ни в коем случае не допускать заключения с ней мира. Шефтсбери убеждает лордов всячески содействовать проведению антифранцузской политики, в красках живописуя «французскую» угрозу: «Никакие деньги, выделенные на строительство флота, никакая подготовка, которую, как вас уверяют, проводит наш государь, не обезопасят нас от короля Франции: он стал могущественнее всех нас на море, он построил двадцать четыре корабля лишь за последний год – их теперь у него на тридцать больше, чем у нас. И это не считая того, что все наши

[101] Shaftesbury, Earl of. The E… of S…'s Speech in the House of Lords, upon the debate of appointing a Day for hearing Doctor Shirley's Cause, 20 November 1675 // Two Speeches Made in the House of Peers. By a Protestant Peer of the Realm of England. The Hague, 1680. P. 7.

[102] The Duke of Buckinghams Speech in the House of Lords, November 16 1675 // Two Speeches. I. The Earl of Shaftsbury's Speech in the House of Lords the 20th of October, 1675. II. The D. of Buckinghams Speech in the House of Lords the 16th of November 1675. Together with the Protestation, and Reasons of several Lords for the Dissolution of this Parliament; Entered in the Lords Journal the day the Parliament was Prorogued, Nov. 22d 1675. Amsterdam, 1675. P. 13.

корабли вышли из строя, а его великолепно оснащены и у каждого корабля свой собственный док. На обустройство гаваней им потрачены невообразимые средства; сама природа расступается перед огромностью его расходов. Будет ли после всего этого разумный и внимательный к делам государь полагать, что все эти приготовления сделаны для того, чтобы напасть с тыла на Венгрию?.. Или, возможно, в его интересах скорее захватить Ирландию, что ему было бы очень легко сделать? Он стремится к тому, чтобы стать властелином морей, а заполучив всю средиземноморскую, ост- и вестиндскую торговлю, он, несомненно, станет таковым»[103]. Основная задача во внешней политике для Шефтсбери и парламентской оппозиции – это борьба со стремлением Франции установить всеевропейскую гегемонию. Внешнеполитический курс Англии, таким образом, должен быть развернут на сто восемьдесят градусов.

Шефтсбери обрушился и с обвинениями на епископат англиканской церкви в том, что он проводят иные по сравнению со светскими лордами «принципы». Свой же «принцип» он сформулирует следующим образом: «Мой принцип состоит в том, что король является королем по закону, по тому же самому, по которому бедняк владеет своей хибарой… Именно… такому правлению я обязан подчиняться. Если же в будущем случится так (чего не допусти Господь), что король будет править без парламента, опираясь на армию, то это не моя форма правления (*government*), я не был при ней рожден и не обязан ей подчиняться. В соответствии с этим принципом каждый честный человек обязан поддерживать конституцию правительства во всех ее частях». Но, по мнению Шефтсбери, популярность набирает и иная точка зрения, сформулированная, как ему представлялось, совсем недавно. В обосновании этой доктрины лидер оппозиции обвинил епископов Англии и, конкретно, архиепископа Лода, а не «иезуитов и католическое духовенство». «Принцип этот нов… и является самой опасной и разрушительной доктриной для любой системы правления и закона», – продолжает Шефтсбери. Впервые его опубликовала конвокация 1640 г., и состоит он в том, что монархия основывается на божественном праве (*divine right*). Среди

[103]Shaftesbury. The E… of S…’s Speech in the House of Lords… P. 9.

прочего, Шефтсбери указал на книгу прадеда Дж. Тиррелла Ашера как на один из самых откровенных источников подобной доктрины. Билль, предложенный Денби, уверен лидер оппозиции, основывается именно на доктрине, сформулированной Лодом и Ашером. Если же признать, что эта доктрина верна, то Великая хартия вольностей теряет свое значения, а все английские законы не более, чем правила, данные подданным на время, пока то угодно королю: «Монархия по божественному праву не может быть сдерживаема и ограничиваема человеческими законами… и все наши притязания на права по закону, или конституционную форму правления (*constitution of government*), все права и привилегии данной палаты, права и привилегии палаты общин, вся собственность и вольности народа – все это должно быть принесено в жертву не только ради интересов, но и просто ради прихоти и удовольствия короны»[104].

В парламенте, при активном содействии Шефтсбери, складывается мощная оппозиционная группировка. Особенно сильны ее позиции в палате лордов. Надеясь, что выборы принесут им новые места и в нижней палате, оппозиционные лорды начинают высказываться в пользу роспуска парламента и созыва нового. Когда, после перерыва в 15 месяцев, парламент собрался на очередную сессию в феврале 1677 г., лорды в лице Бекингема, Шефтсбери, Салисбери и Уортона, выступили с заявлением, что согласно одному из статутов времен Эдуарда III, после более чем годового перерыва в заседаниях парламент по закону должен считаться распущенным, и, соответственно, необходимо назначение новых выборов. Палата общин, однако, не разделила энтузиазма лордов по поводу новых выборов, поскольку далеко не все депутаты могли надеяться на переизбрание, обвинила лордов в «оскорблении парламента» и отправила их в Тауэр[105]. В Тауэре Шефтсбери и проведет следующий год, поскольку его заключение выпало не период каникул того суда, который мог бы выдать приказ о судебном разборе обстоятельств его задержания.

[104] Shaftesbury. The E… of S…'s Speech in the House of Lords… P. 10–11.
[105] Traill H. D. Shaftesbury. London: Spottiswood, 1886. P. 118.

Вскоре после этого, в августе 1678 г. некто Титус Отс выступил с доносом о якобы готовящемся широкомасштабном папистском заговоре. Согласно Отсу, двести тысяч английских католиков по первому указанию из Рима готовы выступить против англиканской церкви, убить короля и посадить на престол его брата-католика. В заговоре якобы участвуют придворные, лорды-католики и даже сама королева, оскорбленная изменами мужа. Многие историки подозревают, что Шефтсбери находился в тесном контакте с Отсом и даже направлял его в отношении лиц, против которых выдвигались обвинения в измене. Лидер оппозиции полагал, что можно задействовать традиционные со времен Генриха VIII способы избавления от неугодных королев[106]. Когда о подобном заговоре сообщили Карлу, он назвал эти слухи абсурдными и запретил публичное расследование, справедливо опасаясь антикатолических выступлений. Менее благоразумный Яков настоял на судебном разбирательстве, и, таким образом, общественности и парламенту стало известно о предполагаемом заговоре. Отс был вызван на допрос судьей сэром Эдмундом Годфри – известным сторонником протестантизма и членом парламента. 12 октября Годфри пропал без вести, а через несколько дней было обнаружено его тело со следами насильственной смерти. По сию пору остается загадкой, кто убил сэра Эдмунда, а наиболее вероятным кандидатом называется сам Титус Отс[107], но в глазах общественного мнения именно убийство судьи Годфри было доказательством истинности его слов. Парламент, столица и вся страна оказались охвачены антикатолической истерией. Историки сейчас сходятся во мнении, что заговор от начала до конца был плодом воображения самого Отса, но высказанные им опасения нашли очень благодатную почву в общественном мнении Англии[108].

Если в середине 1670-х гг. Шефтсбери делал ставку на страхи по поводу укрепляющегося абсолютизма и «произвольного» правления короля, то к 1678 г. стало ясно, что для мобилизации широкой общественной поддержки этого недостаточно. Раскрытие вымышленного папистского заговора пришлось как

---

[106] Ronalds F. S. The Attempted Whig Revolution of 1678–1681. Urbana: University of Illinois, 1937. P. 76.
[107] Pollock J. The Popish Plot: A Study in the History of the Reign of Charles II. London: Duckworth, 1903. P. 83.
[108] Stroud A. Stuart England. London & New York, 1999. P. 171.

нельзя кстати и показало, что, используя традиционные в Англии страхи возвращения католицизма, можно организовать эффективное оппозиционное движение и добиться, наконец, тех целей, к которым оппозиция стремилась уже несколько лет. В парламентской риторике оппозиции идея абсолютизма и идея католического заговора против Англии совмещаются. В речи в палате лордов в ноябре 1678 г. Шефтсбери заявил, что «папизм и рабство подобно двум сестрам идут рука об руку, порой одна входит первой, порой другая… вторая же всегда поблизости. В Англии папизм должен был насадить рабство; в Шотландии рабство установилось раньше, а папизм следом»[109]. Разжечь массовые страхи перед угрозой абсолютизма оказалось возможным, совместив ее с угрозой реставрации католицизма. Традиционно отмечается, что в Англии страх перед возвращением католицизма был тесно увязан с боязнью землевладельцев потерять земли, принадлежавшие ранее монастырям. Многие крупные землевладельцы в разворачивающемся политическом кризисе, таким образом, заведомо были склонны поддержать вигов. Современники отмечают, что большинство лидеров вигов сами были крупнейшими держателями монастырских земель и в разгар «кризиса по вопросу об исключении» пребывали в «прострации и страхе», а собравшись вместе, «пили горькую и ругали папизм»[110].

Новая парламентская сессия открылась 21 октября 1678 г. Депутаты потребовали от короля запретить всем католикам приближаться к столице на расстояние двадцати миль. Католики, включая королеву, должны были быть удалены и от двора. По настоянию Шефтсбери, парламент начал процесс по обвинению в измене пяти лордов-католиков, на которых Отс указал как на участников заговора. Один из лордов, Лорд Стаффорд, был казнен, несмотря на фактическое отсутствие улик, остальные лорды провели пять лет в заключении в Тауэре. Король жаловался, что, несмотря на их очевидную невиновность, он не

[109] Shaftesbury, Earl of. A Speech made in the House of Peers, by the E… of S… November 1678 upon consideration of the state and condition of England, Scotland and Ireland // Two Speeches Made in the House of Peers. By a Protestant Peer of the Realm of England. The Hague, 1680. P. 13.

[110] Cruickshanks E. Religion and Royal Succession – The Rage of Party // Britain in the First Age of Party, 1680–1750: Essays Presented to Geoffrey Holmes / Ed. by Clyve Jones. London & Ronceverte: The Humbledon Press, 1987. P. 20.

может для них ничего сделать. По всей стране прошли аресты католиков. В конце года парламент принимает новый вариант Акта о присяге, по которому все католики должны были быть удалены из обеих палат парламента. Усилились нападки и на герцога Йоркского – по настоянию Шефтсбери парламент потребовал исключить его из состава королевского Тайного совета. Кроме того, вновь активно стал обсуждаться вопрос об исключении Якова из числа наследников престола и замене его на старшего незаконнорожденного сына Карла II протестанта герцога Монмаута. Парламент также начинает процесс против Денби, обвинив его в тайной подготовке союза с Францией и фактическом потворстве заговору. В конце декабря король вновь прерывает сессию парламента, а в январе 1679 г. распускает парламент в обмен на обещание Шефтсбери прекратить процесс против Денби[111].

В преддверии выборов Карл II решил смягчить оппозицию, пойдя на ряд важных уступок: герцог Йоркский был выслан из Англии в Брюссель, а граф Денби отправлен в отставку и заключен в Тауэр. Король согласился также расширить состав Тайного совета до 30 человек с привлечением представителей от оппозиции, причем председателем совета был назначен ее лидер граф Шефтсбери.

Как и ожидалось, на волне страхов, вызванных призраком католической агрессии, оппозиция на выборах получила полную победу. Несмотря на то, что Шефтсбери и большинство лидеров вигов были далеки от широкого демократизма, на выборах в парламент 1679 г. и на двух последующих они обращались к достаточно широким в социальном плане кругам избирателей. За годы Реставрации широкие массы все активнее втягивались в политику, выросло целое поколение избирателей ни разу не голосовавших на выборах и внимательных к пропаганде вигов: «Памфлеты, листовки, стихи, появление большого количества кафе и клубов, развитие почтовой рассылки и почтовые дилижансы – все это способствовало быстрому распространению идей. В Англии вырастала политически-сознательная нация, неравная всему населению, но

[111] Lodge R. Op. cit. P. 156–158.

гораздо более широкая, чем только класс крупных собственников, гораздо шире даже, чем наделенные правом голоса на парламентских выборах»[112]. Виги не только использовали противопоставление «двора» и «страны», но и делали упор на широкомасштабной коррумпированности придворной партии и большей части депутатов «кавалерского» парламента[113]. В итоге в новом парламенте правительство могло рассчитывать лишь на голоса трети депутатов, свыше 60 % мест принадлежало оппозиции. По этой причине второй парламент царствования Карла II называют еще первым «вигским» парламентом. 15 мая 1679 г. в палату был внесен Билль об исключении, который должен был отстранить герцога Йоркского от престолонаследия и навсегда запретить ему возвращаться в Англию, Ирландию и Шотландию. В противном случае герцог подлежал суду за совершение государственной измены. В качестве наследника ряд представителей оппозиции выдвигали кандидатуру старшего внебрачного сына Карла II герцога Монмаута. Предлагались и другие варианты, такие как, например, регентство протестанта Вильгельма Оранского или развод и повторный брак короля[114].

Стремясь обезопасить лидеров оппозиции от произвольных арестов, 27 мая 1679 г. парламент принимает, возможно, самый значительный конституционный акт эпохи Реставрации – *Habeas Corpus Act*. Этот акт должен был законодательно регламентировать применение традиционной правовой нормы в отношении судебного предъявления обвинения лицу, задержанному властями. Согласно новому закону устанавливался трехдневный срок, в течение которого обвиняемого в совершении преступления согласно приказу *Habeas Corpus*, изданному судом, должны были доставить в суд, издавший этот приказ. Если арест выпадал на период каникул или перерывов в работе суда, как это случилось двумя годами ранее с Шефтсбери и его соратниками, арестант мог подать ходатайство лорду-канцлеру, лорду хранителю печати или судьям судов

---

[112] Plumb J. H. The Growth of the Electorate in England from 1600 to 1715 // Past & Present. No 45. (Nov. 1969). P. 110.

[113] George M. Dorothy. Elections and Electioneering, 1679–1681 // The English Historical Review. Vol. 45. No. 180 (Oct. 1930). P. 569.

[114] Harris T. Politics under the Later Stuarts: Party Conflict in a Divided Society, 1660–1715. N.-Y.: Routledge, 1993. P. 83.

королевской скамьи об издании такового приказа и разбора своего дела вышеозначенными инстанциями. До передачи дела в суд заключенный должен быть выпущен под залог, размер которого устанавливается согласно размеру состояния обвиняемого. В случае если должностные лица отказывались выдать приказ или, по предъявлении приказа, выдать арестованное лицо, то они должны были штрафоваться в пользу задержанного (первый раз в размере 100 фунтов, вторично в размере 200 фунтов) и лишены права занимать исполняемую должность. Запрещался повторный арест по обвинению в том же самом преступлении, в случае если суд разбиравший дело не нашел законных оснований для задержания. Лица, выдавшие предписание о вторичном аресте, подлежали штрафу в пользу задержанного в размере 500 фунтов[115]. Инициатива принятия подобного акта исходила непосредственно от Шефтсбери, уже проведшего недавно несколько месяцев в Тауэре и не желавшего туда возвращаться. Несмотря на вполне практическую необходимость принятия данного акта для оппозиции в конкретных политических условия, *Habeas Corpus* станет одним из самых значимых конституционных документов, гарантирующих политические свободы в Англии и первой заслугой вигов в глазах либеральной историографии в последующие столетия.

В июле Карл II распускает парламент, назначив новые выборы на октябрь 1679 г. Шефтсбери был отправлен в отставку с поста председателя Тайного совета, за «превышение полномочий», так как созвал заседание в отсутствие короля. На этом заседании лидер оппозиции собирался обсудить переезд герцога Йоркского из Брюсселя в Шотландию, где как раз началось восстание ковенантеров-виггаморов[116]. Новые парламентские выборы прошли осенью 1679 г. под лозунгом Билля об исключении и в очередной раз дали победу сторонникам Шефтсбери. Карл, понимавший, что и в этом парламенте большинство будет принадлежать оппозиции, постоянно откладывал начало его работы. «Партия страны» выступила за скорейшее открытие парламента и с этой

[115] English Historical Documents… P. 83–84.
[116] Lodge R. Op. cit. P. 166–167.

целью инспирировала поток петиций с мест на имя короля, за что сторонники оппозиции получили имя «петиционеров» (*Petitioners*). «Партия двора» в это время также составляла петиции, в которых, в свою очередь, выказывала возмущение программой оппозиции, за что получила название *Abhorrers* – «протестующие». К концу этого же года за обеими партиями закрепились их более известные названия – *виги* и *тори*. Партия двора обвиняла оппозицию в сочувствии шотландским повстанцам – виггаморам, партия страны в свою очередь подозревала своих противников в поддержке ирландских католических мятежников – тори[117].

Кем были первые представители партии вигов? Оппозиция была далеко не однородна и включала людей с очень разной карьерой и принципами. Известный английский историк Дж. Р. Джонс выделил пять первоначальных группировок внутри оппозиции в начале «кризиса по вопросу об исключении»: 1) «старые пресвитериане» – ветераны политической борьбы, многие из которых участвовали в гражданских войнах на стороне парламента; они также симпатизировали диссентерам и выступили с оппозицией уже в середине 1660-х гг. в связи с принятием парламентом репрессивного законодательства по религиозному вопросу; 2) оппозиция из «партии страны» (*country opposition*) – значительная часть вигов, перешедшая на сторону оппозиции после распада министерства «кабаль» и позиционировавшая себя как выразителей интересов всей «нации» в противовес «партии двора», отстаивавшей частные и корыстные интересы; они выступали с критикой правительственной политики, основываясь на достаточно традиционных принципах борьбы с коррупцией, тесных консультаций правительства с парламентом, уважения к закону, поддержки торговли и защиты протестантизма; 3) «авантюристы» (*adventurers*) – стремились свалить министров, преимущественно для того, чтобы занять их место; их реальной целью были «власть и деньги»; 4) герцог Монмаут и его сторонники – в то время как сам герцог стремился стать наследником и, в конце концов, королем, многие его

[117] Willman R. The Origin of “Whig” and “Tory” in English Political Language // The Historical Journal. Vol. 17. No. 2 (Jun. 1974). P. 247–248.

сторонники старались использовать ситуацию для того, чтобы обеспечить себе карьеру в случае его успеха; эта группа имела много общего с «авантюристами»; 5) радикалы – занимали противоположное крыло от Монмаута и его круга, в основном это бывшие левеллеры и республиканцы – в большинстве своем малоизвестные, происходившие из низов общества, лица; занимали второстепенные места в партийной машине вигов в столице и в провинции; были склонны к «экстремистским» действиям, готовы использовать силу против правительства. В отдельную группу Джонс выделяет графа Шефтсбери, поскольку он один осуществлял контакт и контроль со всеми частями партии. «Первые виги, – утверждает Джонс, – были его созданием, исключение – его политикой. Он разработал парламентскую тактику и организационные механизмы, превратившие вигов в значительную силу» [118].

Парламент начал свои заседания в октябре 1680 г. сразу с обсуждения Билля об исключении. Как и в первом варианте билля, предлагалось исключить Якова из линии наследования престола и навсегда изгнать из владений английской короны. Герцог Йоркский напрямую обвинялся в «поощрении папистской партии» в реализации «самых дьявольских и чудовищных заговоров» с тем, чтобы уничтожить «священную персону» Его Величества и существующую систему правления вместе с «истинной протестантской религией» и восстановить католицизм[119].

Карл II нуждался в деньгах и готов был пойти на уступки, предложив оставить за герцогом Йоркским право наследования престола, но ограничить его рядом специальных и достаточно широких конституционных мер. Например, король предлагал изъять из рук папистского наследника распоряжение церковными бенефициями и должностями, а назначение на важные военные и государственные посты передать парламенту[120]. На это Шефтсбери заявил, что тогда в Англии будет «республика вместо монархии», и отказался согласиться с

[118] Jones J. R. The First Whigs: The Politics of the Exclusion Crisis, 1678–1683. London, New York: Oxford University Press, 1961. P. 10–16.

[119] English Historical Documents… P. 103.

[120] Harris T. Politics under… P. 83.

подобным ограничением королевской власти. Кроме того, уверенности, что в будущем не сможет собраться лояльный королю парламент и отменить эти ограничения ни у кого из представителей оппозиции не было. Билль об исключении был принят палатой общин, но лорды проголосовали 63 голосами против 30. В январе 1681 г. король распустил и этот парламент. Подобная же судьба постигла и следующий парламент, собранный уже не в столице, а в Оксфорде, и просуществовавший всего неделю – 21–28 марта 1681 г. При открытии парламента король заявил, что с готовностью выслушает любые предложения относительно предупреждения возможных неудобств от католического наследника, лишь бы они не касались нарушения законной линии престолонаследия. На это виги ответили, что данное условие легко соблюсти, если Карл признает герцога Монмаута своим законным сыном и наследником. Билль об исключении был вновь внесен на голосование. Король был взбешен и в очередной раз распустил парламент. После этого Карл твердо решил больше не созывать парламентов, и новый период беспарламентского правления продолжался до самой его смерти в 1685 г[121].

1.2 Торийская реакция и Славная революция, 1681–1689 гг.

После роспуска Оксфордского парламента начинается наиболее продолжительный период беспарламентского правления со времен Карла I. Стремился ли Карл II к установлению абсолютизма, как его обвиняли в том виги? Большинство современных исследователей склоняется скорее к негативному ответу на этот вопрос. Существуют оценки положения монарха, лишенного после реставрации чрезвычайных судов тюдоровской и раннестюартовской эпохи и республиканской армии, как «президента федерации локальных сообществ», управляемых землевладельцами[122]. Тем не менее есть основания полагать, что именно в «абсолютной власти» Карл видел лучшее средство обеспечить

[121] Stroud A. Op. cit. P. 174.

[122] Hutton R. The Restoration: A Political and Religious History of England and Wales. Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 183.

безоговорочное повиновение королю, отсутствие восстаний и гражданских смут. Уже в 1669 г. герцог Лодердейл, занимавший пост государственного секретаря по делам Шотландии, писал королю, что шотландская (пресвитерианская) церковь «не сможет доставить ему больше проблем», и с этой целью шотландский парламент принял акт об организации двадцатитысячной армии для укрепления королевского влияния. «Не только эти милицейские части, – продолжал Лодердейл, – но и все разумные люди в Шотландии готовы выступить по первому Вашему зову, ибо никогда не было короля столь абсолютного (*King soe absolute*), как Вы в доброй старой Шотландии»[123]. Даже если Лодердейл, как это пристало ловкому царедворцу, лукавил и приукрашивал картину, сам факт, что королю должен был польстить статус «абсолютного», свидетельствует об определенных тенденциях в этом направлении.

Период, последовавший за роспуском последнего парламента Карла II, вошел в историю как эпоха «торийской реакции». Король, наконец, в полной мере осознал, что в попытке упрочить королевскую прерогативу он может опереться только на тори и англиканскую церковь, почитавшую учение о «непротивлении королю ни при каких условиях» как религиозную догму. Относительно спокойная международная обстановка позволяла отложить заботы об армии и флоте, сократив соответствующие статьи бюджета, и сосредоточиться на решении внутриполитических проблем. Внешний мир способствовал и расцвету экономической активности и, как следствие, увеличивал королевские доходы от таможенных пошлин. На тот момент Карл II не нуждался в парламенте, но на случай, если он все-таки понадобится в будущем, правительство решило основательно подготовиться и заполнить лояльными фигурами все ключевые должности как в государственном аппарате, судах, армии и на флоте, так и в местном самоуправлении, поскольку контроль над последним был решающим при проведении выборов. Виги вычищались с государственной службы и подвергались преследованиям в судебном порядке.

[123] Osmund A. Lauderdale, 1670–1682 // The English Historical Review. Vol. 1. No. 3 (Jul., 1886). P. 446.

Уже 2 июля 1681 г. по обвинению в государственной измене был арестован и заключен в Тауэр граф Шефтсбери. Он пытался добиться приказа *Habeas corpus* от Лондонского суда, но там ему ответили, что этот суд не имеет полномочий в отношении заключенных в Тауэр и, следовательно, необходимо обратиться в суд королевской скамьи. Поскольку последний был на каникулах, приказа о судебном разбирательстве его дела Шефтсбери пришлось дожидаться до конца октября. Тем не менее собравшийся 24 ноября 1681 г. суд присяжных оправдал лидера оппозиции. Подобный вердикт был обусловлен не только слабостью правительственных улик против Шефтсбери, но и тем фактом, что вигский шериф Лондона отобрал надежных лиц для участия в суде в качестве присяжных. Этот процесс указал правительству на необходимость чистки судебных учреждений и местного самоуправления, а Шефтсбери на неотвратимость эмиграции. От внимания властей не ускользнул и тот факт, что Шефтсбери со своими сторонниками активно обсуждал возможность восстания в случае возможной смерти Карла II, и правительство, как следствие, планировало новый арест графа[124]. В конце 1682 г. он выехал в Нидерланды, где и умер в начале следующего года. В то же время все должности шерифов в столице и на местах замещаются лояльными короне тори.

Городскому самоуправлению также был нанесен удар. Еще актом о корпорациях 1661 г. кавалерский парламент пытался очистить городские магистраты от опасно радикальных пресвитериан. Тем не менее акт о корпорациях оказался недостаточен для удаления оттуда вигов, поэтому правительство решило коренным образом изменить систему замещения городских должностей, усилив влияние центра на назначения того или иного лица. Лондон, обвиненный в покушении на королевскую прерогативу, утратил городскую хартию, которая давала ему право на выбор мэра, шерифа и олдерменов. Кандидаты на должность лорда-мэра Лондона должны были впредь утверждаться королем, а в случае, если король дважды отказывался утвердить представляемого

[124] Milton Ph. Shaftesbury and the Rye House Plot // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury. 1621–1683 / Ed. by John Spurr. Burlington: Ashgate, 2011. P. 233–239.

кандидата, он мог назначать на этот пост лиц по собственному выбору. То же самое произошло и в отношении большинства других городов. Хартии, регулирующие избрание городских магистратов, большинства из них были аннулированы, и взамен утверждены новые, существенным образом сокращающие возможности реализации автономного самоуправления. Данная процедура стала самой масштабной из когда-либо предпринятых централизованных попыток реформирования городского самоуправления[125].

Раскрытие антиправительственного заговора в 1683 г. довершило дело разгрома вигской оппозиции. Согласно доносу на короля и его брата готовилось покушение: Карла и Якова должны были захватить по пути следования со скачек из Ньюмаркета в Лондон. Поскольку в Ньюмаркете случился пожар, король вернулся в Лондон раньше, чем планировалось, а заговор был раскрыт[126]. Сам факт заговора позволил правительству привлечь к суду остальных лидеров вигов. Были арестованы лорды Эссекс, Рассел, а также старый республиканец Олджернон Сидней. Клуб Зеленой ленты был распущен. Эссекс покончил с собой в Тауэре, а Рассел и Сидней были приговорены к смерти и казнены. Главной уликой в обвинении Сиднея стала обнаруженная у него рукопись трактата «Рассуждения о системе правления», обосновывающего, среди прочего, договорную теорию происхождения государства. Тут же было заявлено, что манускрипт содержит рассуждения против «монархии в принципе и в пользу республики»[127]. Другие лидеры вигов просили короля о прощении, обещав отказаться от любой оппозиционной деятельности. Герцог Монмаут был скомпрометирован своими связями с оппозицией, но был помилован и отправлен в изгнание.

Раскрытие антиправительственного заговора заставило поторопиться с ужесточением идеологического контроля. 21 июля 1683 г. Оксфордский университет издает официально одобренное постановление «Против некоторых

[125] Halliday P. D. Dismembering the Body Politic: Partisan Politics in England's Towns, 1650–1730. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 19.

[126] Jenkinson M. Culture and Politics at the Court of Charles II. Woolbridge: The Boydell Press, 2010. P. 187.

[127] Scott J. Algernon Sidney and the Restoration Crisis, 1677–1683. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 294.

пагубных книг и доктрин, вредоносных по отношению к священной персоне государей, государству и правительству, а также всему человеческому обществу», осуждающее любые теории, противоречащие официальной идеологии «пассивного повиновении» и абсолютной власти государя по божественному праву. В качестве «пагубных» были указаны доктрины, утверждающие, что «все гражданские власти возникли по решению народа», что «между государем и народом существовал договор», и что если государь не исполняет своих по нему обязательств, то он превращается в тирана, что освобождает народ от обязанности повиноваться. Среди книг, содержащих подобные «вредоносные» идеи, были указаны сочинения Мильтона, Гоббса, Филиппа Хантона, Джона Нокса и других, а также учения квакеров и людей пятой монархии[128]. Книги указанных авторов были изъяты из университетской библиотеки и публично сожжены перед церковью Девы Марии[129].

В феврале 1685 г. Карл II умирает. Несмотря на битвы по вопросу об исключении конца 1670-х – начала 1680-х гг., его брат-католик герцог Йоркский восходит на престол без какого-либо сопротивления. Более того, были отмечены традиционные в подобных ситуациях признаки публичного ликования. Тайному совету Яков заявил, что вопреки распространившемуся мнению он не является человеком, «стремящимся к неограниченной власти», что он будет поддерживать англиканскую церковь, не отступит от прав и прерогатив короны и не покусится на чью-либо собственность[130]. Послушная торийская администрация и англиканская церковь безоговорочно признали его королем. Собравшийся в мае парламент оказался всецело подконтрольным правительству, что свидетельствовало об успешности мер по подчинению местного самоуправления, проведенных еще при покойном короле. Яков отозвался об этом парламенте, что, если бы он сам имел возможность назначить депутатов, он не смог бы получить

[128] The judgment and decree of the University of Oxford past in their convocation, July 21 1683. Against certain pernicious books, and damnable doctrines destructive to the sacred persons of princes their state and government, and of all humane society. Rendred into English, and published by command. Dublin: reprinted and are to be sold at His Majesties printing house on Ormond-Key, and by Joseph Wild bookseller in Castle street, 1683. P. 1–7.

[129] History of Oxford University Press. Vol. I: Beginnings to 1760 / Ed. by Ian Gadd, Simon Eliot and William Roger Louis. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 561.

[130] Miller J. James II. New Haven and London: Yale University Press, 1978. P. 120.

столь «отборный парламент», а из 513 человек он мог бы дать отвод не более чем сорока. В парламент попало всего 57 бывших сторонников вигов[131]. Депутаты без сопротивления утвердили сбор таможенных пошлин за королем пожизненно в размере 1,6 млн. фунтов ежегодно и, кроме того, крупную субсидию на содержание армии, поскольку начались волнения в Шотландии и на юго-западе Англии[132].

При содействии вигов было проведено две попытки восстания против Якова II. Первой стало восстание в Шотландии, возглавляемое графом Аргайлом, лидером шотландских пресвитериан-ковенантеров и сторонником вигов. Во многом это восстание было вызвано тем, что лидеры шотландских кланов уже успели познакомиться с Яковом, когда тот был отправлен в Шотландию в разгар «кризиса по вопросу об исключении» и пытался навязать шотландцам вариант Акта о присяге, разработанный ранее графом Денби. Согласно этому акту запрещалось предпринимать какие-либо попытки к проведению изменений в «церкви или государстве». Глава клана Кемпбелов Аргайл отказался дать подобную клятву и вынужден был бежать на континент. Для противовеса клану Кемпбелов Яков пытался опереться на симпатизирующих католицизму горцев. С воцарением Якова Аргайл возвращается в Шотландию и поднимает восстание.[133] Тем не менее внутренние междоусобицы между лидерами шотландских кланов не позволили восставшим объединиться. В результате правительственные войска без особого труда подавили восстание, а Аргайл был казнен.

Другое восстание началось практически одновременно с шотландским и было инспирировано вернувшимся из изгнания герцогом Монмаутом, который был к тому же одним из вигских претендентов на престол и, в отличие от короля, протестантом. 11 июня 1685 г. Монмаут высадился в Дорсете на юго-западном побережье Англии с отрядом в 150 человек и оружием еще для двух тысяч. Герцог надеялся, что англичане, недовольные королем-католиком, в массе

---

[131] Speck W.A. James II. London and New York: Routledge, 2002. P. 36.

[132] Horwitz H. Parliament, Policy and Politics in the Reign of William III. Manchester: Manchester University Press, 1977. P. 4

[133] Heyck T., Stanford E. Lehmberg. A History of the Peoples of the British Isles: from 1688 to 1914. Vol. 3. London: Routledge, 2002. P. 29.

присоединятся к его отряду. Он издал манифест, в котором обещал восстановление свобод, религиозную терпимость для протестантских сект, ежегодные созывы парламента, роспуск постоянной армии. В манифесте также указывалось, что мать Монмаута была тайно обвенчана с Карлом II, а потому он может считаться вполне легитимным наследником престола. Часть ремесленников и горожан, симпатизировавших пуританским и республиканским идеям, присоединилась к армии герцога, в результате чего ее численность достигла примерно шести тысяч человек. Армия эта была, однако, плохо обучена и плохо вооружена[134]. Представители джентри не поддержали восстание, резонно опасаясь повторения событий гражданской войны. 6 июля близ города Бриджуотера произошло решающее сражение. Войска Монмаута были разбиты, а само восстание было подавлено при помощи полков, присланных из Голландии Вильгельмом Оранским. Неудачливого претендента на престол судили по обвинению в государственной измене и казнили. После подавления восстания в юго-западные районы была выслана судебная комиссия во главе с судьей Джорджем Джеффрисом. В результате его «кровавых ассизов» свыше трех сотен человек были казнены и еще несколько сотен отправлены в колонии.

Подавление двух антиправительственных восстаний укрепило режим Якова II и позволило ему надеяться, что теперь настало время приступить к ослаблению репрессивного режима против католиков. В результате мобилизации войск для подавления восстаний в распоряжении Якова оказалась армия численностью почти в 30 тысяч человек. Королю начинает казаться, что, опираясь на армию, он может упрочить в Англии позиции католицизма. Католики массово освобождаются из тюрем, назначаются на должности в армии, а действие карательных законов фактически приостанавливается. На протяжении столетий вигские историки обвиняли Якова в намерении восстановить католицизм, но едва ли цели короля были столь амбициозны. Более вероятно, что в лице узаконенной

[134] Heyck T., Stanford E. Lehmberg. A History of the Peoples of the British Isles… P. 29–30.

католической церкви он пытался создать дополнительную опору трона и королевской прерогативы[135].

Между тем эти поступки короля не могли вызвать одобрения даже у членов преданной королевской прерогативе партии тори. Именно эти действия Якова заложили основы того, что тори из «партии двора» смогли превратиться в политическую группу, представляющую независимые от короны интересы[136]. Кроме того, в октябре 1685 г. Людовик XIV отменил во Франции действие Нантского эдикта и начал широкомасштабные преследования протестантов, что не могло не вызвать паники в Англии. Король вновь собрал парламент 9 ноября и попытался обосновать необходимость сохранения регулярного армейского контингента в его настоящем числе. «Ничто, – утверждал король, – кроме значительной силы регулярно оплачиваемых дисциплинированных отрядов, не сможет предоставить нам надлежащей защиты от тех, кто может потревожить нас изнутри или извне»[137]. Кроме того, Яков заявил о необходимости оставить на службе офицеров-католиков, назначенных им при подготовке подавления восстания. Парламент, однако, уже не выказывал прежней готовности поддержать короля. Палата общин высказалась против как учреждения регулярной армии, так и сохранения на офицерских должностях католиков. Нижняя палата была поддержана и палатой лордов, в результате король принял решение распустить парламент.

При помощи лояльных судей, Яков попытался добиться формального утверждения за короной так называемого диспенсационного права, то есть права освобождать конкретных лиц из-под действия уголовного законодательства, принятого парламентом. В качестве прецедента было использовано дело Эдварда Хейлса – католика, назначенного на должность командира полка в нарушение Акта о присяге. Хейлс при помощи своего слуги инспирировал против себя судебный процесс, вынесший обвинительное решение, которое затем было

---

[135] Jones J. R. Country and Court… P. 234.

[136] Ibid. P. 235.

[137] Quoted from: Childs J. The Army, James II and the Glorious Revolution. Manchester: Manchester University Press, 1980. P. 11.

обжаловано в суде королевской скамьи. Председательствовавший на процессе главный королевский судья Герберт вынес решение в пользу Хейлса, указав при этом, что «нет такого закона, действие которого не может быть отменено верховным законодателем», и поскольку в Англии таковым является король, то он может как помиловать любого подданного за нарушение любого закона королевства, так и заранее освободить из-под действия закона, даже если он был принят в парламенте[138].

Поскольку политика покровительства католицизму не пользовалась популярностью, а католиков в Англии было немного, Яков решил попытаться привлечь на свою сторону симпатии более многочисленной и также бесправной части населения – протестантских диссентеров, издав 4 апреля 1687 г. Декларацию веротерпимости. Эта декларация повторяла в общих чертах положения декларации 1672 г. и приостанавливала действие карательных законов за непосещение служб англиканской церкви и отказ причащаться по англиканскому образцу, позволяла отправление богослужений иным образом в частных домах и часовнях, а также приостанавливала действие Акта о присяге, открыв тем самым доступ к должностям на гражданской и военной службе как католикам, так и нонконформистам. Чтобы успокоить подданных по поводу страхов о возможном восстановлении католицизма и реставрации монастырской земельной собственности, декларация специально указывала, что все собственники сохранят свои земли, даже если они церковного или монастырского происхождения[139].

Некоторые из диссентеров были благодарны Якову за дарованные свободы, особенно квакеры. Уильям Пенн, основатель квакерской колонии Пенсильвании, вернулся в Англию и даже стал на время ближайшим советником в окружении короля. Большинство же нонконформистов склонялись к точке зрения, высказанной в одном из памфлетов маркизом Галифаксом: «Вас теперь

[138] Prall S. E. The Bloodless Revolution: England, 1688. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1985. P. 297–298.

[139] English Historical Documents… P. 386–387.

обнимают, чтобы потом было легче задушить» [140], а потому очень скептически отнеслось к политике религиозной терпимости, проводимой королем-католиком. К тому же всем было известно, что в недавнем прошлом сам Яков проявил себя активным сторонником преследований протестантов-диссентеров[141].

Через год, 4 мая 1688 г., Яков издал вторую декларацию, подтверждавшую декларацию 1687 г., и отдал приказ прочесть ее публично во всех церквях Англии. На этот раз даже епископы отказались повиноваться королю. Из 100 лондонских церквей декларация была зачитана лишь в четырех, но и здесь ее чтение сопровождалось громогласным недовольством прихожан[142]. 18 мая архиепископ Кентерберрийский Санкрофт и шесть других епископов подали королю петицию с просьбой об отмене декларации. При этом они указывали на то, что диспенсационное право короны часто «признавалось незаконным в парламенте» и конкретно в 1662, 1672 и 1685 гг.[143] По приказу короля епископы были арестованы и отправлены в Тауэр, но суд присяжных оправдал их и отпустил на свободу.

Событием, которое стало последней каплей, стало рождение у Якова II сына и наследника от его супруги Марии Моденской. До той поры наследницей была дочь Якова, протестантка Мария, которая к тому же была замужем за протестантским принцем Вильгельмом Оранским, также бывшим одним из возможных наследников (он стоял в линии наследования третьим, после своей жены и ее сестры, поскольку был сыном дочери Карла I). Многие потенциальные оппозиционеры в Англии, связанные до той поры англиканской доктриной пассивного повиновения, рассчитывали, что немолодой уже король умрет и его место займет его дочь-протестантка. С рождением же здорового мальчика эти надежды были развеяны. Не в меньшем унынии пребывал и Вильгельм Оранский, который рассчитывал занять английский престол, опираясь на наследственные права жены и свои собственные. Политика Якова не только рушила эти его планы,

---

[140] Saville G., Marquis of Halifax. A Letter to A Dissenter, upon Occaision of His Majesty's Late Gracious Declaration of Indulgence. London: Printed for G. H., 1687. P. 3.

[141] Английская буржуазная революция… С. 151.

[142] Там же. С. 152.

[143] English Historical Documents… P. 75.

но и ставила под угрозу безопасность Республики Соединенных провинций, поскольку курс английского короля на союз с католической Францией ставил под угрозу не только успешность военных действий Вильгельма против Людовика XIV, но и само выживание независимого нидерландского государства.

В итоге Вильгельм Оранский дал понять английским противникам режима Якова II, что он готов на вооруженное вторжение, но для легитимации своих действий нуждается в «приглашении»[144]. Арест епископов и рождение наследника престола подтолкнули даже лидеров тори принять участие в планируемом перевороте. 30 июня 1688 г. принцу Оранскому было послано письмо с просьбой предпринять вооруженную интервенцию в Англию для поддержания и защиты протестантской религии. Письмо подписало 7 человек, пятеро из которых считались вигами и двое тори, включая и лондонского епископа Комптона. В письме утверждалось, что «народ, настолько недоволен текущим поведением правительства в отношении религии, свободы и собственности» и ожидает лишь ухудшения ситуации, что принц может быть уверен в том, что 19/20 населения поддержит принца, если он прибудет с войском. Далее указывалось, что против короля настроены джентри и лорды; большая часть офицерства и простых солдат в армии настолько ненавидят «папизм», что с готовностью присоединятся к армии принца. Утверждалось также, что абсолютное большинство англичан не верит, что родившийся у короля ребенок в действительности является его сыном[145].

Международная обстановка также способствовала вторжению. Против Людовика XIV сложилась коалиция в составе как протестантских, так и католических держав, и главы этих государств благожелательно отнеслись к планам Оранского. Даже сам папа был осведомлен о его намерении низложить Якова, но никаких возражений против этого со стороны Рима не было высказано. Гораздо больше опасений вызывал Яков как союзник Франции, чем Англия, возглавляемая протестантом. Кроме того, Людовик был занят военными действиями с союзниками Вильгельма, и последний мог позволить себе

[144] Speck W. A. Reluctant Revolutionaries: Englishmen and the Revolution of 1688. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 75–76.

[145] English Historical Documents… P. 110–111.

«отлучиться» с войсками в Англию. Генеральные штаты Республики Соединенных провинций достаточно быстро согласились ассигновать средства на организацию подобной экспедиции, поскольку даже среди республиканской партии Голландии, настроенной традиционно пацифистски, росли опасения в отношении того, что крепкий союз между Людовиком XIV и Яковом II может положить конец процветанию голландской торговли[146].

10 октября 1688 г. Вильгельм опубликовал декларацию, в которой заявил о том, что он явится в Англию для «сохранения протестантской религии, защиты людей от преследования по причине религиозных убеждений и обеспечения всей нации свободного пользования ее законами, правами и свободами под управлением справедливого и законного правительства»[147]. Флот принца был основательно оснащен и состоял из 53 военных кораблей и 400 транспортных судов и в четыре раза превосходил по размерам «Непобедимую армаду», отправившуюся к английским берегам столетием раньше.[148] Уже 5 ноября Вильгельм высадился на юго-западе Англии, привезя с собой более чем двадцатитысячное войско. Принц вскоре занял Эксетер и стал ждать. Некоторое время его положение было довольно шатким, так как крестьянство, памятуя о «кровавых ассизах» Джеффриса, не стремилось присоединиться к его армии, а дворяне колебались. Только через неделю на сторону принца перешел влиятельный член торийской партии сэр Эдмунд Сеймур, а за ним потек, наконец, ручеек перебежчиков, превратившийся вскоре в мощный поток. Уже 14 ноября к принцу присоединился лорд Корнбери, сын графа Кларендона и дядя жены Вильгельма. Войско Якова было численно больше, но абсолютно ненадежно, а его генералы избегали начинать военные действия. 24 ноября к Вильгельму присоединился и главнокомандующий королевских войск Джон Черчилль. После

[146]Childs J. The Ninth Year War and the British Army, 1688–1697: The Operations in the Low Countries. Manchester and New York: Manchester University Press, 1991. P. 14.

[147] Kingdom without a King: The Journal of the Provisional Government in the Revolution of 1688 / Ed. by Robert Beddard. Oxford: Phaidon Press, 1988. P. 127.

[148] Wouter T. William III, the Stadholder King: A Political Biography. Aldershot: Ashgate, 2005. P. 195.

этого к принцу бежали и младшая дочь короля, сестра Марии Анна, ее муж Георг, принц Датский, и другие придворные[149].

Яков попытался резко изменить политику: уволил министерство, вернул ко двору епископов, восстановил хартию и вольности города Лондона, обещал скорейший созыв парламента. Те не менее к концу ноября – началу декабря крупнейшие города заявили о поддержке Вильгельма. Восстанием был охвачен ряд графств. Боясь повторить судьбу отца, Яков отправляет на континент жену и ребенка и делает попытку бежать, покинув Лондон в ночь на 11 декабря[150].

Бегство короля радикально изменило ситуацию, и если до той поры речь могла идти о давлении на короля в целях изменить его политику, то вакуум власти, целенаправленно созданный королем, заставил даже самых консервативных тори ожидать скорейшего вступления войск принца в столицу. В Лондоне начались спонтанные антикатолические выступления, грозившие перерасти в погромы и представлявшие угрозу собственности. Чтобы как-то обуздать ситуацию, бывшие королевские советники вынуждены были образовать временное правительство и обратиться к принцу Оранскому с просьбой скорейшим образом восстановить общественное спокойствие[151].

В этой ситуации в Лондоне собираются олдермены города, лорд-мэр и епископы и просят принца занять столицу как можно скорее и не допустить распространения хаоса. Вход принца в Лондон был отложен из-за неожиданного возвращения короля 16 декабря, поскольку последнего задержали крестьяне, а один из местных дворян уговорил его вернуться в столицу, считая, что дело его еще не проиграно. Тем не менее своим неудавшимся бегством во Францию Яков окончательно себя скомпрометировал. Королю позволили бежать вторично, на этот раз удачно. После вступления принца Оранского в Лондон 18 декабря было созвано собрание депутатов трех парламентов, избранных еще в царствование Карла II. Последнее и подтвердило его регентские полномочия и поручило разослать письма с приглашением в новый парламент-конвент. Парламент

[149] Английская буржуазная революция… С. 155.
[150] Kenyon J. P. Revolution Principles… P. 5.
[151] Jones J. R. Country and court… P. 250–251.

собрался 22 января 1689 г. для обсуждения необходимых по факту бегства короля мер. Естественной наследницей престола была Мария, жена Вильгельма Оранского, но принц хотел стать королем *sue jure*, а не только в качестве принца-консорта. Мария поддержала эти его стремления, отказавшись от предложения палаты лордов стать единоличной правительницей. Консервативные тори никоим образом не хотели допустить провозглашения принца королем. Они согласны были либо на условное восстановление Якова на престоле, либо на регентство при нем Марии[152].

Умеренные виги предложили провозгласить Вильгельма и Марию совместно королем и королевой. Радикальная же вигская фракция готова была провозгласить королем лишь Вильгельма, создав тем самым прецедент выбора монарха парламентом[153]. Поскольку прения затянулись, Вильгельм пригрозил отбыть с войском обратно в Голландию, и тогда 28 января парламент вынес постановление, в котором объявил престол вакантным, а Вильгельм и Мария были провозглашены совместно королем и королевой Англии. Декларация парламента обвинила короля Якова в нарушении фундаментальных законов королевства, тем не менее речи о его свержении не шло. Было объявлено, что король «отрекся» от престола, оставив его вакантным. Как следствие, парламент постановил, что Вильгельм Оранский и принцесса Мария «являются и провозглашаются» королем и королевой Англии, Ирландии и Франции. Декларация также указала на то, что «опытом» было показано неудобство занятия престола папистом и впредь лицо католического вероисповедания не должно было занимать английский престол. Несколькими месяцами позднее парламент, избранный после роспуска Конвента, переработает и подтвердит декларацию в виде Билля о правах.

[152] Harris T. Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy 1685–1720. Allen Lane: Penguin, 2007. P. 319.
[153] Troost W. Op. cit. P. 208.

1.3 Законодательное оформление результатов Славной революции. Виги и тори в период правления Вильгельма Оранского

Историки очень сильно расходятся в оценках Славной революции 1688 г. На протяжении почти двух с половиной столетий доминировала вигская интерпретация событий, согласно которой революция действительно была совершена при поддержке партии вигов и привела к существенному изменению характера отношений между короной и парламентом, фактически утвердив в Англии конституционную монархию. С 1960-х гг. господствуют скорее ревизионистские подходы, подчеркивающие участие как вигов, так и тори и отрицающие то, что революция привнесла какие-либо серьезные изменения в конституционное устройство страны. Дж. Кеньон даже называет Билль о правах «исключительно дефективным документом», не решившим ни одного важного конституционного вопроса[154]. Еще позднее происходит синтез ревизионизма с традиционной вигской интерпретацией: Лоис Швёрер, посвятившая целую монографию исследованию Декларации прав 1689 г., пришла к выводу, что революция стала победой вигских принципов и привела к смене не только монарха, но и к изменению монархии, так как этот акт внес существенные ограничения в королевскую прерогативу[155]. Ряд историков утверждает, что англичане были «революционерами поневоле», а сама революция случилась скорее «неожиданно», но тем не менее привела к фундаментальным изменениям в устройстве и идеологии английского государства[156].

Декларация прав, переработанная и подтвержденная в виде Билля о правах, во многом действительно подводила итог спорам парламента с королевской властью, продолжавшимся на протяжении всего XVII в., и утвердила некоторые положения в качестве неизменной базы конституционного взаимодействия

[154] Kenyon. Stuart England… P. 261.

[155] Schwoerer L. The declaration of Rights, 1689. Baltimore: John Hopkins University Press, 1981. P. 248

[156] Speck W. A. Reluctant Revolutionaries: Englishmen and the Revolution of 1688. Oxford University Press, 1988; Beddard R.A. The Unexpected Whig Revolution of 1688 // Revolutions of 1688. Oxford: Oxford University Press, 1988.

короны и выборного представительства. Билль поэтому действительно может рассматриваться в качестве конституционного оформления умеренно-вигских принципов. Основные положения Билля о правах касались трех главных тем: ограничения власти короля, гарантии прав парламента и закрепления определенных прав и свобод подданных.

Прежде всего, королевская прерогатива ограничивалась в том, что королю запрещалось приостанавливать действие законов или освобождать кого-либо из-под действия законов, принятых в парламенте, без санкции самого парламента. Король, таким образом, был лишен так называемой суспенсивной и диспенсационной власти, которой Яков II пользовался для введения деклараций веротерпимости и устранения ограничений на участие в государственной власти для католиков. Утверждалось также, что королевская прерогатива не распространяется на произведение сборов в королевскую казну, то есть король не может устанавливать и собирать налоги без постановления и разрешения парламента. Не должен он был и содержать войско в мирное время без согласия парламента. Незаконным было объявлено учреждение суда комиссаров по церковным делам («Высокой комиссии») и всех судов подобного рода[157]. Таким образом, корона ограничивалась в возможности учреждения чрезвычайных судов, существующих параллельно судам системы общего права и действовавших на основе королевской прерогативы (королевского права отправлять правосудие). Тем самым фактически подтверждалось законодательство Долгого парламента в отношении прерогативных судов.

Билль был несколько менее конкретен в отношении гарантии прав парламента. Утверждалось, что парламент должен созываться «достаточно часто» (хотя и не указывалось, насколько именно), выборы в парламент должны производиться «свободно», а депутаты парламента обладают свободой слова (в парламенте) и могут быть подвергнуты судебному преследованию за высказываемые ими в палате взгляды только по решению самой палаты. Подданные короля получили право обращаться к нему с ходатайствами и

[157] English Historical Documents… P. 112–115.

петициями и не подвергаться за это никакому преследованию. За протестантами закреплено право ношения оружия в соответствии с их социальным статусом (имелись в виду «джентльмены»). Не допускались чрезмерные залоги и штрафы, а также «жестокие и необычные» наказания. Кроме того, штрафы не должны были рассматриваться королевской властью в качестве источника дохода. Выборы присяжных должны производиться в соответствии с нормами общего права, а в делах о государственной измене присяжные должны выбираться из числа «свободных землевладельцев»[158].

Таким образом Билль о правах еще не ведет речи о разделении исполнительной и законодательной власти или об уничтожении законодательных полномочий короля. Говорится лишь о том, что король не может назначать налоги и отменять действие постановлений парламента. Тем не менее королевская власть ограничивалась в важнейших вопросах: финансовом и военном, равно как и в судебном. Власть все в большей степени должна была соответствовать определенным законным нормам и обычаям, которые в свою очередь могли быть видоизменены лишь постановлениями парламента.

Билль также постановил, что и Вильгельм и Мария становятся «королем и королевой Англии» ввиду «отречения» Якова II от престола, но при этом вся полнота королевской власти передается одному Вильгельму. Кроме того, лицо католического вероисповедания или состоящее в браке с католиком не может занимать английский престол, и при определении престолонаследия должно исключаться, как если бы данное лицо «умерло естественным образом». Католики также не могли заседать в парламенте. Таким образом, из престолонаследия должны были быть исключены сын Якова II и его наследники. Следующей в линии престолонаследия (ввиду бездетности Вильгельма и Марии) была названа принцесса Анна, младшая сестра Марии, которая была замужем за Георгом, принцем датским. Анна была достаточно плодовита и произвела на свет 15 детей, но 14 из них умерли в младенчестве, а единственный, достигший сколько-либо существенного возраста, – принц Вильгельм-Генрих, герцог Глостерский, – не

[158] English Historical Documents… P. 115–116.

отличался крепким здоровьем и умер в 1700 г. в возрасте 11 лет, что и заставило парламент вновь вернуться к вопросу о престолонаследии уже в 1701 г.[159]

Этот вопрос был окончательно решен Актом парламента 1701 г. «Об устроении», который помимо этого принимал еще и ряд важных мер конституционного характера. Ввиду того что принцесса Анна была последней представительницей династии Стюартов и появление у нее жизнеспособных наследников было маловероятным, после ее смерти престол должен был перейти к Софии Ганноверской (внучке Якова I по женской линии) и ее потомкам – курфюрстам Ганноверским. Поскольку самой Софии на момент принятия акта было уже 70 лет, вероятность того, что английским королем станет ганноверский курфюрст, была крайне высока, и для того, чтобы обезопасить Англию от возможных неудобств его царствования, акт предусматривал еще несколько положений. Акт прямо утверждал, что в случае, если корона Англии перейдет к лицу, не являющемуся уроженцем английского королевства, то английский народ не обязан вступать в войны для защиты интересов территорий, не принадлежащих английской короне, если на то не будет специальной санкции парламента. Король, кроме того, ограничивался в своем праве покидать территорию Англии без разрешения парламента. Лица, рожденные вне пределов английского королевства (иностранцы), не могли стать членами Тайного совета, парламента или занимать какие-либо важные, как военные, так и гражданские, государственные должности. Кроме того, фактически отменялось традиционное право короля смещать судей. Вместо этого вводился принцип, согласно которому судьи занимают свои должности, «покуда они будут вести себя хорошо». Им, кроме того, гарантировался стабильный доход. Парламент тем не менее оставил за собой право смещения судей[160].

Королевское помилование не могло распространяться на дела, начатые по представлению палаты общин (то есть на дела об импичменте). Королевские

---

[159] Taylor H. The Origins and Growth of the English Constitution: the After-Growth of the Constitution. Houghton, 1896. P. 422.

[160] Eighteenth Century Constitution. Documents and Commentary. Compiled and introduced by E. N. Wiliams. Cambridge University Press, 1970. P. 57–59.

постановления, кроме того, должны были подписываться также и тем членом тайного совета (министром), по ведомству которого они проходили. Таким образом, устанавливалась ответственность министров за действия исполнительной власти. Акт об устроении 1701 г. предусматривал дальнейшее ограничение королевских полномочий, обусловленное самим фактом передачи престола иностранному государю.

Другим важным конституционным документом стал Акт о веротерпимости (*Toleration Act*), который предусматривал смягчение дискриминационных законов для нонконформистов (то есть приверженцев других, помимо англиканства, протестантских учений). Веротерпимость по отношению к протестантам была поставлена вигами в повестку дня еще в середине 1670-х гг. Согласно акту, все прежние законы против католиков оставались в силе и были даже заново подтверждены, в частности, Биллем о правах. Согласно этому закону диссентерам дозволялось проводить собственные богослужения в установленных местах, в случае принесения присяги новому королю, признания его главой церкви и отказа от доктрины пресуществления. Пасторы получали право проповедовать в случае признания ими 39 статей англиканской церкви. Ограничения на занятие государственных и приходских должностей были оставлены в силе[161]. Таким образом, сохраняя ряд ограничений политического характера, английское правительство все же отказалось от политики насильственного подавления нонконформистов, признав за ними право исповедания собственных религиозных воззрений. Веротерпимость распространялась также на баптистов и квакеров, но исключала католиков и антитринитариев.

Традиционно считалось, что утверждение на престоле Вильгельма Оранского во многом стало возможным именно благодаря активной поддержке вигов, исходивших из той точки зрения, что между королем и народом существует договор и что в случае нарушения королем договора, народ имеет право на сопротивление. Уже в середине XIX в. эта точка зрения была подробно изложена в сочинении Маколея, согласно которому виги были твердо убеждены в

[161] Eighteenth Century Constitution... P. 42–45.

том, что «короли существуют для народа, а не народ для королей; что право королей является божественным ничуть не больше, чем право члена парламента, судьи, присяжного, мэра… что когда глава государства (*chief magistrate*) управляет согласно закону, он заслуживает повиновения и уважения, но когда он нарушает закон, ему следует оказать сопротивление, а если он нарушает закон серьезно, систематически и с упорством, он должен быть низложен»[162]. Согласно Маколею, права Вильгельма на престол основывались именно на признании данных принципов, и, исходя из них, виги и стремились оправдать переворот 1688 г. Вполне естественно, что виги становятся главной опорой нового режима[163].

В ряде современных исследований высказывается и прямо противоположная точка зрения, согласно которой именно поддержка тори, разочарованных правлением Якова II, позволила Вильгельму Оранскому занять английский престол. Тим Харрис уверен, что к 1688 г. виги представляли из себя совершенно ничтожную политическую силу и не смогли бы организовать сколько-нибудь серьезного сопротивления попыткам короля-католика насадить папизм и тираническое правление. В низвержении Якова повинны именно тори-англикане, которые вовсе не были безоговорочными сторонниками королевского абсолютизма. Их позиция скорее может быть описана как «консервативный конституционализм» с твердой приверженностью традиционному английскому законодательству[164]. Именно эта группа имела наибольшее влияние в английском истеблишменте в годы, предшествовавшие Славной революции, и именно их стремление «урезонить» зарвавшегося короля способствовало, в конечном итоге, смене правящего монарха.

Однако далеко не все тори, исходившие в большинстве своем из веры в божественную природу королевской власти, в недопустимость неповиновения королю со стороны подданных и в неотчуждаемость наследственных прав

---

[162] Maccauley T.B. The History of England from the Accession of James II. Vol. 5. Boston and New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901 P. 11.

[163] Ogg D. William III. New York: The Macmillan, 1956. P. 63–64.

[164] Harris T. Politics under the Later Stuarts: Party Conflict in a Divided Society, 1660–1715. New York & London: Routledge, 1993. P. 119.

династии, готовы были поддержать или хотя бы закрыть глаза на то, что свершилось в результате Славной революции. Многие из них составили главную опору так называемого якобитского движения, то есть периодически возобновляемых попыток вернуть на престол наследников Якова II, не прекращавшихся до середины XVIII в.[165] Именно связь торизма с якобитством заставляла как Вильгельма Оранского, так и королей первой половины XVIII в., особенно из Ганноверской династии, видеть в вигах главную опору престола, что и обусловило их политическое доминирование на протяжении большей части XVIII в.

В отличие от вигов, которых поддерживали крупные земельные магнаты и наиболее состоятельные торговцы и финансисты, тори были партией сельских джентльменов средней руки, так называемой сквайрархии (*squirearchy*)[166], которая начинает испытывать все большее давление со стороны модернизированных и более экономически эффективных хозяйств крупных землевладельцев, а также налогового пресса со стороны государства, ведущего слишком активную, с их точки зрения, внешнюю политику, направленную на удовлетворение алчных интересов городских толстосумов.

Став английским королем, Вильгельм Оранский продолжил ту же политику, которой он был привержен и будучи голландским штатгальтером, то есть борьбу с попытками Людовика XIV установить всеевропейскую гегемонию. При нем Англия присоединяется к антифранцузской Аугсбургской лиге. В 1689 г., заручившись поддержкой Франции, Яков II предпринимает первое из серии якобитских вторжений – экспедицию в Ирландию, которая была по большей части католической и оставалась верной низложенному англичанами монарху. Вильгельм отправился в Ирландию, лично возглавил армию и нанес поражение войскам Якова в битве при Бойне 1 июля 1690 г.[167] Были организованы и восстания в Шотландии, закончившиеся подавлением мятежных кланов и «резней

---

[165] Monod P. K. Jacobitism and the English People, 1688–1788. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 343–345.

[166] Тревельян Д. М. Социальная история Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 275.

[167] Ryan J. S. The Life of William the Third: King of Great Britain and Ireland, Stadtholder of Holland, Prince of Orange, Etc. Dublin: Grant and Bolton, 1836. P. 213.

в Гленкоу» 1692 г., нанесшей Вильгельму серьезный удар в глазах и без того неблагосклонного к нему общественного мнения[168].

В 1696 г. якобиты предпринимают неудачную попытку убить Вильгельма Оранского, однако заговор был разоблачен и его участники казнены. Но уже со следующего года новый режим в Англии стабилизируется. Рисвикский мирный договор завершает Девятилетнюю войну Аугсбургской лиги с Францией (20 сентября 1697 г.), а Людовик XIV признал по нему Вильгельма королем Англии и отказался от поддержки попыток Якова II вернуть себе корону. При жизни Вильгельма Оранского якобиты больше не предпринимали серьезных попыток прийти к власти. Но мирная передышка в англо-французских отношениях оказалась тем не менее кратковременной, так как после смерти испанского короля Карла II, завещавшего все испанские владения внуку Людовика XIV Филиппу, начинается еще один всеевропейский конфликт, известный как «Война за испанское наследство». Для Англии подобное усиление Франции было недопустимо, особенно в ситуации, когда после смерти Якова II в 1701 г., Людовик XIV признал его сына Якова Франца Эдварда Стюарта законным королем Англии[169].

Для финансирования военных расходов правительства и при поддержке вигов еще в 1694 г. основывается Английский банк[170]. В результате предприниматели и торговцы получили возможность вкладывать, нажитые на торговле капиталы в государственный долг. Правительство, остро нуждавшееся в деньгах для проведения активной внешней политики, лишь частично могло покрыть свои расходы за счет налогообложения. Поэтому оно прибегло к займам, обещая заимодавцам также и выплату процентов. Банк был основан как частное учреждение, но фактически получил от правительства право проводить централизованную финансовую политику[171]. Консолидация государственного долга имела важные последствия и для развития политической системы страны.

---

[168] Ibid. P. 281.
[169] Kenyon J. P. Stuart England… P. 291.
[170] Pincus S. 1688: The First Modern Revolution. New Haven and London: Yale University Press, 2009. P. 390.
[171] Stroud A. Stuart England… P. 199.

Во-первых, правительство становилось все более зависимым от парламента и особенно палаты общин, так как для выплаты процентов по кредитам, на которые с каждым годом уходила все большая доля налоговых поступлений, нуждалось в их поддержке. Во-вторых, заимодавцы, среди которых было немало членов парламента, были заинтересованы в стабильности политического режима и в гарантии от возможного государственного банкротства. Таким образом, сам факт существования государственного долга и учрежденного для его обеспечения банка более тесно привязывал интересы парламентских партий к интересам правительства и наоборот. В итоге в XVIII в. правительство уже не думает о том, как избавиться от парламента, как это часто имело место в веке XVII, а о том, как им лучше управлять и манипулировать. В связи с этим многократно возрастает и роль партий как инструмента контроля за парламентом со стороны правительства.

Несмотря на то, что основную опору его режима составляли виги, Вильгельм пытался дистанцироваться от борьбы партий. Кроме того, львиную долю своей энергии он посвящал главному своему призванию – войнам с Людовиком XIV, и значительную часть времени отсутствовал в Англии и не препятствовал дальнейшему усилению парламента. Партийная жизнь оживляется, и уже применительно к 1690-м гг. можно говорить о складывании более-менее регулярного и систематизированного партийного аппарата, что, в свою очередь, связано с рядом законодательных нововведений 1690-х гг.[172] Во исполнение положения Билля о правах о достаточно частых созывах парламента в 1694 г. принимается второй Трехгодичный акт, по которому созыв парламента становился ежегодным, а выборы в парламент должны были производиться не реже, чем раз в три года[173]. В последующее за этим актом двадцатилетие фактически складывается прототип партийной электоральной системы, поскольку в этот период выборы в парламент состоялись не менее десяти раз, а страна, как следствие, находилась в состоянии перманентной предвыборной горячки. Партии обрастают своим политическим аппаратом, местными партийными

[172] Rose C. England in the 1690s: Revolution, Religion and War. Oxford: Blackwell, 1999. P. 63.
[173] Eighteenth Century Constitution… P. 49–50.

организациями, разветвленной системой партийной прессы, пропаганды, партийных агитаторов и журналистов. Возникает особый слой людей, хорошо владеющих пером и могущих предложить свои услуги той или иной партии, которые охотно эти услуги оплачивали. Этому особенно способствует и фактическая отмена предварительной цензуры, после того как в 1695 г. палата общин отказалась продлить срок действия Акта о лицензировании (*Licensing of the Press Act of 1662*), запрещавшего издание «предательской и подрывной» литературы и регулировавшего количество книгопечатных мастерских[174].

Кроме того, усиливается контроль парламента за расходованием бюджета, а также начинает складываться практика назначения министров из той же партии, которая имеет большинство в парламенте, поскольку в противном случае эффективность работы министерства была существенно затруднена постоянными нападками парламентской оппозиции. Подобное положение, с одной стороны, усиливало дееспособность правительства, но в то же время увеличивало его зависимость от парламентского большинства. Вместе с Трехгодичным актом 1694 г., подобная практика способствовала активизации политической борьбы и приданию ей законосообразных конституционных форм. Теперь вместо того, чтобы прибегать к заговорам и подкупам, для того чтобы проникнуть в правительство, оппозиционная партия могла сосредоточиться на предвыборной борьбе и, заручившись поддержкой избирателей, сформировать кабинет, завоевав большинство в палате общин. Это, в свою очередь, становится дополнительным фактором, активизировавшим политическую борьбу как в стенах парламента, так и вне его.

1690-е гг., таким образом, стали периодом как радикальной социально-политической трансформации английского общества, так и жесточайшей политической борьбы. Именно революционные события 1688–1689 гг. стали переломным моментом в британской истории и интенсифицировали процессы

[174] Deazley R. On the Origin of the Right to Copy: Charting the Movement of Copyright Law in Eighteenth Century Britain (1695–1775). Oxford and Portland, Oregon: Bloomsbury Publishing, 2004. P. 1.

модернизации общества и государства[175]. Противостояние тори и вигов, хотя и трансформировалось после событий 1688 г., но нисколько не утратило своей остроты, а обоснование той или иной идеологической позиции стало как никогда актуальным.

[175] Американский историк Стив Пинкус полагает, что Славную революцию 1688 г. можно считать «первой революцией Нового времени», поскольку именно после воцарения Вильгельма III в Англии начинается процесс перехода к государству и обществу, характерному для современности. Революция радикально трансформировала английскую внешнюю политику, отношение к экономике, к религии и церкви. В отличие от того, что вигские историки предпочитали говорить о революции на протяжении XIX и XX вв., Пинкус считает, что подобно всем великим революциям нового времени Славная революция совершилась при широком народном участии, сопровождалась масштабным применением насилия и вызвала раскол в обществе. (Pincus S. 1688: The First Modern Revolution. New Haven and London: Yale University Press, 2009. P. 474–475.)

2 Джеймс Тиррелл в идеологической полемике эпохи «кризиса по вопросу об исключении», 1679–1681 гг.

2.1 Патриархальные идеи в английской политической мысли XVII в. – «Патриарх» Р. Филмера

В конце 1670-х – начала 1680-х гг. в Англии разразился острый политический кризис, поводом к которому стало намерение лидеров «партии страны» провести через парламент решение об исключении из числа наследников престола брата короля, католика герцога Йоркского. Политический кризис сопровождался и острой идеологической полемикой, в ходе которой сторонники королевской власти в своем стремлении обосновать незыблемость наследственного права и абсолютность королевской прерогативы обращаются к политическим сочинениям более раннего времени. В этих работах абсолютизм обосновывается патриархальной теорией происхождения власти и общественных институтов. Автором многих из них, увидевших свет еще в период гражданских войн, был сэр Роберт Филмер – кентский дворянин, активно писавший в защиту дела роялистов в 1640-е гг. Многие его сочинения того времени были заново опубликованы в 1679 г., когда вигами в парламенте уже был поднят вопрос об исключении. В 1680 г. сочинения Филмера публикуются вторично, но на этот раз вместе с ранее не публиковавшимся трактатом «Патриарх». В этой работе, написанной в конце 1620-х – начале 1630-х гг., идеи Филмера, нацеленные на обоснование королевского абсолютизма, представлены в наиболее концентрированном виде. В патриархальных теориях XVII в. и в сочинениях Филмера в частности подчинение детей родителям и конкретно отцу рассматривается как начало отношений власти и, таким образом, государственного устройства, а общество как таковое уподобляется большой семье с абсолютным сувереном во главе, выполняющим по отношению к своим подданным функцию отца семейства.

Вопреки до сих пор господствующей в российской историографии точке зрения, согласно которой приверженцы абсолютизма зачастую рассматриваются как представители единой идейно-теоретической платформы[176], можно утверждать, что на протяжении XVII в. сторонниками королевской прерогативы было разработано несколько различных и зачастую мало согласующихся друг с другом, способов проабсолютистской аргументации. Различные способы обоснования королевской прерогативы вызывали различную общественную реакцию и использовались разными политическими силами в зависимости от особенностей политической ситуации и остроты идеологической конфронтации. Именно патриархальный подход был одним из самых перспективных в пропагандистском отношении.

В Англии XVII в. патриархализм был не только теорией, но и во многом повседневной реальностью. Как отмечает Гордон Счочет, патриархальные идеи имплицированы в политических сочинениях даже таких мыслителей, как Томас Гоббс, Джон Локк, Олджернон Сидни и сэр Уильям Темпл[177]. И сторонники, и противники абсолютизма прибегали к патриархальной аргументации. На бытовом уровне политическая теория и представление подданных об их обязанностях по отношению к государю преподносились как англиканскими священниками, так и пуританскими проповедниками именно в патриархальной оболочке. Библейская заповедь, предписывающая почитание отца и матери, трактовалась как божественное предписание оказывать должное повиновение, в том числе и государственным властям, а монарх открыто приравнивался к отцу семейства, ежечасно заботящемуся о благополучии и процветании своего потомства.

Патриархальная составляющая, однако, не единственный компонент теории, выдвинутой Филмером в целях обоснования прерогатив короны. Не менее важной

---

[176] Сатышев В. Е. Политическая и правовая мысль эпохи Английской революции XVII века. От абсолютизма к конституционализму. Ставрополь: СевКавГТУ, 2001. С. 177–178; Эрлихсон И. М.. Роберт Фильмер и политическая философия абсолютизма периода поздней реставрации (1679–1689 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Том 9, Вып. 11, 2009. С. 50–55; Она же. В поисках идеала: Из истории английской утопической мысли второй половины XVII – начала XVIII вв. М.: Научная книга, 2008. С. 37–49.

[177] Schochet G. Authoritarian Family and Political Attitudes in 17th Century England: Patriarchalism in Political Thought. New Jersey: Transaction, 1988. P. 5–6.

стороной его рассуждений является и традиционная для XVII в. естественно-правовая аргументация[178]. Однако Филмер трактует «естественное состояние» не в традиционном эгалитаристском духе, то есть как «состояние полной свободы» и равенства, а, напротив, как состояние абсолютного и притом самой природой заданного, «естественного» подчинения. Это подчинение представляет собой патриархальное подчинение детей родителям и всех членов семьи старшему в роде. Общество поэтому также трактуется как организм, «выросший» естественным образом, то есть как разросшаяся семья. Если договорная концепция предусматривает прерывность, своего рода революционный скачок в переходе от естественного состояния к гражданскому и таким переходным моментом считается явное или неявное заключение общественного договора, то в патриархальной теории семья и род развиваются в общество и государство без сколько-нибудь резкого или даже заметного перелома. Подчинение детей родителям и конкретно отцу рассматривается как начало отношений власти и, таким образом, государственного устройства, а общество отождествляется с семьей во главе которой стоит полновластный суверен, выполняющий по отношению к своим подданным роль отца семейства.

Конечно, Филмер был не единственным, кто в Англии XVII в. использовал патриархальные аналогии для обоснования должного повиновения власти. Одним из видных теоретиков патриархального роялизма был не кто иной, как дед Джеймса Тиррелла, архиепископ Амарга Джеймс Ашер. В своей работе «Власть, переданная Богом Государю», изданной впервые в 1661 г. с хвалебным предисловием внука, он также обосновывает патриархальное происхождение государства. Подобно Филмеру, Ашер утверждал, что именно власть отца внутри семьи дала начало и политическому правлению[179]. В своих работах Тиррелл тем

[178]Практически все исследователи единодушны в оценке политической теории Филмера как «патриархальной», при этом естественно-правовой компоненте его мысли уделяется незаслуженно мало внимания: Schochet G. Patriarchalism in Political Thought: The Authoritarian Family and Political Speculation and Attitudes Especially in Seventeenth-Century England. Oxford: Blackwell, 1975; Daly J. Sir Robert Filmer and English Political Thought. Toronto: University of Toronto Press, 1979; Cuttica C. Sir Robert Filmer (1588–1653) and the Patriotic Monarch: Patriarchalism in Seventeenth–Century Political Thought. Manchester: Manchester University Press, 2012.

[179] Ussher J. The Power Communicated by God to Prince… P. 14.

не менее тщательно обходит критикой сочинение своего деда, сосредоточившись именно на патриархальных взглядах Филмера.

Сочинениям Филмера выпала довольно неожиданная судьба – они обрели «вторую» жизнь и привлекли к себе всеобщее внимание почти тридцать лет спустя после смерти автора. В 1679 г., в эпоху острого политического кризиса, развернувшегося в Англии по вопросу об исключении католика герцога Йоркского из числа наследников престола (*Exclusion Crisis*), именно к Филмеру, как потенциально самому мощному идеологическому оружию, обратилась «партия двора», опубликовав вторично целый ряд его сочинений[180]. В 1680 г. впервые был издан его трактат «Патриарх, или естественная власть Королей» (*Patriarcha or the Natural Power of Kings*), которому суждено было стать самым известным произведением Филмера. О популярности этого сочинения свидетельствует тот факт, что «Патриарх» был несколько раз переиздан в 1680-е гг. и, что, может быть, самое удивительное, еще раз в 1696 г., то есть уже после Славной революции.

Публикация сочинений, которым было уже по нескольку десятков лет, была традиционным приемом в идеологической полемике, и противоборствующие стороны часто прибегали к этому способу обосновать ту или иную актуальную в настоящее время позицию[181]. Тем не менее именно работа Филмера вызвала оживленную реакцию сторонников «партии страны», и как минимум три самых заметных вигских идеолога: Олджернон Сидни, Джеймс Тиррелл и Джон Локк – взялись за перо с целью дать опровержение идеям, высказанным в сочинении сэра Роберта. Именно критике доктрины, изложенной в «Патриархе», посвящена первая часть самого знаменитого политического сочинения Локка – «Двух трактатов о правлении».

---

[180] В 1679 году были опубликованы работы Филмера 1640-х годов: «Рассуждение о праве свободного землевладения» (*Freeholder's Grand Inquest),* «Руководство для повиновения правительству в опасные или смутные времена» (*Directions for Obedience to Government in Dangerous or Doubtful Times*), «Анархия ограниченной или смешанной монархии» (*The Anarchy of a Limited or Mixed Monarchy*), «Власть Королей» (*The Power of Kings*) и др.

[181] Rudolph J. Revolution by Degrees: James Tyrrell and Whig Political Thought in the Late Seventeenth Century. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2002. P. 28–29.

Несмотря на то, что хорошо известна дата первой публикации «Патриарха», время и обстоятельства написания этой работы, а также причины, по которым она долгое время оставалась неопубликованной, вызвали обширную историографическую дискуссию. Действительно, представление о том, когда именно был написан «Патриарх» и почему он не был опубликован непосредственно после написания, чрезвычайно важно для понимания того, как идеи его автора воспринимались современниками и какой общественный резонанс вызвала посмертная публикация трактата в 1680 г. Современники «кризиса по вопросу об исключении», Джеймс Тиррелл в частности, считали, что «Патриарх» был написан одновременно с другими работами Филмера в конце 1640-х гг., то есть в эпоху революции и гражданских войн, и этим отчасти даже были склонны оправдывать присущую ему категоричность формулировок[182]. Так же считал и Эдмунд Бохун, переиздавший трактат с собственным предисловием в 1685 г.[183]

Ситуация изменится только в середине XX в. Питер Ласлетт, подготовивший в 1949 г. первую научную публикацию «Патриарха» на основе обнаруженного им рукописного текста автора, полагал, что написание трактата относится ко второй половине 1630-х гг. и точно было закончено до 1642 г. Связано же оно с полемикой вокруг взимания правительством так называемых «корабельных денег»[184]. Этой же датировки придерживались Гордон Счочет в работе, анализирующей патриархальные идеи в политической мысли XVII в., и Джеймс Дэли в монографии 1979 г., посвященной непосредственно Филмеру[185]. Сравнивая «Патриарха» с другими работами Филмера, Ласлетт приходит к

[182]Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha. London, 1681. The Preface.

[183]Bohun Edm. Epistle Dedicatory // Patriarcha: or the Natural Power of Kings. By the Learned Sir Robert Filmer, Baronet. London, 1685.

[184]Laslett P. Introduction // Patriarcha and other Political Works of Sir Robert Filmer. Oxford: Blackwell, 1949. P. 3.

[185]Schochet G. Patriarchalism in Political Thought: The Authoritarian Family and Political Speculation and Attitudes Especially in Seventeenth-Century England. Oxford: Blackwell, 1975; Daly J. Sir Robert Filmer and English Political Thought. Toronto: University of Toronto Press, 1979. P. 5. Через несколько лет Дэли вернется к вопросу о датировке «Патриарха» с тем, чтобы ответить на критику Уоллеса. (Daly J. Some Problems in the Authorship of Sir Robert Filmer's Works // The English Historical Review. Vol. 98. No. 389 (Oct., 1983). P. 747–762).

выводу, что трактат с самого начала не предназначался для публикации и не отражает адекватно всего спектра мысли автора[186].

Датировка Ласлетта была оспорена Джоном Уоллесом на том основании, что «полемическая атмосфера», необходимая для масштабного обсуждения вопросов, касающихся происхождения общества и правительства, вопросов прерогативы, повиновения и сопротивления властям и др., попросту не существовала ранее 1642 г. Лишь с началом первой гражданской войны появилась необходимость четкого оформления противоборствующих теоретических платформ и идеологий[187]. Поэтому он полагает, что с наибольшей вероятностью «Патриарх» мог быть написан в самый разгар борьбы вокруг королевской прерогативы и монархии в принципе, то есть в 1648 г.[188]

Вскоре после этого Ричард Так предложил датировку, радикально отличающуюся от всех предыдущих. Основываясь на анализе текста и, в частности, на упоминании Филмером ответа короля на «Петицию о праве» как недавнего события, он датировал первый законченный вариант «Патриарха» концом 1628 – началом 1629 г. Вся работа, таким образом, была перенесена в совершенно иной контекст и оказалась связанной с политическими дебатами начала царствования Карла I. «Патриарх», согласно Таку, составит ядро политической философии, которую Филмер будет разрабатывать и в дальнейшем, используя фрагменты своего раннего неопубликованного труда в полемических трактатах 1640-х гг.[189] Р. Так допускает также возможность того, что первая часть трактата Филмера, обсуждающая невозможность изначального природного равенства людей, могла быть написана еще раньше, в период конфликта Якова I с католиками по вопросу принесения клятвы верности, то есть между 1606 и 1614 гг.[190] Дж. П. Соммервиль, выполнивший второе критическое издание текстов политических сочинений Филмера в 1991 г., в целом соглашается с Таком,

---

[186] Laslett P. Sir Robert Filmer: The Man versus the Whig Myth // The William and Mary Quarterly. Third Series. Vol. 5, No. 4, (Oct. 1948). P. 524.

[187] Wallace John M. The Date of Sir Robert FIlmer's Patriarcha // The Historical Journal. Vol. 23. No 1 (Mar., 1980). P. 156.

[188] Ibid. P. 163.

[189] Tuck R. A. New Date for Filmer's Patriarcha // The Historical Journal. Vol. 29. No. 1 (Mar., 1986). P. 184–185.

[190] Ibid P. 185–186.

полагая, что первые две главы «Патриарха» могли быть написаны в 1620-е гг., а третья глава была завершена к 1630 г.[191] Соммервиль, кроме того, косвенным образом подтвердил и возможность максимально ранней датировки «Патриарха», указав на то, что опровержение договорных и эгалитаристских идей, высказанных в сочинениях апологетов контрреформации, занимает в труде Филмера весьма значительное место[192].

Лишь во второй половине 1990-х гг. в поле зрения исследователей попали архивные документы, позволяющие фиксировать дату написания трактата не позднее 1632 г., а также с достоверностью утверждать, что Филмер тогда же планировал его издание. В этом году правительством Карла I была введена цензура, и не кто иной, как сам король наложил запрет на публикацию, казалось бы, самого промонархического сочинения в английской литературе XVII в.[193] Отказ короля разрешить издание «Патриарха» наглядным образом свидетельствует о том, что идеи, высказанные в нем Филмером, разделялись далеко не всеми сторонниками укрепления королевской прерогативы. Скорее всего, король посчитал, что выход в печать сочинения, отличающегося предельным радикализмом абсолютистских формулировок, в период начала «единоличного правления» лишь будет способствовать увеличению градуса напряженности в отношениях между монархом и сторонниками парламентских привилегий[194]. То, что известно о политических воззрениях самого Карла I, заставляет видеть в нем скорее сторонника конституционного способа аргументации в пользу королевской прерогативы[195]. Поэтому он вряд ли был склонен разделить энтузиазм Филмера в отношении обоснования правительственной политики на основе теории радикального патриархального

---

[191]Sommerville J. P. The Authorship and Dating of Some Works Attributed to Filmer // Filmer: Patriarcha and Other Writings. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. xxxiv.

[192]Sommerville J. P. From Suarez to Filmer: A Reappraisal // The Historical Journal. Vol. 25. No. 3 (Sept., 1982). P. 525.

[193]Thompson Anthony B. Licensing the Press: The Career of G. R. Weckherlin during the Personal Rule of Charles I // The Historical Journal. Vol 41. No. 3 (Sept., 1998). P. 668–669.

[194] Cust R. Charles I and Popularity // Politics, Religion and Popularity in Early Stuart Britain. Essays in Honour of Conrad Russell / Ed. by T. Cogswell, R. Cust and P. Lake. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 243–245.

[195] Weston C. C. English Constitutional Doctrines from the Fifteenth Century to the Seventeenth: II. The Theory of Mixed Monarchy under Charles I and after // The English Historical Review. Vol. 75. No. 296 (Jul., 1960). P. 429.

абсолютизма[196]. Тем не менее почти полвека спустя «Патриарх» все же выходит из печати, а идеи, изложенные в нем, будут положены в основу торийской аргументации в политических дискуссиях с оппонентами из партии вигов.

В чем же суть подхода, предложенного Филмером в «Патриархе»? В самом названии трактата – «Патриарх или естественная власть королей» – содержится основная концептуальная канва. Главной особенностью рассуждений Филмера является обоснование абсолютности королевских полномочий на основе определенным образом истолкованной теории естественного права. Даже патриархализм, в конечном итоге, обосновывается им с помощью естественно-правовой аргументации. Вместе с тем апелляция к естественному праву не означает, что Филмер соглашается также и с договорной теорией. Напротив, основной тезис, который стремится ниспровергнуть автор «Патриарха», формулируется им следующим образом: «От природы люди свободны от повиновения кому бы то ни было; они могут выбирать ту форму правления, которая им больше по душе, и любой человек, обладающий властью над другими, был первоначально наделен ею по решению и выбору народного большинства (*multitude*)»[197]. Самое пагубное заключение, которое можно вывести из этих положений, подразумевает, что подданные обладают правом подвергать государя наказанию или даже низложить его, в случае если он нарушит законы страны. Эта теория была первоначально разработана защитниками папской власти, затем подхвачена протестантскими проповедниками и широко распространилась в среде простых обывателей, наивно полагающих, что именно в подобной свободе заключен источник человеческого благоденствия. В то же время, настаивает Филмер, эта точка зрения противоречит всем авторитетным источникам, в числе которых он перечисляет сочинения отцов церкви, практику древних монархических государств, Священное Писание и принципы естественного права.

---

[196]Чезаре Куттика считает, что, поскольку Карл I уже решился править без парламента, опираясь лишь на королевскую прерогативу, какое-либо обсуждение границ королевских полномочий в печати, даже обосновывающее их абсолютность, могло быть истолковано как проявление слабости власти: Cuttica C. Sir Robert Filmer (1588–1653) and the Patriotic Monarch: Patriarchalism in Seventeenth–Century Political Thought. Manchester: Manchester University Press, 2012. P. 146–147.

[197]Filmer R. Patriarcha: or the Natural Power of Kings. By the Learned Sir Robert Filmer, Baronet. London, printed by Walter Davis, 1680. P. 2.

Главный объект критики Филмера – это предположение естественной свободы и равенства людей. Подобно Гоббсу, Филмер более опасается пагубных проявлений бунтарской природы человека, чем возможных злоупотреблений со стороны власть предержащих. Идеи естественной свободы, с его точки зрения, способны лишь посеять опасные семена бунта и измены. Мысль же о природном равенстве подталкивает людей к тому, чтобы оценивать и критиковать действия правителя, не имея при этом достаточной информации и компетентности для произведения подобной оценки. Мастерство государственного управления слишком сложно, и понимание его доступно лишь тем, кто непосредственно в нем участвует: «Причины и цели величайших политических действий ослепляют взор и превосходят способности всякого, за исключением лишь тех, кто ежечасно вовлечен в управление общественными делами» [198]. Филмер все же признает, что подданные должны быть хорошо информированы в отношении пределов власти государя, поскольку без подобного знания невозможна реализация должного повиновения (*obedience*).

Повиновение разделяется Филмером на «активное» и «пассивное». Активное повиновение подразумевает совершение действий, требуемых от подданного правителем. Пассивное повиновение (*passive obedience*) предполагает необходимость понести наказание, – но ни в коем случае не оказывать сопротивление, – за отказ исполнить «нечестивый» или безнравственный приказ государя. После реставрации монархии в 1660 г. именно теория «пассивного повиновения» станет краеугольным камнем политического мировоззрения, активно насаждаемого среди подданных английского короля, в том числе и при активной поддержке со стороны англиканской церкви.

Для определения пределов монархической власти Филмер обращается к Библии и пользуется своего рода «историко-генетическим» методом. Естественный источник любой власти он видит в божественной воле. Понять направление ее действия можно лишь опираясь на Священное Писание. То, что Бог предполагал общественное состояние человека и необходимость власти для

[198] Filmer R. Patriarcha… P. 5.

его регулирования, представляется Филмеру очевидным. Опираясь на суждения своих теоретических противников, он приходит к заключению, что акт творения, помимо всего прочего, наделил первого человека – Адама – в том числе и властью над своим потомством. Таким образом, с самого начала своего существования человечество было иерархически организовано, и даже в простейшем социальном организме уже присутствует зерно отношений власти-подчинения. Патриархальная, отцовская власть Адама была одновременно и государственной властью монарха. С точки зрения Филмера, невозможно допущение такого «естественного» состояния, в котором дети были бы свободны от отцовской власти. По мере увеличения числа людей и их территориального распространения, основной очаг властных отношений – семья – никогда не прекращал своего существования, и, следовательно, любая форма государственной власти восходит генетически к первой семье и ее главе – Адаму, наделенному, в свою очередь, властью над своей женой и потомством непосредственно самим Богом. Человеческое сообщество попросту никогда не находилось в состоянии неорганизованной однородной массы равных друг другу индивидов, как то утверждалось сторонниками договорной теории.

Филмер опирается на традиционную библейскую версию всеобщей истории, в соответствии с которой после потопа Ной разделил весь тогда известный мир на три части и наделил каждого из своих сыновей правами неограниченного монарха на вверенной ему территории. Даже после Вавилонского столпотворения и «смешения языков» первобытная иерархичность не была нарушена. Напротив, согласно Филмеру, общеизвестным является факт, что после неудавшегося строительного проекта образовалось семьдесят две «отдельных нации» (*distinct nations*), которые ни в коем случае не были «неорганизованным большинством», а представляли из себя ярко выраженные семьи с главами семей в качестве правителей и государей. Господь, таким образом, «позаботился о сохранении отцовской власти (*fatherly authority*),

распределив множество языков в соответствии с множеством семейств»[199]. Следовательно, утверждение о существовании догосударственного естественного состояния, в котором люди были равны и свободны от подчинения, является совершеннейшей фикцией и не выдерживает аргументированной критики. Естественное состояние человечества – это как раз состояние подчинения. «Подобное подчинение детей [родителям] является источником всякой королевской власти и предписано самим Богом»[200].

Филмер отвергает возможность договорного установления общества и государственной власти и обосновывает как божественное происхождение, так и принадлежность власти изначально и непрерывно в последующем «старшему родителю» (*eldest parent*). Адам и все последующие патриархи обладали, таким образом, «королевской властью» над своими детьми по «праву отцовства». Патриархальная власть являлась в то же время и государственной, поскольку ей принадлежали все привычные атрибуты суверенной власти: право наказания вплоть до лишения жизни, право вести войну и заключать мир[201].

В качестве доказательства патриархального происхождения монархических государств Филмер опирается и на чисто исторические свидетельства. Как Библия, так и античные авторы упоминают о большом количестве, иногда десятках, «царей», принимавших участие в различных войнах и походах, чьи владения занимали очень незначительные территории. Иешуа разбил тридцать одного такого «царька» лишь в нескольких битвах, а Юлий Цезарь обнаружил на территории современной Франции больше царьков, чем в настоящем там имеется провинций[202]. По мнению Филмера, подобные данные также подтверждают его точку зрения: если монархические государства произошли от разросшихся семей, то вполне логично, что первоначально они занимали очень незначительную территорию, а количество их было весьма велико.

---

[199]Filmer R. Patriarcha… P. 14.
[200]Ibid. P. 12.
[201]Ibid. P. 13.
[202]Ibid. P. 17–18.

Согласно Филмеру, все правящие ныне в Европе монархи являются наследниками власти древних патриархов; короли – это либо отцы своих народов, либо наследники таковых[203]. Несмотря на подобные высказывания, Филмер все же соглашается с тем, что утверждение об отцовстве монархов в отношении их подданных в настоящий момент «может показаться абсурдным», и признает сложности с возведением монархических родословных к библейским праотцам. Тем не менее для него принципиальным является вопрос о сущности королевской власти, и с этой целью он анализирует ее происхождение в историческом или, скорее, мифологическом прошлом. В настоящем же значение имеет, скорее, результат подобного анализа, то есть понимание истинной природы и объема полномочий короны. А они, по утверждению Филмера, всегда остаются неизменными, и поэтому чисто генетическая преемственность современных властителей от их мифических прародителей является вопросом второстепенным. Отцовская власть становится правом, обладание которым наделяет верховного правителя всеми суверенными полномочиями вне зависимости от того, каким именно образом корона досталась конкретному правителю. Поэтому не совсем справедливы как упреки современников, так и замечания ряда исследователей о том, что невозможность проследить родословную европейских монархов непосредственно от Адама и таким образом легитимизировать их нахождение на троне, составляет главное противоречие в рассуждениях Филмера[204]. Идея первородства используется им лишь для того, чтобы получить точное представление о характере и объеме полномочий государя. Генетически передается именно власть, то есть права государственного управления, и именно она, а не королевские семьи, восходит к Адаму и древним патриархам. Вполне законной может быть власть и узурпатора, и военного захватчика, то есть любого фактического правителя. Народы, по мнению Филмера, обязаны повиноваться как своему «законному королю, так и любому завоевателю или узурпатору» [205].

[203]Filmer R. Patriarcha… P. 17–18

[204] См., например: Wootton D. Introduction // Divine Rights and Democracy. An Anthology of Political Writing in Stuart England. Indianapolis: Hacket Publishing, 2003. P. 31.

[205]Filmer R. Patriarcha… P. 88.

Однако, вне зависимости от реальной родословной последнего, «родословная» королевской власти всегда останется неизменной и будет восходить, в конечном итоге, к власти Адама.

В трактовке объема «суверенных прав» отца и формулировании идеи «суверенитета» как постоянной и неизменной сущности Филмер во многом опирается на теорию Жана Бодена[206]. Власть для него это именно суверенное право, остающееся тем же и в случае, если не остается законных наследников престола. В подобной ситуации власть «возвращается» к главам отдельных семейств, и они действительно могут принять решение о выборе нового монарха[207]. Но даже таким образом выбранный суверен обладает властью не по праву избрания, а по божьему соизволению. Власть «передается» ему непосредственно Богом, от которого он получает «королевскую хартию верховного Отца (*universal Father*), хотя и засвидетельствованную представительством глав народа» [208]. Таким образом, Филмером отрицается даже не столько какое-либо народное участие в конституировании властных институтов, сколько способность народа модифицировать круг полномочий монарха, то есть возможность появления любых законодательных ограничений королевской власти.

Отрицая ограничение королевской власти позитивным законом, Филмер не отрицает ее обусловленности естественным правом. Как и многие его современники (например, знаменитые юристы Дж. Селден и Эд. Кок[209]), он склонен отождествлять естественный и божественный законы. Принципы естественного права определяются самой природой вещей и, следовательно, замыслом Творца. Даже абсолютнейший из монархов не свободен от обязательств, накладываемых божественным законодательством. Согласно

---

[206]В годы гражданской войны он даже опубликует трактат в защиту королевской власти целиком состоящий из цитат, отобранных из главного труда Бодена «О Государстве» – «Необходимость абсолютной власти всех королей и, в особенности, короля Англии» (The Necessity of the Absolute Power of all Kings: and in particular, of the King of England. London, 1648)

[207]Filmer R. Patriarcha… P. 21.

[208]Ibid. P. 22.

[209] Кондратьев С. В. Юристы общего права предреволюционной Англии о происхождении государства и права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1995. № 6. С. 70–72.

Филмеру, обязанности монарха и природные обязательства отца семейства по отношению к своим детям представляют собой одно и то же: «Подобно отцу каждой отдельной семьи, Король, будучи отцом над многими семьями, заботится о том, чтобы сохранять, кормить, одевать, наставлять и защищать целое государство. Его войны, его мирные договоры, его суды и любые иные акты суверенитета направлены лишь на сохранение и распределение между всеми нижестоящими и подчиненными ему отцами семейств и их детьми соответствующих им прав и привилегий. Все обязанности Короля, таким образом, сводятся к всесторонней отцовской заботе о своем народе»[210]. Закон природы, согласно Филмеру, является как единственным источником королевской власти, так и единственным ее возможным ограничителем.

Отождествив отцовскую и монархическую власть и обосновав последнюю с помощью естественного права, Филмер переходит к анализу форм правления. Несложно догадаться, что монархия представляется ему наилучшим и самым «естественным» способом организации правительства: «Мир долгое время не знал никакой другого способа правления кроме монархии. Лишь при монархии и никакой иной форме правления возможны наилучший порядок, величайшая мощь, прочнейшая стабильность и максимальная управляемость (*easiest government*)»[211]. Бог всегда повелевал избранным народом, как монарх; монархами же были все библейские патриархи, судьи, цари и военачальники. Никакая другая форма правления не одобряется и даже не упоминается Священным Писанием[212]. Древние авторы и в особенности Аристотель также подают свой голос в защиту монархии и с осуждением высказываются о демократических правительствах. Монархии стабильнее и долговечнее демократий: Рим находился под народным правительством не более 480 лет, в то время как Ассирийская монархия непрерывно существовала свыше двенадцати столетий, а «Восточная» империя (здесь, очевидно, имеется в виду Византия) почти пятнадцать. Даже на протяжении этих 480 лет в Риме не было стабильной

[210]Filmer R. Patriarcha... P. 24.
[211]Ibid. P. 53.
[212]Ibid. P. 50.

формы правления, и если и можно говорить о народном правительстве, то оно не простиралось за пределы столицы. Предвосхищая Монтескье, Филмер утверждает, что демократия невозможна на территории, превышающей размеры одного города. Немыслимо участие всего народа или даже сколь-либо значительной его части в управлении королевством и тем более огромной империей, составленной из «множества царств»[213].

Демократия, как фактически единственная альтернативная монархии форма политического устройства, при ближайшем рассмотрении оказывается, по мнению Филмера, гораздо более затратной и тягостной для граждан. Несмотря на то, что распространено мнение, согласно которому демократические правительства устанавливались для того, чтобы прекратить тиранию монархов, в действительности демократии возникали в результате «смуты и раздоров»[214]. Древние историки также приводят достаточно примеров, осуждающих народные правительства: высылка и изгнание лучших и достойнейших мужей, продажность правосудия, отсутствие гарантий частной собственности, возможность достичь высот государственного управления не благодаря добродетелям и благородным поступкам, а прибегнув к хитрости, предательству, обману, подкупу и т. д. Демократии, таким образом, дают дорогу всем морально предосудительным качествам и не способствуют развитию нравственности. «Испорченность Рима, – продолжает Филмер, – была такова, что Марий и Помпей покупали голоса в народных собраниях мешками серебра. Многие граждане вынуждены были надевать доспехи и оружие под одежду, собираясь на публичные сборища как на войну… Кровь струилась по рыночным площадям, Тибр был переполнен телами мертвых граждан, а общественные уборные забиты ими доверху»[215]. Цитируя древних авторов, Филмер красноречиво критикует моральные качества простого народа, являющегося опорой режима при демократическом правлении: «Нет ничего более непостоянного, чем народ: мнения его изменчивы и внезапны как буря – в них нет ни правды, ни здравомыслия; в своих суждениях он ведом не

[213]Filmer R. Patriarcha... P. 56.
[214]Ibid. P. 59.
[215]Ibid. P. 61.

мудростью, а жестокостью и нетерпением и не способен отличить истину ото лжи. Подобно скоту плетется он за теми, кто ведет стадо, с завистью наблюдает он чужое благополучие, в его привычках отдавать приоритет всегда самым худшим и слабым, он чрезвычайно склонен к подозрительности и готов осудить человека по первому ложному обвинению»[216]. Демократия и война неразлучны, поскольку для поддержания демократического правительства постоянно необходима внешняя угроза. И в довершение всего простой подсчет показывает, что число жертв правителей, избранных всенародно, многократно превышает число жертв самых кровавых тиранов в истории. «Таков был венец Римской свободы: любой человек мог быть убит по прихоти повелителя. Подобной милости вы не дождетесь при королевском правлении», – иронизирует Филмер[217].

Но далеко не демократическое правительство является главной мишенью критики Филмера: в Англии его времени едва ли нашлось бы много сторонников народовластия. Однако уже в 1620-е гг. в среде английского джентри складывается идеологическая платформа так называемых «патриотов», позиционировавших себя защитниками прав и свобод народа Англии от возможных эксцессов монархического абсолютизма. В этой связи ими подчеркивалась историческая роль парламента как главного ограничителя королевской прерогативы. К «патриотам» принадлежал и кузен Роберта Филмера кентский сквайр Томас Скотт, издавший в 1619 г. «Рассуждения об отличиях политических и гражданских» (*A Discourse of Polletique and Civell Honor*). В «Рассуждениях» Скотт критиковал правительство Якова I за продажность и взяточничество и отстаивал необходимость более широкого общественного участия в управлении государством через механизмы парламентского представительства[218]. Фактически «патриоты» выступали с обоснованием смешанной формы правления, сочетающей как королевский, так и народный элементы, и именно эта точка зрения представляется Филмеру гораздо более опасной, чем пропаганда «чистой» демократии. Опасность подобной идеологии

[216]Filmer R. Patriarcha... P. 63.
[217]Ibid. P. 66.
[218]Cuttica C. Op. cit. P. 51, 56–58.

усугубляется еще и тем, что именно в ней кроются истоки мнения, согласно которому между народом и королем существует договор, а народ может судить о действиях короля и даже низложить его в случае, если его поступки будут признаны нарушающими условия первоначального контракта.

Тем не менее Филмеру смешанная форма правления представляется невозможной исходя даже из теоретических положений. В отрицании идеи конституционной монархии Филмер опять-таки опирается на концепцию суверенитета. Поскольку суверенитет неделим, власть может принадлежать либо королю, либо народу. И в том и в другом случае она абсолютна. Невозможно разделить власть между несколькими сословиями, в защиту чего выступали сторонники парламентской привилегии, утверждавшие, что в Англии суверенитет разделен поровну между королем, народом и аристократией. С точки зрения Филмера, возможны фактически лишь две формы правления: демократия и монархия. Всякая монархия при этом является абсолютной. Ограниченная монархия – это противоречие в определении. В вопросе же о происхождении и правах английского парламента Филмер становится на точку зрения, высказанную незадолго до него королем Яковом I, согласно которой парламент является не более, чем консультативным органом, советником короля в отношении издания государственных законов. Суверенитет, то есть вся полнота и абсолютность власти, при этом принадлежит всецело королю[219].

С договорной теорией Филмер разделывается столь же легко. Если даже допустить, что заключение договора между королем и народом имело место, то из этого не следует, что у народа есть право судить о действиях короля или принуждать его к принятию какого-либо решения. Поскольку монарх и народ являются сторонами договора, согласно которому король выступает судьей во всех общественных делах, а народ превращается в подданных и обязуется повиноваться королевским решениям, то попросту отсутствует сторона, которая могла бы вынести решение о нарушении договора. Согласно законам любой нации, утверждает Филмер, решение о нарушении условий контракта одной из

[219] Filmer R. Patriarcha… P. 71.

сторон может быть вынесено только беспристрастным судьей. В случае же спора между монархом и подданными получается, что сами подданные, то есть одна из заинтересованных партий, выносят суждение о нарушении ранее согласованных условий. По общепризнанным правилам юриспруденции человек не может быть судьей в своем собственном деле; тем менее способна быть беспристрастным судьей масса народа. Кроме того, опасения относительно возможных злоупотреблений со стороны королевской власти, по мнению Филмера, являются серьезно преувеличенными. «Жалобы и причитания, – напоминает нам автор, – далеко не всегда свидетельствуют о том, что люди живут при тираническом правлении»[220]. Исторический опыт Англии также свидетельствует о чрезмерности страхов относительно возможной тирании. Со времен Нормандского завоевания в Англии правило двадцать пять монархов, и ни один из них, утверждает Филмер, не может быть назван тираном[221]. Если же обратиться к Библии, которая представляется ему главным источником информации о естественном праве, то и здесь мы не обнаружим одобрения праву на восстание против тирана. «Терпеливое повиновение» необходимо оказывать как справедливому монарху, так и тирану. Единственное средство, доступное подданным в данной ситуации, – это «плач и молитва, обращенные к Богу» [222].

Ключевой идеей теории Филмера является идея превосходства королевской юрисдикции над любыми государственными или, как он их называет «человеческими», законами. В качестве законодателя монарх остается в естественном состоянии, а все его законы должны рассматриваться как проистекающие непосредственно из законов природы. Закон природы при этом рассматривается как божественный и имеет преимущество над любым позитивным: «Поскольку королевская власть установлена божественным законом, невозможен никакой иной нижестоящий закон, ограничивающий ее»[223]. В обосновании этой естественной власти монарха Филмер снова обращается к

[220] Filmer R. Patriarcha… P. 85.
[221] Ibid. P. 74.
[222] Ibid. P. 81.
[223] Ibid. P. 78.

патриархальной аналогии, уподобляя государя отцу семейства в естественном, догражданском состоянии. В «естественном» семействе воля отца является единственным законом, а история не дает примеров того, чтобы законодательство какого-либо народа предусматривало меры, ограничивающие отцовскую власть по отношению к детям, или позволяло привлекать отцов семейств к ответственности за преступления против своего потомства. Подобным же образом и государи не могут быть привлечены подданными к ответу за какие-либо из своих действий или законов. Сопротивление королевской власти невозможно, прежде всего, в силу ее иерархического превосходства над любой иной системой законодательства. «Доказательством того, что Государи стоят выше закона, может служить то, что короли существовали задолго до любых законов. Долгое время единственным законом было слово короля», – резюмирует Филмер[224]. Более того, сам закон есть не более, чем записанное королевское слово: «когда короли были заняты войной или другими общественными заботами и подданные не имели к ним непосредственного доступа, для того чтобы узнать волю государя, тогда по необходимости были изобретены законы»[225]. Законы – это субститут, замещающий отсутствующего государя, который не может находиться одновременно в разных частях своей обширной державы. Законы, кроме того, способствуют ускорению правосудия. При наличии хороших законов, государю остается только интерпретировать и корректировать им самим санкционированные правовые нормы, а воля его приобретает универсальный характер.

Как и Яков I, Филмер не отрицает, что в «спокойном состоянии государства» (*settled kingdom*) король должен править в соответствии с им самим установленными законами и изменять их, лишь если они слишком «жестоки или сомнительны». В противном случае, он действительно превращается в тирана. Позитивный закон ограничивает монарха, но не потому, что он является позитивным (то есть законом королевства), а потому, что уже одобренные

[224] Filmer R. Patriarcha… P. 79.
[225] Ibid. P. 92.

королями законы «естественным образом являются лучшим или даже единственным средством сохранения государства (*commonwealth*)»[226]. «Все короли, даже тираны и завоеватели, обязаны защищать земли, имущество, свободы и жизни всех своих подданных не потому, что это предписывается частным законом страны (*municipal law of the land*), но в соответствии с обязанностями Отца, предписанными естественным законом (*natural law of a Father*)»[227]. Именно закон природы заставляет монархов ратифицировать акты предков и стремиться подобным образом обеспечить общее благо своих подданных.

Важным вопросом для подданных, по мнению Филмера, является вопрос о том, могут ли они не повиноваться королевскому приказанию, если оно противоречит им самим установленному закону. В данной ситуации Филмер приводит аналогию с божественным правом, когда в случае, если Бог приказывает что-либо противоречащее его собственным заповедям, то исполнять, конечно же, следует непосредственную божественную команду. Подданные не обладают компетенцией, необходимой для вынесения суждения о справедливости или несправедливости королевского указания, и поэтому должны повиноваться беспрекословно. Если король отдает приказания нечестивые, то это он несет за них ответственность, а не подданные, главная доблесть которых в данной ситуации – это повиновение[228].

Филмер не обходит стороной и вопрос о сущности системы общего права страны (*common law*) и ее отношения к королевскому законодательству. Общее право – это право неписаное, основывающееся на традициях и обычаях. Сторонники парламентской прерогативы часто указывали на него как на правовую систему, относительно независимую от королевского законодательства и не подчиненную королю. Согласно этой точке зрения, издаваемые королем законы не должны противоречить системе общего права, а само общее право выступает в некотором смысле даже ограничителем королевской власти и

[226] Filmer R. Patriarcha... P. 94.
[227] Ibid.
[228] Ibid. P. 98.

чрезвычайных полномочий королевских судов (например, суда канцлера или «Звездной палаты»).

Филмер категорически не согласен с подобной точкой зрения. Даже происходя из обычаев и традиций, правовые нормы системы общего права должны были получить королевскую санкцию, ибо любой закон есть не что иное, как «предписание верховной власти». Следовательно, в историческом прошлом любая норма общего права также была инициирована королевской властью и с этого момента получала всеобщий и обязательный характер. Таким образом, Филмер делает вывод, что общее право является частью системы королевского законодательства и единственное, что отличает его от статутного права это то, что оно не было записано непосредственно после введения в действие.

Причина, по которой общее право до сих пор продолжает существовать, кроется в невозможности создания совершенной системы законодательства. Всякий закон, как бы прекрасен он ни был, применим лишь в ограниченном наборе случаев: «Конкретные ситуации бесконечны в своем разнообразии, и едва ли закон способен урегулировать их все»[229]. Невозможно принять такой закон, который бы полностью исключал необходимость вмешательства верховной власти с целью интерпретации и модификации существующей правовой системы. Законы устаревают со временем и теряют свое главное свойство – способствовать установлению справедливости. Именно поэтому король и должен стоять над законом, поэтому же необходимо «доверять законодателю в вопросах применения и интерпретации законов»[230]. Он может и должен проводить их периодическую ревизию, отменять устаревшие и слишком «жестокие» законы, по мере надобности принимать новые, адаптируя систему законодательства к меняющимся общественным требованиям. Поэтому же необходимо и неписаное право: к нему судьи прибегают в случае, если статутное право не предписывает для какого-то конкретного случая общего правила. В случае же, если и обычай не предлагает ничего конкретного, судье остается лишь обратиться к «общему

[229] Filmer R. Patriarcha… P. 102.
[230] Ibid. P. 105.

закону разума» (*general law of reason*) и им обосновать решение в том или ином деле. «Хотя система общего права и способствует торжеству справедливости в большинстве случаев, в ряде особых ситуаций в нее необходимо вносить корректировки, поскольку появляются серьезные обстоятельства, не предусмотренные в момент создания закона», – уверяет читателей Филмер[231]. Таким образом, суверенная королевская власть необходима еще и потому, что невозможно создать совершенную систему законодательства, которая исключила бы необходимость периодического вмешательства верховной власти с целью интерпретировать и модифицировать существующие законы.

При всей своей преданности монархии Филмер не считает, что король вправе посягать на собственность подданных. Напротив, абсолютная монархия – лучшая форма правления именно потому, что собственность в ней защищается наиболее надежным образом. Обращаясь к знаменитому библейскому рассказу о тягостях, которые могут постигнуть народ Израиля в случае установления монархии, Филмер мимоходом замечает, что все те службы в пользу царя, которыми пророк Самуил запугивал еврейский народ, не могли остаться без «значительного вознаграждения». Более того, если бы царь задумал отбирать у подданных их недвижимую собственность, их «поля, виноградники, оливковые рощи» силой, обманом и без справедливой компенсации, то данные действия как «приносящие убытки частным лицам никак не могли бы быть оправданы»[232]. «Патриарх» не дает четкого описания происхождения и природы собственности как естественного либо же гражданского права. Можно предположить тем не менее, что поскольку собственность, как и власть, наследуется патриархальным порядком, переходя от отца к старшему сыну, то и отношения собственности вытекают из «естественных» семейных отношений. Собственность, таким образом, превращается в необходимое условие поддержания жизни как потомства в семье, так и подданных в государстве. И поскольку «закон природы обязывает каждого отца прилагать все усилия для сохранения собственной семьи», а

[231] Filmer R. Patriarcha… P. 108.
[232] Ibid. P. 82.

государь связан этим правилом даже в большей степени, чем отдельные главы семейств, то обеспечение безопасности собственности подданных также диктуется нормами естественного права.

Какое-либо отчуждение частной собственности может быть оправдано лишь апелляцией к «общественной необходимости» (*public charge*) и должно происходить только на основе «общего согласия» (*general consent*), данного в момент основания государства (*kingdom*)[233]. Таким образом, в столь чувствительном вопросе, как гарантии прав собственности, Филмер впадает в очевидное противоречие и в некоторой степени даже переходит на позиции своих теоретических противников. Отрицая в принципе идею договорного происхождения государства и общества и проистекающие из этого ограничения монархической власти, он все же допускает необходимость каким-либо образом выраженного «общего согласия» в момент основания королевства (*first erection of a kingdom*), которое бы легитимизировало «общественную необходимость» накладывать определенные ограничения на право собственности частных лиц, а также устанавливать налоги и сборы, необходимые для содержания государственного аппарата и королевской власти.

Почему же «Патриарх» был опубликован именно в 1680 г. и почему его публикация вызвала столь оживленную реакцию со стороны целого ряда самых значимых вигских идеологов? Очевидно, что исторический контекст периода публикации «Патриарха» и времени его создания во многом был очень схож. В 1629 г. Карл I распустил, после многочисленных конфликтных ситуаций, третий парламент своего царствования, придя к заключению, что если с парламентариями не удается договориться, то придется обойтись без них. Именно в напряженной общественной атмосфере, последовавшей после роспуска парламента и депутатского воззвания к народу Англии с призывом отказываться от уплаты налоговых сборов, не санкционированных палатой общин, Филмер и заканчивал свое первое большое политическое сочинение. Общественно-политическая напряженность конца 1620-х гг. подсказала многие сюжеты и

[233] Filmer R. Patriarcha… P. 82.

выводы «Патриарха»: изначальность и древность королевского суверенитета, недопустимость сопротивления решениям монарха со стороны подданных, трактовка истории парламента как института подчиненного и зависимого от королевской власти, неограниченность законодательных полномочий короны и вторичность системы общего права и т. д.

Ситуация конца 1670-х – начала 1680-х гг. была во многом схожа с обстоятельствами начала царствования Карла I. В 1679 г. под напором набирающей силу парламентской оппозиции Карлу II пришлось распустить «Кавалерский» парламент и дать согласие на первые с 1661 г. всеобщие выборы. Неудивительно, что в напряженной общественной атмосфере, подогретой слухами о масштабном «папистском заговоре», большинство в палате общин досталось сторонникам «партии страны», избравшим своим лозунгом требование исключения брата короля католика герцога Йоркского из числа наследников престола. Как отмечает Джонатан Скотт, страхи возвращения папизма, жестких репрессий со стороны католической церкви, подчинения Англии во внешне- и внутриполитическом курсе Франции, которая воспринимается уже как главный соперник англичан, боязнь правительственного произвола и даже возвращения абсолютизма в тех условиях были тесно связаны и создавали благодатную почву для идеологии, требующей усиления роли народного представительства и его способности влиять на решения, определяющие принципиальные для жизни страны вопросы[234].

С 1679 по 1681 г. трижды состоялись парламентские выборы, и по результатам всех трех оппозиция оказалась слишком непреклонной в своем решении провести Билль об исключении. Карл II был столь же последователен в своем нежелании поступиться наследственными правами династии. В итоге, как и его отец в 1629 г., он приходит к решению распустить парламент и больше не созывать его. Именно в момент, когда парламентская оппозиция больше всего опасалась подобного сценария развития событий, «партия двора» и решает

[234]Scott J. Algernon Sidney and the Restoration Crisis, 1677–1683. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 26–38.

опубликовать ряд сочинений Роберта Филмера. Сначала, в 1679 г. переиздаются его полемические работы 1640-х гг., а в январе 1680 г. впервые публикуется «Патриарх», как раз содержащий полное и последовательное отрицание идеологической платформы, на которой строили свои требования сторонники партии «страны».

По всей видимости, основное, что вызывало возмущение идеологов вигов в сочинениях Филмера и в обращении к ним сторонников королевской прерогативы в период кризиса об исключении, – это полное отрицание договора как важной составляющей общественной жизни. С точки зрения Филмера, от рождения и до смерти все люди включены в цепь естественных, самой природой и, следовательно, Богом данных отношений, изменять или модифицировать которые они не только не могут, но и не должны в силу предписаний, диктуемых определенным образом истолкованным естественным законом. В патриархальной теории общество из среды, в которой действуют самостоятельные и независимые индивиды, превращается в естественное единство, где люди находятся в постоянной зависимости как от своих природных родителей, так и от власти «Верховного отца», олицетворенного фигурой правящего монарха. Поскольку власть последнего опирается непосредственно на естественное право, подданные не могут выдвигать какие-либо конституционные ограничения его полномочий.

Отрицание договорного происхождения власти и парламентского суверенитета для Филмера даже более принципиально, чем обоснование незыблемости наследственных прав династии. Кроме того, вся теория Филмера исходит из утверждения примата королевской юрисдикции над любыми другими правовыми системами. Поэтому же им отрицается концепция «старинного» (*immemorial*) права[235], существовавшего по уверениям сторонников парламентской оппозиции до установления королевской власти, независимого от власти короля и королевских судов и таким образом выступающего гарантом против возможного произвола.

[235] Pocock J. G. A. Ancient Constitution... P. 188.

Именно в подобном ключе и воспринимали идеи Филмера виги Джеймс Тиррелл и Уильям Петит, выступившие с опровержением его правовой и исторической аргументации[236]. По-видимому, поэтому же «Патриарх» был переиздан лишь во «вторую» очередь, вслед за сочинениями, которые были посвящены более частным сюжетам и переиздание которых, по всей видимости, показалось торийским идеологам более актуальным, – трактатами, бичующими «анархию» ограниченной монархии, отрицающими давность и суверенность парламентских привилегий, наставляющих англичан в повиновении правительству и т. п. «Патриарх», хотя и был написан раньше этих работ, посвященных конкретным вопросам, подводит определенную теоретическую основу под торийскую идеологию, утверждая ее на фундаменте из своеобразного соединения патриархальных и естественно-правовых идей.

2.2 Опровержение Дж. Тирреллом патриархальной теории происхождения общества и государства

Место в истории политической мысли Филмеру обеспечили его оппоненты и, прежде всего, Джон Локк. Вся первая часть его главного политического произведения – «Двух трактатов о правлении» – посвящена подробной критике и опровержению «Патриарха». Однако Локк был далеко не единственным и не первым оппонентом Филмера. Задача опровержения патриархального абсолютизма, по всей видимости, представлялась вигам столь важной, что многие заметные теоретики из их числа посвятили свои сочинения этому вопросу. Помимо Локка в полемику включились Олджернон Сидней и Джеймс Тиррелл. Тем не менее до публикации в 1690 г. труда Локка на протяжении достаточно продолжительного времени именно работа Тиррелла была главным вигским ответом на попытку фундаментально обосновать реакционную

[236] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha. London, 1681; Petyt W. The Antient Right of the Commons of England Asserted. London, 1680.

проабсолютистскую политику обращением к патриархальной теории происхождения общества и государства.

Джеймс Тиррелл (1642–1717) – вигский политический теоретик и историк – стал автором нескольких важных работ, разрабатывающих теорию естественного права, общественного договора и, применительно к истории Англии, ограниченной монархии. На протяжении нескольких десятилетий Тиррелл был дружен с Джоном Локком, с которым познакомился в годы учебы в Оксфорде. Эта многолетняя дружба, очевидно, повлияла и на формирование политических взглядов Тиррелла[237]. По окончании университета Тиррелл занимается активной литературной деятельностью[238]. Изданный в 1681 г. трактат «Патриарх – не монарх» (*Patriarcha non Monarcha*) станет первым комплексным опубликованным ответом вигов на идеологическую кампанию, развернутую в конце 1670-х гг. сторонниками абсолютизма[239]. Данное произведение Тиррелла содержит целый ряд идей, характерных для политической мысли конца XVII в., многие из которых лягут в основу и политической концепции Локка, но ключевой для его работы темой является опровержение патриархальной теории происхождения общества и государственной власти, изложенной в «Патриархе» и других сочинениях Филмера.

Одним из основных вопросов английской политической теории второй половины XVII в. был вопрос о том, что заставляет подданных повиноваться власти правительства. Тиррелл сразу же дает понять, что одна из главных задач его опровержения аргументов Филмера состоит в поиске более основательных причин для поддержания социальной стабильности и должного повиновения властям, чем те, что были указаны автором «Патриарха»[240]. Тиррелл фактически обвиняет тори в революционных наклонностях, сам же он является не более, чем «ревностным сторонником и защитником, установленной законом формы

[237] Gough J.W. James Tyrrell, The Whig Historian and a Friend of John Locke // The Historical Journal. Vol. 19, No. 3 (Sep., 1976). P. 581–585.

[238] Goldie M. Tyrrell, James (1642–1718) // Oxford Dictionary of National Biography, Oxford University Press, 2004. [http://www.oxforddnb.com/view/article/27953, дата обращения 18.04.2015]

[239] Ward L. The Politics of Liberty in England and Revolutionary America. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 105.

[240] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha. London, 1681. Preface.

правления». В полемике 1670 – начала 1680-х гг. как для тори, так и для вигов было важно представить оппонентов как «опасных радикалов»[241]. Тиррелл, в свою очередь, спешит отмежеваться от сторонников республики (*commonwealthsmen*) и засвидетельствовать свою приверженность монархии как лучшей форме правления. Тем не менее монархия, по его мнению, все же должна быть ограниченной или «смешанной», поскольку в чистом виде идеал абсолютной монархической власти представляет лишь Бог[242].

Если Филмер отождествляет власть отцовскую, патриархальную и власть политическую, то для Тиррелла важно подчеркнуть их принципиальное различие. Как и Локк, Тиррелл отмечает, что Филмер строит свою аргументацию на отрицании естественной свободы человека. Человек рождается в определенной семье, в которой он находится под властью родителей. С точки зрения Филмера, власть отца над детьми «абсолютна и деспотична». Эта абсолютная власть вручена Богом Адаму, а от него по наследству переходит к «старшему в роде родителю» и в конечном итоге воплощается в королевской власти, которая, таким образом, абсолютна и неограниченна. Доказательством этой власти является для него право наказывать смертью, якобы принадлежащее отцам по закону природы[243].

Тиррелл же отрицает деспотический характер отцовской власти. Власть вручена Богом не только отцу, но и матери, и при этом не только Адаму или Еве, но и всем родителям после них[244]. У Адама не было власти над жизнью и смертью своих детей. Более того, убить любое живое существо согласно Писанию можно лишь в целях пропитания, то есть ради поддержания жизни. Из описания последствий убийства Каином своего брата Тиррелл делает вывод, что наказание за убийство – это следствие реализации естественного закона и что право наказать Каина принадлежало не одному только Адаму (как главе семьи), а каждому «кто

---

[241] Harris T. “Lives, Liberties and Estates”: Rhetorics of Liberty in the Reign of Charles II // The Politics of Religion in Restoration England / Ed. by Tim Harris, Paul Seaward, Mark Goldie. Oxford: Blackwell, 1990. P. 217–242.

[242] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha. London, 1681. Preface.

[243] Filmer R. Patriarcha: or the Natural Power of Kings. London: printed by Walter Davis, 1680. P. 13–14.

[244] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 6.

его встретит»[245]. Филмер, следовательно, путает патриархальную деспотическую власть над жизнью и смертью своего потомства, которая якобы была дарована Богом Адаму, с властью наказывать за преступление (в данном случае – за убийство), вытекающей из закона природы. Из рассуждений Тиррелла следует, что право наказания за убийство и любое другое нарушение закона природы в естественном состоянии принадлежит любому человеку. В подобных случаях отец не имеет приоритетного права наказывать своих детей и, следовательно, не имеет права применять смертную казнь исходя из права отцовства. Вместе с тем ему, как и любому человеку в естественном состоянии, принадлежит право наказания и конкретно наказания смертью за убийство, что следует из библейского рассказа о Каине и Авеле. В естественном состоянии каждый человек имеет право привести в действие наказание по закону природы, то есть является исполнителем этого закона. И хотя Тиррелл не употребляет термина «исполнительная власть», он здесь приближается к тому же пониманию естественной власти наказывать за преступления, которое можно найти и в описании естественного состояния Джоном Локком[246]. В разделении отцовской власти и власти вообще Тиррелл, таким образом, видит ключевой аргумент против патриархальной теории.

Поскольку Адам не имел какого-либо преимущества в наказании Каина за тягчайшее из возможных преступлений, продолжает Тиррелл, у него не могло быть особой власти над жизнью и смертью и в любом другом случае[247]. Тиррелл, по сути, отрицает какие-либо естественные права отца по отношению к детям, порождаемые самим фактом отцовства. Отцовские обязательства возникают только в отношении детей, появившихся после заключения брака. Брак же, по определению Тиррелла, это «взаимный договор между мужчиной и женщиной о сожительстве, деторождении, совместной заботе о детях и обеспечении их всем необходимым»[248]. Обязательства и, как следствие, права в отношении детей у

[245] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 11–12.
[246] Локк Дж. Сочинения в 3-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 265–267.
[247] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 11.
[248] Ibid. P. 14.

мужчины появляются не вследствие факта отцовства как такового, а вследствие заключения брака, то есть являются результатом договора.

Как и многие другие теоретики, Тиррелл приравнивает естественный закон к закону разума. Главную же цель естественного закона он видит в предписании обеспечения «общего блага и сохранения человечества»[249]. Обязательство заботиться о детях логически вытекает из закона природы и, следовательно, налагается на родителей самим Богом. Те права, которые родители приобретают в отношении детей, проистекают, таким образом, исключительно из «великой обязанности» по их воспитанию (*education*). Тиррелл, таким образом, приходит к выводу, что родительское попечение о детях есть часть исполнения обязанностей, налагаемых на человека законами природы, главным принципом которых является «стремление к общему благу человечества»[250]. Отсюда же следует, что и права родителей по отношению к детям должны исходить из того же самого принципа и могут простираться не дальше, чем это необходимо для реализации целей закона природы, а именно «блага и сохранения» жизни ребенка. В случае же нарушения этого правила права родителей прекращаются.

Вслед за Гроцием, Тиррелл выделяет три периода в жизни человека. В первый период человек не способен самостоятельно пользоваться разумом, а следовательно, и судить о вещах, пригодных к самосохранению. В это время дети находятся под «абсолютной властью» своих родителей, поскольку не могут судить о том, что для них хорошо, а что нет. Второй период – это время, когда ребенок уже способен сам выносить суждения, но все еще живет совместно с родителями и является «частью семьи своего отца». В продолжение этого времени, даже несмотря на зрелость разума, ребенок обязан подчиняться распоряжениям отца и повиноваться ему в том, что касается общего блага семьи. Власть отца в течение этих двух периодов максимальна и включает в себя право исправительного наказания (*correction*) и распоряжения результатами труда детей в качестве «естественной компенсации» за собственные труды и заботы. В

[249] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 15.
[250] Ibid. P. 15–16.

остальном же «дети свободны в своих действиях, хотя и с оглядкой на то, чтобы отблагодарить своих родителей и угодить им, поскольку именно им они обязаны своим существованием и воспитанием». И наконец, в третий период ребенок покидает семью отца и либо становится «частью другой семьи», либо заводит собственную. В этот период дети полностью свободны в своих действиях. По отношению к родителям, как к «величайшим благодетелям», они обязаны лишь выказывать «благодарность, почтение и внимательность», осознавая, что ничем невозможно отплатить за «хорошо исполненные родительские обязательства»[251].

Сторонники абсолютности патриархальной власти в естественном состоянии настаивают на том, что отцовская власть простирается на жизнь его детей без каких-либо ограничений. Тиррелл соглашается с тем, что в естественном состоянии отец как глава отдельной семьи не имеет над собой высшего, то есть кого-либо, кто мог бы оценивать его действия и наказывать за них. В то же время члены семьи как люди обладают от природы и по божественному закону правом на самосохранение, и это право, будучи основополагающим и первичным по отношению ко всем другим, превосходит в том числе и заповедь, предписывающую повиновение родителям. Поскольку все права отца по отношению к детям происходят из необходимости обеспечить сохранение их жизни и в конечном итоге восходят к основному естественному закону «общего блага и сохранения человечества», его действия по отношению к домочадцам не могут вступать в противоречие с этим первоисточником его прав. В случае же если отец «злоупотребляет своей властью, его право прекращает действовать, а когда оно прекращает действовать, вступает в силу право сына на самозащиту». Признание подобного права на самозащиту не означает необходимости неповиноваться во всех менее серьезных случаях, отмечает Тиррелл. Напротив, дети обязаны повиноваться родителям по мере возможности и терпеливо сносить мелкие несправедливости, если таковые будут иметь место[252].

---

[251] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 19–20.
[252] Ibid. P. 26–28.

Тиррелл, наконец, обращается к анализу библейской заповеди, предписывающей почитать отца и мать, к которой большинство сторонников патриархальной теории возводит абсолютность отцовского авторитета. С точки зрения Тиррелла, библейские заповеди являются прояснением, «подтверждением и объяснением» законов природы. Законы же природы – это не что иное, как «лишь законы истинного разума, действующие во благо человечества». Соответственно, понимать их следует не буквально, а исходя из заложенной в них рациональности. По мнению Тиррелла, у этого библейского предписания есть одно важное ограничение: повиноваться родителям следует во всем, что является «разумным и законным». Не следует понимать данное место в том смысле, что одинаковое повиновение требуется от детей любого возраста: от ребенка, взрослого человека и, возможно, старца. Покорность детей, делает вывод Тиррелл, не является «абсолютным подчинением» (*absolute subjection*)[253]. Главным ограничителем покорности родителям опять-таки служат правила «разума или благоразумия». Правила эти просты и указывают на то, что приказы отца как главы семьи должны исполняться только в том, что способствует общему благу членов семьи. Это в свою очередь доказывает, что отец обладает не «абсолютной деспотической» властью, а лишь властью действовать наиболее «разумным образом во благо семьи», и в случае, если он превышает свои полномочия и действует исходя из иных соображений, его власть прекращается[254].

Настаивая на ограничении прав отца по отношению к детям законами разума, Тиррелл приходит к утверждению морали внутрисемейных отношений, характерной для буржуазного общества нового времени. Семья представляется Тирреллу лишь в виде малой, нуклеарной семьи, то есть такой, в которой выросшие и обзаведшиеся собственными женами сыновья живут отдельно от родителей[255]. Подобный порядок кажется автору «естественным», то есть

---

[253] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 29–30.

[254] Ibid. P. 36.

[255] Подобного определения нуклеарной семьи придерживается Джордж Питер Мердок в своем классическом исследовании (Мердок Дж. П. Социальная структура / Пер. с англ. А. В. Коротаева. М.: ОГИ, 2003.

продиктованным законами разума и природы. По достижении совершеннолетия, то есть возраста, в котором человек способен заботиться о себе сам, сын может покинуть семью отца и жениться, даже если отец не даст на то своего согласия. Примерный возраст совершеннолетия оценивается Тирреллом в двадцать пять лет – возраст, достаточный для обзаведения собственной семьей и хозяйством. Единственное препятствие, которое отец может поставить свободному волеизъявлению сына, – это угроза лишения наследства. Но поскольку имущество отца является его частной собственностью, он вправе распоряжаться им по своему полному усмотрению[256]. Настаивает Тиррелл и на свободе сыновей в выборе жен, поскольку, если бы они следовали лишь воле отца, а не собственной склонности, то нельзя было бы гарантировать устойчивость получившегося брачного союза. Эмоциональное взаимное расположение представляется Тирреллу непременным условием устойчивости семейного очага и определяет необходимость заключения браков по свободному обоюдному согласию жениха и невесты[257].

Тиррелл, таким образом, обосновывает естественную свободу человека по достижении им «возраста разума». Подобная точка зрения противоположна патриархалистским утверждениям Филмера, для которого естественная зависимость, в которой человек начинает свою жизнь, остается таковой до самой его смерти, а в общественном состоянии превращается в зависимость политическую. Любая свобода, которой дети могут обладать в зрелом возрасте, дарована им лишь позитивным («гражданским») законом, который, в свою очередь, является лишь регистрацией воли «верховного отца», то есть государя. Согласно же естественному праву, дети и по достижении зрелого возраста продолжают оставаться под отцовской властью[258]. Тиррелл высказывает возражения и против аргументации Бодена, которого он упрекает в некритическом принятии патриархальных установок древних писателей. По

С. 18–19.), а Питер Ласлетт полагает, что малая семья становится преобладающей в Англии уже с XIII в. и абсолютно доминирующей с XVII в. (Laslett P. The World We Have Lost: Further Explored. London: Routledge, 2000. P. 281–282.)

[256] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 33–34.

[257] Ibid. P. 31.

[258] Filmer R. Observations upon H. Grotius De Jure Belli et Pacis // Patriarcha and other Political Works of Sir Robert Filmer / Ed. by Peter Laslett. Oxford: Blackwell, 1949. P. 268–269.

мнению Тиррелла, даже аргумент Бодена, принимающий как данность «естественную привязанность» (*natural affection*) родителей к детям, не может обосновать патриархальную теорию, согласно которой государи являются «старшими отцами» своих подданных. Поскольку «естественная привязанность» возникает только от естественной же связи (то есть производства на свет потомства) и лишь естественная привязанность обосновывает абсолютность власти родителей над детьми, то государи не могут быть облечены подобной властью, поскольку в данном случае отсутствует «естественное» происхождение связи между ними и их подданными. Утверждение о том, что «государь – отец своих подданных», – это не более, чем аллегория, никакой родительской связи между монархом и подданными в действительности не существует. Не может он рассматриваться и в качестве приемного отца, поскольку, утверждает Тиррелл, естественное право не допускает усыновления. Оно возможно лишь в соответствии с позитивным законодательством конкретных стран[259].

Тиррелл, таким образом, отвергает ключевые патриархальные установки Филмера: отождествление патриархальной власти отца и политической власти государя, неограниченный характер обеих этих властей, неприятие договорного начала как основы общественных и семейных отношений. Если у Филмера государство естественным образом вырастает из разросшейся семьи, будучи связано с ней генетически, то Тиррелл предполагает наличие принципиальной прерывности между ними. Государство не берет свое начало в семье, хотя ряд принципиальных моментов их устройства и схож. Водоразделом служит договор, лежащий в основе перехода от естественного состояния к гражданскому и политическому. Более того, договорное начало, согласно Тирреллу, лежит и в основе семейных отношений, поскольку брак – это тоже договор.

Ряд современных исследователей упрекает Тиррелла в том, что, опровергая некоторые из аргументов Филмера, он тем не менее остается в рамках исходной

[259] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 22–23.

патриархальной аналогии, отождествляющей семью и государство[260]. Отчасти этот упрек справедлив, поскольку Тиррелл действительно видит в семейном устройстве аналог государственного. Но если у Филмера и сторонников патриархальной теории отцовская власть абсолютна в соответствии с естественным законом и, следовательно, таковой должна быть и власть монарха в государстве, то у Тиррелла даже в основе семейных отношений лежит договор, а любые права, которые возникают у родителей по отношению к детям, должны быть ограничены законами разума, которые одновременно являются и законами природы. В этом смысле аналогия между семьей и государством действительно используется Тирреллом для обоснования ограниченного характера монархии в Англии и для опровержения патриархально-абсолютистских доктрин эпохи поздней Реставрации.

2.3 Теория общественного договора в сочинении Дж. Тиррелла «Патриарх – не монарх»

Как мы видели, даже идеологические противники вигов не отрицали значимости теории естественного права. Филмер апеллирует к естественному праву столь же часто, как и любой из его оппонентов. Ключевым отличием идеологии сначала сторонников парламента в конфликтах середины века, а затем и вигской оппозиции в правление Карла II была опора на договорную теорию[261]. Именно идея договора служит водоразделом между противоположными идеологическими позициями. Отрицание условий для возможности договорных отношений как основы общественной жизни стало главной проблемой в сочинениях Филмера и главной мишенью критики со стороны вигов. В договор могут вступить только равные и свободные индивиды, Филмер же показывает, что от природы человек не свободен – его естественное состояние как раз не

[260]Weil R. J. Political Passions: Gender, the Family, and Political Argument in England, 1680–1714. Manchester: Manchester University Press, 1999. P. 59.

[261] Лабутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов (1660–1681). М., 1982. С. 123, 136, 148.

«состояние свободы», а состояние подчиненности. Общественно-политические отношения лишь закрепляют и регламентируют это исходное положение. Виги в своих полемических ответах также опираются на доктрину естественного права, но интерпретируют ее в совершенно противоположном ключе. В формулировке Локка естественное состояние – это «состояние полной свободы», в котором до появления обществ находятся все люди и в котором они полностью свободны в «отношении своих действий» и распоряжения своим имуществом. В естественном состоянии все люди равны и любая возможная власть является взаимной, то есть нет такого лица, которое «от природы» обладало бы особыми полномочиями в отношении других человеческих существ[262]. Именно свобода и равенство людей являются условиями возможности вступления в договорные отношения, главным и необходимым среди которых является договор об образовании общества и учреждении верховного правления. Виги, таким образом, опираясь на положения теории естественного права, разработанной в трудах теоретиков XVII в. (главным образом Гуго Гроция и Самуэля Пуфендорфа), главный акцент делают на договорном характере происхождения общества и, как следствие, всех политико-правовых отношений[263]. А договорное начало, в свою очередь, подразумевает тем или иным образом выраженное согласие лиц, от природы наделенных способностью к заключению соглашений.

Договорная теория Тиррелла имеет много общего с договорной теорией Локка. Это обстоятельство давно привлекло внимание историков, и высказывались различные предположения, объясняющие это местами разительное сходство. Действительно, в период, когда Тиррелл работал над трактатом «Патриарх – не монарх», он находился в частых контактах с Локком. В течение непродолжительного времени они даже работали над совместной работой, посвященной веротерпимости[264]. Высказывались и предположения о

[262] Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения в 3-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 263.

[263] Furley O. W. The Whig Exclusionists: Pamphlet Literature in the Exclusion Campaign, 1679–1681 // The Cambridge Historical Journal. Vol. 13. No. 1 (1957). P. 19–36, 29.

[264] Gough J. W. James Tyrrell, Whig Historian and Friend of John Locke // The Historical Journal. Vol. 19. No. 3 (Sep., 1976). P. 588.

возможности соучастия Локка в работе над «Патриархом – не монархом», хотя и нет никаких документальных свидетельств, подтверждающих это[265].

Более вероятным все же представляется то, что и Локк, и Тиррелл параллельно работали над написанием опровержения на сочинение Филмера, но делали это независимо и даже втайне друг от друга. Косвенным подтверждением этому может являться ссылка на «Патриарха – не монарха» в «Двух трактатах о правлении»[266]. То, что Тиррелл не знал о работе Локка, подтверждается перепиской: он ознакомится с работой друга лишь после ее анонимного издания в 1690 г., но даже тогда Локк будет скрывать свое авторство, в том числе и от Тиррелла[267]. Наиболее вероятным объяснением сходства идей двух мыслителей является, по всей видимости, то, что они оба изложили идеи, широко распространенные и обсуждаемые в среде своих политических единомышленников. Справедлива оценка, даваемая Тиррелу как автору, наиболее последовательно изложившему распространенные в среде оппозиции представления о природе и характере общественных отношений[268]. В «Патриархе – не монархе» он дал последовательное теоретическое обоснование и обобщение политико-правовым идеям вигов эпохи «кризиса по вопросу об исключении».

Одним из главных теоретических источников для Тиррелла стала работа голландского философа Гуго Гроция «О праве войны и мира». Гроций был одним из первых, кто в начале XVII в. адаптировал традиционные естественно-правовые идеи для обоснования притязаний первого победоносного буржуазного государства. Именно в сочинении Гроция, а не, например, своего соотечественника Гоббса, Тиррелл видит наиболее удачную интерпретацию принципов естественного права. Вслед за Гроцием Тиррелл определяет закон природы как предписание «истинного разума» (*right reason*), воспринимать которое способен «каждый разумный человек» по достижении им определенного

---

[265] Gough J. W. John Locke's Political Philosophy: Eight Studies. Oxford: Clarendon Press, 1973. P. 140–141.
[266] Локк Дж. Два трактата о правлении… С. 231
[267] Gough J. W. James Tyrrell… P. 597.
[268] Schochet G. Patriarchalism in political thought… P. 194–197.

возраста[269]. Закон природы, таким образом, трактуется Тирреллом как универсальный и вневременной, доступный людям вне зависимости от культурных и исторических условий их существования, если только они способны пользоваться разумом.

В отличие от Филмера, отождествлявшего естественный и божественный закон и полагавшего, что главным источником естественного права является Священное Писание, Тиррелл солидаризуется с Гроцием в необходимости разделения этих двух сфер. У Гроция различение между естественным правом, источником которого является только разум, и божественным, источником которого является каким-либо образом сообщенная человеку воля Бога, является одним из ключевых методологических принципов. Естественное право сохраняло бы свою действенность в качестве регулятора человеческого поведения даже в том случае, если бы было допущено, что Бога не существует[270]. Гроций, таким образом, утверждает действенность естественного права в качестве основы для договорных отношений между народами, исповедующими разные религии или не исповедующими никакой.

Развивая этот тезис Гроция, Тиррелл замечает, что при анализе естественного права нет необходимости прибегать к обоснованиям из Писания, поскольку для подтверждения его положений достаточно «одного лишь естественного разума». Анализ Священного Писания связан с вопросами совести в отношении к религии и относится к теологии, в то время как для выяснения того, что является допустимым или недопустимым с точки зрения естественных законов, нет нужды прибегать к Библии[271]. «Писание, – уверен Тиррелл, – стремится обучить нас азам политического управления или собственности не в большей степени, чем началам химии или астрономии»[272]. Законов природы, то есть разума, достаточно и для охраны системы правления и собственности. Откровение, содержащееся в Библии, не имеет ко всему этому никакого

[269] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 98 (138 – second pagination)

[270] Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 46–47.

[271] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 98 (138).

[272] Ibid. P. 104 (144).

принципиального отношения: «Ни один человек не имеет права нарушать общее спокойствие человеческого общества из соображений своей частной выгоды или безопасности, не нарушив тем самым естественных законов, установленных Богом»[273]. В провозглашении достаточности разума для выведения основ естественного права и разделении сферы права природного и божественного Тиррелл выступает непосредственным предшественником деизма XVIII столетия и идет дальше как Гроция, так и своего современника Джона Локка. Последний полагал, что приверженность христианской религии является непременным условием правосознания и возможности для людей существовать в обществе. Атеист, по мнению Локка, не может быть добропорядочным гражданином[274].

Если Бог каким-то образом и действует в человеческой истории, то делает он это исключительно через разум, что представляется Тирреллу кратчайшим и наиболее эффективным путем божественного вмешательства[275]. В то же время человеку недоступно представление о счастье «за пределами земной жизни», и именно это заставляет «разумного человека» стремиться к реализации своего права на жизнь и самосохранение[276]. Вышесказанное не означает, однако, что Тиррелл отказывается от анализа примеров, почерпнутых из Библии и использования результатов подобного анализа для обоснования собственной позиции. Напротив, библейский рассказ о начале человеческой истории, как и у Филмера, а также многих других политических мыслителей XVII в., служит основным, хотя и не единственным, источником для выведения как основ естественного права, так и характера социальных отношений в естественном состоянии. Тирреллу тем не менее представляется очевидным, что любая интерпретация Священного Писания должна согласовываться с доводами разума[277].

---

[273] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 107 (147).

[274] В «Послании о веротерпимости», написанном в 1685–1686 гг., Локк утверждает буквально следующее: «Те, кто не признает существования божества, не имеют никакого права на терпимость. Ибо для атеиста ни верность слову, ни договоры, ни клятвы, т. е. все, на чем держится человеческое общество, не могут быть чем-то обязательным и священным, а ведь даже, если уничтожить Бога даже только в мыслях, то все это рухнет» (Локк Дж. Послание о веротерпимости // Сочинения в 3-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 125).

[275] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 118.

[276] Ibid. P. 105.

[277] Ibid. P. 104.

Договорная теория происхождения общества предполагает наличие двух принципиально различных состояний человеческого общества, водоразделом между которыми служит момент заключения общественного договора[278]. Также традиционно Тиррелл утверждает, что «первый закон природы – это самосохранение» и, следовательно, человек вправе использовать все средства, не покушающиеся на таковые же права других людей, чтобы обеспечить его выполнение. Если один человек нападет на другого в естественном состоянии, у потерпевшего есть право на защиту вплоть до убийства нападающего. Тиррелл признает, что в соответствии с законами природы месть недопустима. Недопустимо и ответное действие по закону талиона. Вместе с тем естественный закон налагает на человека обязательства по самосохранению и сохранению тех, кто находится в зависимости от него. Право наказания в естественном состоянии является поэтому не местью, а «естественным» средством предотвращения «жестоких и несправедливых деяний, нарушающих мир человеческого общежития (*humane society*)». Нарушая общественное спокойствие, преступник ставит себя в положение «врага всего человеческого рода» (*public enemy to all mankind*). Именно поэтому Библия упоминает, что наказать Каина за убийство брата мог любой, а не только его отец Адам. Тиррелл не допускает самоубийства, поскольку в соответствии с естественным законом человек не может отнять жизнь прежде всего у себя самого, но считает правильным самопожертвование, если оно вызвано необходимостью сохранения общественного мира и безопасности. Человек не может лишить себя жизни по собственной прихоти, но может пожертвовать ею в интересах общества. Право войны, как в естественном, так и в гражданском состоянии также коренится в необходимости воздаяния и восстановления справедливости в соответствии с законами природы. Таким образом, власть, имеющаяся в естественном состоянии у одного человека в отношении другого, дана Богом «для общего блага и сохранения человечества,

[278] Gierke O. F. von. Natural Law and the Theory of Society, 1500 to 1800. Vol. I. London: Cambridge University Press, 1934. P. 107; Gough J. W. The Social Contract: A Critical Study of Its Development. Westport: Greenwood Press, 1978. P. 136.

частью которого является каждый конкретный человек»[279]. Здесь Тиррелл формулирует фактически ту же самую «странную доктрину», которая станет ключевой в политической теории Джона Локка. Согласно Локку и Тирреллу, каждому человеку в естественном состоянии принадлежит право наказания, то, что Локк называет «исполнительной властью», и именно из этого права и возникает возможность договорной организации общей власти.

В качестве доказательства существования естественного состояния Тиррелл ссылается на индейские племена Америки, которые, как ему кажется, все еще в нем находятся. Люди там не имеют земельной собственности, поскольку земли так много, что она ничего не может стоить. Как следствие, по «молчаливому согласию» (*tacit consent*) люди живут за счет тех продуктов, которые могут найти в природе: оленина, рыба, фрукты. Индейцы не нуждаются в каком-либо личном имуществе. Все, что у них есть, – небольшое количество глиняных горшков, рыболовные снасти, лук и стрелы, которыми каждый научен пользоваться. «Поскольку у них никогда не бывает излишков, у них не бывает и споров по их поводу, и, поскольку большинство из вещей, в которых они нуждаются, легко достать, они редко крадут что-нибудь друг у друга. В случае же, если человек поймает другого на краже, то он нанесет вору серьезные побои, либо же может пометить его острым зубом зверя, называемого ими *Агути*, и это является самым позорящим наказанием из всех им известных»[280].

В европейских странах, утверждает Тиррелл, одной из главных целей верховной власти является «разрешение споров по поводу собственности» и наказание воровства. Поскольку эти проблемы не актуальны для индейцев, то и в учреждении гражданского правительства они не нуждаются[281]. Тиррелл не утверждает этого прямо, но фактически подводит читателя к тому же самому выводу, к которому придет и Руссо несколькими десятилетиями позднее: причиной конфликтов между людьми и, следовательно, необходимости в

[279] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 115–116.
[280] Ibid. P. 120.
[281] Ibid. P. 120–121.

государстве как средстве разрешения и предотвращения этих конфликтов является владение собственностью[282].

Другим важным источником социального конфликта Тиррелл, как и Гоббс, считает оскорбление. И в этом случае у индейцев все обстоит достаточно благополучно, поскольку их словарь попросту не содержит слов и выражений, которые могли бы использоваться для «поношения» другого человека. К тому же от природы американские дикари склонны скорее «любить друг друга». В случае же совершения преступления (такого, как, например, супружеская неверность) каждый человек является сам судьей в своем деле и сам же приводит приговор в исполнение. В таком случае индейцы, утверждает Тиррелл, руководствуются правилом «око за око, зуб за зуб», что означает, что мужчина, заставший свою жену в объятиях любовника, может убить их обоих, убийство же какого-либо человека должно быть в равной степени отомщено его родственниками[283].

Несмотря на подобные «жестокие» с точки зрения цивилизованного европейца нравы, индейцам удается «на протяжении столетий жить без общей власти, которая поддерживала бы между ними мир», но даже и без нее преступлений у них гораздо меньше, чем в европейских странах. Тиррелл признает, что у индейцев есть вожди («кацики»), но они получают власть лишь на время войны. В мирное время у них нет полномочий «наказывать или призывать к ответу кого-либо». Но даже данное военное «правительство» вызвано к жизни лишь внешними обстоятельствами. Если бы эти племена проживали на

---

[282] В «Рассуждении о происхождении и основании неравенства между людьми» Руссо связывает появление государственных институтов с возникновением собственности: «Какие могут быть узы зависимости между людьми, которые ничем не обладают?» (С. 71). «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!» (С. 72). «Неизбежным следствием обработки земли был ее раздел, а как только была признана собственность, должны были появиться первые уставы правосудия. Ибо, чтобы определить каждому – его, нужно, чтобы каждый мог чем-нибудь обладать; кроме того, когда люди стали заглядывать в будущее и увидели, что все они могут кое-что потерять, среди них уже не оказалось ни одного, кому не приходилось бы страшиться возмездия за тот ущерб, который он мог нанести другому» (С. 80). Результатом раздела и накопления собственности в естественном состоянии становится постоянная враждебность и война, а единственным выходом из нее – установление государственной власти, которая гарантировала бы богатым их владение (С. 84). Собственность, как и Локк, Руссо выводит из индивидуальной трудовой деятельности. (Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основании неравенства между людьми. // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969).

[283] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 121.

отдаленных островах, то у них не было бы необходимости даже в подобной рудиментарной власти, и они могли бы «жить совместно без какого-либо правительства, помимо правления отцов семейств над своими женами и детьми»[284]. Тиррелл не делает определенного вывода, но относится с очевидной симпатией к той простоте, с которой дикарям удается соблюдать законы природы и следовать велениям разума: «Что касается соблюдения законов природы, пусть каждый сам рассудит, какая часть человечества соблюдает их лучше: те ли, кто может мирно жить и без судей, и виселиц, или мы, которым едва ли удается достичь мира, несмотря на то, что судьи и виселицы у нас есть»[285].

Естественное состояние, таким образом, не лишено определенных преимуществ. Что же заставляет людей его покинуть? Таковой причиной становится появление собственности и необходимости ее охранять. Собственность в политических сочинениях вигов выступает ключевым понятием[286]. Именно с идеей собственности связана, в конечном счете, и идея общественного договора, поскольку та или иная форма договорных отношений необходима для обеспечения и гарантии владения собственностью. Более того, у Локка, например, и мораль восходит к идее собственности, поскольку понятия «справедливого» и «несправедливого» применимы, по его мнению, лишь к ситуации, в которой уже существуют отношения собственности[287].

Поскольку свой исходный аргумент Филмер основывает именно на исключительном характере положения праотца человечества – Адама – и фактически выводит его право на власть из права исключительной собственности как на вещи, так и на жизнь своего потомства, виги и Тиррелл в частности вынуждены были апеллировать к идее первобытной общности. Согласно этой теории, Бог, сотворив землю, передал ее в «совместное» пользование всех людей. Вслед за Гроцием Тиррелл допускает эту первоначальную общность, но понимает

---

[284] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 121.

[285] Ibid. P. 122.

[286] Ричард Ашкрафт полагает, что лозунгом вигов как политического движения, стремящегося заручиться общественной поддержкой, было: «Нет папизму! Нет рабству! Свобода и собственность!» (*No Poppery, No Slavery and Liberty and Property*) (Ashcraft R. Revolutionary Politics and Locke's Two Treatises of Government. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1986. P. 185).

[287] Gough J. W. John Locke's Political Philosophy… P. 8–10.

ее скорее как «негативную общность», то есть такое совместное владение, которое в то же время допускает выделение части в индивидуальное пользование: «Собственность в отношении заимки (*propriety of occupancy*) или личное владение (*personal possession*) вещами и использование их одним человеком или несколькими людьми, когда они в этом нуждаются, вполне совместима с общностью владения (*community*) и является вещью абсолютно необходимой для сохранения человечества»[288].

«Первобытная общность» необходима вигам для обоснования исходного равенства и, в конечном итоге, естественной свободы людей, в противоположность торийскому тезису о превосходстве верховного отца с самого начала человеческой истории. Традиционный абсолютистский аргумент утверждает, что собственность есть результат «дозволения» верховной власти, вне зависимости от того, выражена ли эта мысль в традиционалистски-патриархальной форме, как у Филмера, или с привлечением обоснования в виде новейшего типа договорной теории, как у Гоббса[289]. Вигам же важно обосновать изначальное равенство и наделенность правами индивидов в дообщественном состоянии. Указание на это равенство в XVII в. часто находили в божественной заповеди «плодиться и размножаться», а исполнение этой заповеди было бы невозможно, если бы вместе с тем человек не получил средства к ее исполнению. Подобного подхода придерживается и Тиррелл. Из этой заповеди он выводит индивидуальное право на самосохранение, что, в свою очередь, и является началом личной собственности (*personal possession*) в естественном состоянии.

---

[288] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 99 (139).

[289] Теория Гоббса является радикальным примером той традиции естественно-правовой мысли, которая отрицала существование собственности в естественном состоянии. В противоположность сторонникам парламента, Гоббс стремился обосновать неограниченное право короля на установление налогообложения. Поэтому собственность у него появляется только после договора об учреждении гражданских властей и, таким образом, может трактоваться как результат появления государства и даже как дозволение и «милость» верховной власти: «К верховной власти относится вся власть предписывать правила, указывающие каждому человеку, какими благами он может пользоваться и какие действия он может предпринять, не оказываясь стесненным в этом отношении кем-либо из своих сограждан. И именно это люди называют собственностью. Ибо до установления верховной власти… все люди имели право на все, каковое право необходимо вело к войне, и поэтому эта собственность, которая необходима для мира и зависит от установления верховной власти, есть акт этой власти в целях установления гражданского мира. Эти правила о собственности (или о моем и твоем), о добре, зле, закономерном и незакономерном в человеческих действиях суть гражданские законы, т.е. особенные законы каждого отдельного государства…» (Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения в 2-х тома. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 139).

В истории политэкономии Локку традиционно приписывается заслуга формулирования трудовой теории стоимости, согласно которой ценность вещи и, следовательно, ее рыночная стоимость создаются количеством труда, затраченным на ее производство[290]. Труд же, согласно Локку, создает и право собственности на предметы, которые являются результатом труда. В естественном состоянии человек обладает несомненным правом на потребление тех продуктов, которые, например, были им собраны в лесу, который является общим достоянием человечества. Однако усилия, приложенные отдельным индивидом к подготовке к использованию данных предметов, дают ему исключительное право на их употребление. Локк даже не проводит принципиального различения между этим «естественным» правом собственности и частной собственностью, существующей уже после заключения общественного договора. Собственность, таким образом, с его точки зрения, является естественным правом. Гражданское законодательство лишь закрепляет и защищает силами всего общества это право, существовавшее еще до появления государственных властей и позитивного права. Тем не менее представление о том, что именно труд извлекает вещи из первобытной общности и создает в отношении них определенное индивидуальное право, являющееся естественным началом собственности, можно заметить уже в «Патриархе – не монархе» Тиррелла: «Хотя пригодные в пищу продукты земли или животные все были общими, в случае если один человек с помощью своего труда приобрел определенную часть либо того, либо другого, необходимую для обеспечения потребностей своих собственных и своей семьи, эта часть становится настолько его собственной, что ни один человек не может отнять у него подобные предметы жизненной необходимости (*necessities of life*) без совершения откровенной несправедливости»[291].

---

[290] Всемирная история экономической мысли: В 6 томах. Т. I. От зарождения экономической мысли до первых теоретических систем политической жизни. М.: Мысль, 1987. С. 415–417; Локк. Два трактата о правлении… С. 277–279.

[291] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 100 (140).

Подобное индивидуальное право на предметы, необходимые для обеспечения выживания, и является, по мысли Тиррелла, сутью первобытной общности вещей, без которой выживание человека было бы невозможно. Иллюстрацию этой идеи Тиррелл находит в практиках американских индейцев, все еще живущих, как ему представляется, в «естественном состоянии». На их примере Тиррелл демонстрирует естественные начала договора и необходимости его придерживаться. Если один индеец убил зверя или собрал что-либо в лесу, являющемся общим достоянием, то любой другой «честный» индеец сочтет воровством отнятие этих вещей. В то же время, если они заключают сделку (*bargain*) перед тем, как отправиться на охоту, о равном разделе добычи, то каждый участник сделки посчитает себя обделенным, если кто-либо попытается обманом заполучить большую долю добычи[292]. Подобный пример, как полагает Тиррелл, доказывает, что действенный договор возможен уже в естественном состоянии и совместим с первобытной общностью вещей. Основы договора, таким образом, коренятся в естественном чувстве справедливости и праве каждого человека на результаты своего труда, а в конечном счете – в естественном праве «индивидуального владения».

Нельзя не заметить, что Локк и Тиррелл в своем анализе происхождения собственности делают несколько разные акценты. Оба сходятся во мнении, что собственность создается трудом, однако у Локка этого факта достаточно для обоснования ее неотъемлемости. Здесь Локк формулирует и гипотезу, согласно которой стоимость товара создается количеством усилий, затраченных на его производство. Именно затраченные усилия, труд содержат в себе источник права, а началом права собственности является право человека на «собственную» личность. Человек – это индивид и принадлежит в конечном итоге Богу, то есть не может быть собственностью никакого другого человека. Он свободен и независим. Человек от природы обязан стремиться к самосохранению, следовательно, имеет право на средства, ведущие к этой цели. Труд также принадлежит человеку, и поскольку ценность любого предмета создается трудом,

[292] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 100 (140).

то и право на эту ценность создается им же. Предметы, к которым человек прикладывает собственные усилия, превращаются как бы в неотъемлемую часть его личности и таким образом становятся его собственными, то есть собственностью[293]. Другие люди обязаны признавать это право, с тем чтобы и за ними было признано то же самое. В отличие от Локка, Тиррелл делает акцент на договоре, на согласии людей с тем, что вещь, с помощью индивидуального труда изъятая из общего владения, переходит в индивидуальное владение одного человека и что в отношении этой вещи у него появляются исключительные права. Собственность, по Тирреллу, есть результат договора даже в естественном состоянии, а способность людей договариваться основывается на их природной рациональности.

Тиррелл тем не менее осознает, что до заключения всеобщего положительного договора о взаимном признании собственности она в естественном состоянии может носить довольно ограниченный характер: в естественном состоянии любая собственность является не более, чем «заимкой или владением (*occupation or possession*) и прекращается со смертью владельца (*occupant*)»[294]. Подобная «заимка» дает владельцу право лишь на «совершенно необходимые» для выживания вещи[295]. Вместе с тем он утверждает существование собственности еще до возникновения политической власти: «Собственность, понимаемая либо как использование природных вещей конкретным человеком, либо же как соглашение многих в отношении раздела территории или государства, должна существовать до учреждения системы правления (*government*), поскольку одной из главных целей последней является поддержание владения или собственности, в отношении которых договорились уже до этого»[296]. Им, таким образом, обосновывается теория «двойного» договора, согласно которой договору об учреждении политической власти предшествовал договор о закреплении собственности за индивидами. Договор о

[293] Локк Дж. Два трактата о правлении… С. 278.
[294] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 49.
[295] Ibid. P. 65.
[296] Ibid. P. 116 (156).

закреплении собственности имеет приоритетный характер над договором об учреждении политического сообщества, поскольку заключение вторичного договора может быть вызвано лишь необходимостью более надежного обеспечения реализации условий для выполнения первого. Собственность, по Тирреллу, имеет приоритет перед властью даже хронологически.

Сам факт необходимости заключения общественного договора, то есть договора об учреждении государственных властей, представляется Тирреллу настолько очевидным, что он даже не утруждает себя детальным описанием причин, когда-то заставивших людей организоваться в политическое сообщество. Как мы уже видели, договор как таковой Тирреллом рассматривается как основной способ общественного взаимодействия: когда бы люди ни вступали в значимые социальные отношения, в основе подобных отношений должен лежать договор, то есть соглашение равных и дееспособных в правовом отношении индивидов, стремящихся через реализацию договора достичь для себя определенных выгод. Целью, сулящей наибольшее благо, какую только может поставить себе человек, является «общее благо человечества». Следующей по иерархической подчиненности является благо конкретного города или государства, в котором данный индивид проживает. Главной целью утверждения как собственности, так и гражданского правления, утверждает Тиррелл, было именно достижение общего блага «человеческих обществ» (*societies*)[297].

Противники договорной теории и Филмер в частности указывали на то, что если человек по своей воле мог заключить договор, то точно так же он волен его расторгнуть. Как следствие, указывают сторонники патриархализма, договорная теория обосновывает неповиновение власти и прямой бунт. Во многом этот упрек справедлив, поскольку в XVI – начале XVII вв. договорная теория разрабатывалась протестантскими, а затем и католическими мыслителями именно для обоснования давления на существующие власти вплоть до их

[297] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha... P. 107 (147).

насильственного свержения[298]. Умеренным же теоретикам общественного договора приходилось прилагать немало усилий для того, чтобы ответить на подобную критику патриархалистов. Даже стороннику радикального «модернизированного» абсолютизма Томасу Гоббсу пришлось учесть этот момент. В договорной теории Гоббса договор заключается поэтому единовременно и без возможности его расторжения со стороны договаривающихся сторон. Общественная власть полностью, без каких-либо ограничений передается суверену. Суверен, в свою очередь, хотя и появляется в результате договора, но стороной договора не является, а следовательно, не может быть осуждаем или наказан за нарушение его положений[299]. Сторонникам же конституционализма и ограниченной монархии, таким как, например, Тиррелл и Локк, было необходимо ответить на вопрос, что же и как заставляет потомков людей, заключивших договор в далеком прошлом, выполнять его условия в настоящем.

Рисуя картину договорного формирования общества, Тиррелл подчеркивает, что первоначальное установление системы правления накладывает определенные обязательства по ее поддержанию в том числе и на потомков договаривающихся: «…та же причина, что заставила первоначально людей учредить систему гражданского правления и собственности, обязывает их поддерживать ее в том состоянии, в котором она первоначально была учреждена… каждый последующий член этого государства (*commonwealth*) или гражданского общества, хотя бы даже рожденный много столетий спустя, обязан придерживаться установленных порядков в соответствии с тем, как они первоначально были учреждены»[300]. В «Патриархе – не монархе» Тиррелл, таким образом, отрицает возможность или необходимость изменения системы правления путем реформ или революций. Скорее он считает необходимым придерживаться установленных конституционных форм. Другой важный момент,

---

[298] Skinner Q. The Foundations of the Modern Political Thought. Vol. 2: The Age of Reformation. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 215–218.

[299] Гоббс Т. Левиафан… С. 137.

[300] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 107 (147).

следующий из этого же фрагмента, – признание установления собственности вместе или даже до учреждения системы правления. В этом смысле собственность для Тиррелла (в отличие от Локка) является не столько естественным, сколько позитивным правом, то есть правом, установленным в результате всеобщего соглашения. В то же время подобное сочетание власти и собственности в момент учреждения государственной власти лишь теснее увязывает их в системе правления и накладывает обязательства по охране существующих отношений собственности, как на правителей, так и на подданных. Собственность должна охраняться в том виде, в каком она существует на сегодняшний момент. Существующее в ее распределении неравенство Тиррелл оправдывает тем, что после заключения договора, когда вся собственность была распределена равномерно и справедливо, некоторые люди «по собственной вине, из-за беспечности или расточительности их предков» могли лишиться своего владения, и находятся теперь в состоянии бедности. Бедняки, утверждает Тиррелл, не являются опорой гражданского общества, поскольку его ориентация на сохранение существующих отношений собственности воспринимается ими как «неудобная» и «направленная против их интересов». Подобное отношение, тем не менее, не дает человеку, лишенному собственности, право оспаривать существующую конституционную систему и «свободы сопротивляться (*resist*) правительству и стремиться к изменению существующего расклада собственности»[301]. Таким образом, пытаться ниспровергнуть существующую систему правления, по мысли Тиррелла, могут лишь лица, лишенные доступа к общественным богатствам. Имущие же классы защищены тем самым договором, который лежит в основании общества, и сам факт владения собственностью подталкивает их к охране существующего порядка. Таким образом, Тиррелл имплицитно заключает, что владелец собственности в принципе не склонен к революционности и неповиновению. Напротив, его интерес состоит в охране своего имущества, а следовательно, и того договора, благодаря которому у него появились «абсолютные» права в отношении своего владения. Тем же самым

[301] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 107 (147).

договором учреждены и общественные власти, следовательно, нет никакой необходимости стремиться к их ниспровержению.

Именно стремление к пересмотру отношений собственности приводит людей к состоянию войны, рождает «анархию и смятение», при которых спокойное владение несправедливо захваченным имуществом абсолютно невозможно: «Начав однажды войну через насильственный захват прав другого человека, узурпатор не может быть более уверен в сохранении того, что он несправедливо приобрел, от посягательств прежнего владельца, чем до того, как он посягнул на его собственность. Он, как следствие, никогда не будет в безопасности до нового заключения такого же точно договора об учреждении как гражданского правления, так и собственности, каковой был заключен в прошлом его предками. Никто не в состоянии разумно ожидать ни мира, ни стабильной безопасности до тех пор, пока он удерживает то, что он силой захватил у другого». Фактически нарушение существующего распределения собственности ведет к разрушению самого общественного организма. Не только позитивное, но и естественное право не допускает подобной ситуации: «Никто не смеет нарушать общий покой человеческого общества ради своей частной выгоды или безопасности, нарушая установленный порядок вещей, существующий в настоящий момент и водворяя состояние анархии и сумятицы, без нарушения естественных законов Бога (*natural laws of God*)»[302].

Анализируя природу рабства и пожизненной службы, Тиррелл приходит к выводу, что источником рабской службы также может быть лишь договор, по которому человек отдает себя в услужение другому человеку в обмен на определенные выгоды для себя[303]. В то же время подобный договор не распространяется на детей, поскольку те не имели возможности высказать свое согласие или несогласие на подобную пожизненную службу. То есть рабство возможно лишь пожизненно. Что же касается общественного договора, заключенного родителями об учреждении гражданского правления, то здесь

[302] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha... P. 108 (148).
[303] Ibid. P. 75–76.

ситуация несколько иная: «Хотя подданные и не связаны напрямую договорами своих предков, впервые учредивших систему правления, косвенным образом они все же обязаны придерживаться того, что было сделано предками… поскольку ни один человек не откажется придерживаться обещаний или условий, на которые согласились его предки, если они способствуют его благу, и, поскольку учреждение системы правления служит ко всеобщему благу человечества, постольку никто не станет утверждать, что потомство людей, впервые учредивших правительство, займется упразднением того, что было сделано предками и захочет вернуться назад в естественное состояние, так как та или иная система правления существует лишь ради сохранения жизни и обеспечения безопасности каждого своего подданного»[304]. Поэтому если дети и внуки позволяют себе пользоваться благами той или иной системы правления, установленной их предками, то они выражают «молчаливое согласие» (*tacit assent*) на условия соглашений, заключенных их предшественниками, и становятся, таким образом, подданными правительства в той стране, в которой они были рождены. Общественный договор, таким образом, поддерживается и возобновляется во времени не за счет его перезаключения или обещания, сделанного отцами-основателями от имени своих потомков в самом начале (Тиррелл придерживается точки зрения, согласно которой соглашения отцов не могут иметь абсолютно обязательной силы для их потомства), а за счет фактического вхождения в договор и выражения согласия с его условиями через пользование правами, которые этот договор распространяет на членов общества. Если человек по какой-либо причине захочет выйти из договора, то есть фактически откажется от обязательств, им налагаемых, то он не должен пользоваться и правами, из него вытекающими.

В «Двух трактатах о правлении» Локк фактически повторит аргумент Тиррелла, но добавит, что в данном случае человек должен покинуть территорию страны, на общественный договор которой он не желает дать своего согласия: «Ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть

[304] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha... P. 76.

сделано исключение из законов этого общества»[305]. По мнению Локка, «из практики самих государств, так же как и из законов здравого разума, следует, что *ребенок не рождается подданным какой-либо страны или правительства*. Он находится под опекой и под властью своего отца, пока не достигает совершеннолетия; а тогда он является свободным человеком, который волен выбирать, под властью какого правительства он хочет находиться и членом какого государственного организма он хочет стать»[306].

Важным Локку представляется вопрос о том, что следует считать «молчаливым согласием», в соответствии с которым человек, достигнув совершеннолетия, принимает подданство государства. Здесь Локком вводится важный момент, и ключевым индикатором согласия он считает владение: «Всякий человек, который владеет или пользуется какой-либо частью территории какого-либо государства, тем самым дает свое молчаливое согласие и в такой же степени обязан повиноваться законам этого правительства в тот период, когда он пользуется этим владением»[307]. Вместе с тем под «владением» Локк подразумевает не только владение земельной собственностью, но и владение жильем или его аренду и даже право бесплатного передвижения по дорогам. Таким образом, любое нахождение человека на территории какого-либо государства подразумевает «молчаливое согласие» с его законами. Но одного лишь «молчаливого согласия», по мысли Локка, недостаточно для вступления в подданство, для этого необходимо «положительное обязательство и непосредственно выраженное обещание и договор»[308]. Локк, таким образом, выступает гораздо большим радикалом, чем Тиррелл. Для последнего одного лишь «молчаливого согласия» и пользования благами гражданского состояния достаточно для того, чтобы человек мог считаться подданным государства, для Локка «молчаливое согласие» есть лишь временное соглашение на подчинение

[305] Локк Дж. Два трактата о правлении… С. 316–317.
[306] Там же. С. 331.
[307] Там же. С. 332.
[308] Там же. С. 334.

законам, но для полного и окончательного вступления в подданство необходимо явственное и осознанное выражение своего согласия.

Еще одна проблема, которую Тирреллу необходимо было решить, отвечая на патриархальные аргументы тори, – это вопрос о происхождении и источнике суверенной власти. Исторически идея суверенитета возникает именно как идея полноты королевской власти над определенной территорией. В таком виде она была сформулирована Жаном Боденом в ходе религиозных войн во Франции второй половины XVI в.[309] От Бодена идею абсолютности королевского суверенитета перенимают и сторонники абсолютизма в Англии. Как мы видели, Филмер был хорошо знаком с трудами Бодена и даже выпустил сборник выдержек из его сочинения «О государстве» под названием «Необходимость абсолютной власти всех королей и в особенности короля Англии», в которой вслед за Боденом утверждает, что суверенитет может быть только абсолютным и принадлежит всецело королю[310]. Тиррелл не оспаривает саму идею суверенитета, как это делали многие сторонники парламента в начале века. Напротив, идея сама по себе уже не доставляет ему никакого дискомфорта. Свою задачу он видит в том, чтобы показать, что, с одной стороны, суверенитет не имеет прямого божественного происхождения, а источником суверенной власти является определенным образом понимаемый народ и что, с другой стороны, абсолютным монарха может сделать лишь договор, лежащий в основе любой формы правления, не исключая и абсолютную монархию.

Под абсолютностью королевской власти Тиррелл подразумевает право законодательства, принадлежащее исключительно королю[311]. В то же время даже в абсолютных монархиях (таких как Франция или Османская империя) существуют законы или обычаи, изменить которые монарх «при всей своей абсолютности» не в силах. Тиррелл указывает на то, что правила наследования короны (наследования, например, лишь по мужской линии во Франции) остаются

[309] Nootens G. Popular Sovereignty in the West: Polities, Contention and Ideas. Routledge, 2013. P. 33.

[310] Filmer R. The Necessity of the Absolute Power of all Kings: and in particular, of the King of England. London, 1648. P. 1.

[311] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 50.

неизменны, а завещание короля, предписывающее что-либо вопреки данным законам, будет попросту проигнорировано. Наличие подобного рода законов даже в абсолютных монархиях доказывает, что и в их основе лежит первоначальный договор, в соответствии с которым люди объединились в общество и передали власть над собой монарху, приняв решение о том, что власть его будет «абсолютна». Но даже в случае абсолютности монархии первоначальный договор имеет приоритет над решениями каждого конкретного правителя и составляет своего рода неизменную конституцию королевства. Если бы эти законы были приняты королевской властью, то этой же властью они могли бы быть и изменены, поскольку «любой закон может быть изменен той же самой властью, которой он был создан»[312]. Наличие неизменных, конституционных (или «фундаментальных») законов даже в таких монархиях, как Французское королевство или Османская империя, доказывает, согласно Тирреллу, договорное происхождение любой общественной организации.

Поскольку государство появляется в результате договора свободных индивидов, то и власть как таковая не может иметь другого источника, кроме способностей договаривающихся людей. Верховная власть, суверенитет является поэтому «всего лишь результатом подчинения воль лиц, его учреждающих, воле того, кого они наделяют суверенитетом, с тем, чтобы он использовал все их силы и возможности (*powers*) для достижения общего блага их всех». Суверенитет, утверждает Тиррелл, является моральным, а не физическим качеством, поэтому он может быть создан и действительно создается людьми, а определенное лицо, не обладавшее им до этого, наделяется им благодаря договору (*compact*). Только таким образом это лицо превращается в носителя верховной власти, суверена: «Подобно тому, как из голосов различных людей, поющих вместе, рождается гармония, не заключающаяся в каждом отдельном голосе, хотя каждый из них и должен был обладать музыкальностью для ее достижения, так и у каждого отдельного лица в естественном состоянии существует право на самосохранение и управление всеми своими действиями. Когда множество людей объединяется с

[312] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha... P. 51.

тем, чтобы передать это право одному лицу или группе лиц, возникает политическая власть (*political power*) более благородного свойства, хотя и той же природы, поскольку если бы у отдельных индивидов ее не было первоначально, то и целое не могло бы обладать ей во всей ее полноте»[313]. Поэтому было бы абсурдно утверждать, что суверенитет не берет свое начало в людях, на том основании, что он не может быть обнаружен среди «природных сил или способностей человека в том же виде, в каком он присущ верховной власти (*supreme magistrate*), как если бы в природе существовали лишь физические свойства»[314]. Таким образом, ключевой вопрос политической теории XVII в. о происхождении политической власти решается Тирреллом в радикальном ключе. Источником власти являются сами люди, в естественном состоянии властными полномочиями по поддержанию порядка в соответствии с естественным законом наделен каждый человек, по договору эта власть передается одному лицу и, переходя от каждого конкретного человека, образует не существовавший до тех пор моральный объект – «суверенитет», то есть верховную власть, находящуюся после заключения соглашения в одном субъекте.

Разрабатывая свое учение о суверенитете, как и во многих других местах своего сочинения, Тиррелл занимает фактически деистские позиции. Тиррелл кардинально расходится с Филмером в понимании того, какими путями Бог действует в мире. С точки зрения Филмера, для того, чтобы люди могли передать суверенную власть одному лицу, они должны были получить ее в том же виде от Бога. Тиррелл же показывает, что Бог может действовать и более скрытно, например, «запечатлев в душе человека горячее стремление (*tender care*) к собственному благу и сохранению, а также предписав ему сохранять мир и порядок среди людей и наделив его разумом для выяснения средств, пригодных к этой цели, среди которых учреждение гражданского правления (*civil government*) следует рассматривать как главнейшую»[315]. С точки зрения Тиррелла, сама способность человека учредить гражданское правительство берет свое начало в

[313] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 117.
[314] Ibid.
[315] Ibid. P. 119.

божественном провидении, действующем, однако, в дальнейшем посредством естественных, а не сверхъестественных причин. Изобретение одежды, огня, домов также восходит к Богу как источнику любого блага, хотя и было сделано человеком в стремлении компенсировать свои естественные слабости. Тиррелл не видит необходимости в прямом божественном участии в деле производства суверенитета (в отличие от того, что признавалось всеми сторонниками божественного права), поскольку в данном случае Богу пришлось бы создать определенную физическую субстанцию и наделить ею монарха в момент его утверждения на престоле. Признавать подобное вмешательство, утверждает Тиррелл, значит умножать сущности, поскольку Богу всегда свойственно действовать наиболее эффективным путем. В данном же случае ему предписывается «чрезвычайный и невразумительный способ действия» вопреки его обычной склонности действовать «ясно и просто», наблюдаемой в природе[316].

Тиррелл, таким образом, отрицает возможность и необходимость экстраординарного божественного вмешательства, утверждая, что Бог обычно действует посредством им же самим установленных законов природы. Следовательно, нет необходимости искать руки провидения за существующими природными закономерностями. Бог является тем не менее первоначальной и действующей причиной суверенитета в том смысле, в каком божественная власть стоит «за всем хорошим в природе» и особенно «за властью каждого свободного человека (*individual freeman*) в естественном состоянии располагать своими действиями ради собственного сохранения и общего блага человечества». Суверенитет появляется, «когда отдельные силы (*powers*) многих людей складываются вместе, образуется то, что мы называем политической или гражданской властью»[317]. Тиррелл не признает за суверенитетом иной сущности или субстанции, кроме той, что вкладывают в него люди при учреждении гражданского правительства. Нельзя утверждать, что суверенитет происходит от Бога, поскольку он создается непосредственно людьми. Бог является причиной и

[316] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 118.
[317] Ibid. P. 119.

источником суверенитета не в большей степени, чем он является причиной изобретения одежды или домов, в том смысле, что сама «способность учредить правление заложена в людей Богом». Главный источник этой способности – разум. Таким образом, учреждение какой-либо системы правления не абсолютная необходимость и не абсолютное обязательство, а лишь одно из средств к удовлетворению потребностей человека: «Подобно тому как в некоторых странах, поскольку там всегда тепло, люди мало нуждаются либо же не нуждаются вовсе в одежде или домах, точно так же и Бог не налагал на людей абсолютное обязательство непременно учреждать гражданское правление, если они могу обойтись без него»[318].

Утверждение о том, что источником власти являются сами люди, а не какая-либо сверхъестественная сила, конечно же, влекло за собой определенные практические выводы, в отношении которых в своем теоретическом сочинении Тиррелл очень осторожен. Тем не менее, в критике политики правительств эпохи Реставрации вигская оппозиция опиралась именно на подобное представление о происхождении политической власти. Если источником власти является в конечном итоге народ, а в парламенте собрались народные представители, то у них есть право требовать от правительства отчета в проводимой политике, они уполномочены эту политику корректировать и даже разрабатывать, а не только послушно заверять королевские распоряжения. Возможность парламента влиять на политику, проводимую назначаемыми королем министрами, обосновывалась вигами именно с помощью договорной теории происхождения власти. Именно по этой причине «партия двора», а потом и тори главный упор делали на теорию божественного права, где источником власти короля является непосредственно сам Бог. Если король получает свою власть от Бога, то лишь перед ним он в ответе за ее применение, парламентарии же не могут оспаривать решения короля и его министров именно потому, что они выбраны народом, а сам народ никакого участия в организации власти не принимал, хотя и учреждена власть была для его блага.

---

[318] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 120.

Могут ли подданные сопротивляться несправедливому королю, королю-тирану? Многим исследователям вопрос о легитимации сопротивления власти представляется ключевым вопросом политической теории раннего нового времени[319]. Вопрос этот был весьма щекотливым, учитывая, что Англия лишь недавно прошла через практическую реализацию теорий сопротивления. Поэтому даже оппозиционеры в эпоху Реставрации очень сдержанно трактовали возможность сопротивления. Исследователи не сходятся даже в том, насколько ключевой теоретик вигской оппозиции – Джон Локк – склонен был оправдывать сопротивление[320]. Локк в «Двух трактатах о правлении» приводит случаи, когда система правления может считаться «распавшейся», а подданные, следовательно, свободными от обязательств по отношению к правительству. Локк прямо ставит вопрос: «Можно ли противиться велениям государя?» Отвечает он на него, однако, не столь однозначно. С одной стороны, он утверждает, что «силу следует противопоставлять лишь несправедливой и незаконной силе», с другой, тут же добавляет, что тот, «кто оказывает сопротивление в любом другом случае, навлекает на себя справедливое осуждение Бога и людей»[321].

Тиррелл еще менее конкретен в ответе на этот вопрос, хотя и приводит множество аналогий, позволяющих читателю сделать возможные выводы самостоятельно. Так, он допускает и даже обосновывает возможность и необходимость сопротивления тирании со стороны отца. Отцовская власть, таким образом, может столкнуться с обоснованным и законным сопротивлением[322]. Современная исследовательница Мелинда Зук причисляет на этом основании Тиррелла к радикальному крылу вигов и видит в подобных утверждениях прямое

---

[319] Skinner Q. The Foundations of the Modern Political Thought. Vol. 2: The Age of Reformation. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 209–217.

[320] Ричард Ашкрафт, например, считает Локка радикальным теоретиком, напрямую обосновывавшим необходимость революции (Ashcraft R. Revolutionary Politics and Locke's Two Treatises of Government: Radicalism and Lockean Political Theory // Political Theory. Vol. 8. No. 4 (Nov., 1980). P. 431), в то время как новейший российский исследователь его творчества Александр Яковлев полагает, что Локк был далек от революционных устремлений (Яковлев А. Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина. М.: Издательство института Гайдара, 2013. С. 393–395).

[321] Локк Дж. Два трактата о правлении… С. 380.

[322] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 102–117.

обоснование права на сопротивление[323]. Джулия Рудольф, напротив, считает, что Тиррелл был очень осмотрителен и осторожен в вопросе обоснования права на сопротивление власти и может быть причислен скорее к умеренным тори, чем радикальным вигам[324].

Наиболее «откровенное» оправдание сопротивления Тирреллом можно увидеть, пожалуй, в его отсылке к библейской истории исхода. Фараона, возложившего на евреев, проживавших в Египте, чрезмерные поборы и службы, Тиррелл считает «тираном», хотя замечает при этом, что само слово «тиран» в Библии не встречается. В данном случае, покинув Египет, еврейский народ фактически оказал сопротивление тиранической власти монарха, и данное действие не только не осуждалось, но всячески поощрялось и даже было организовано божественной властью[325]. Само употребление слова «тиран» должно было многое сказать современникам, поскольку это слово традиционно использовалось и кальвинистскими и католическими теоретиками сопротивления для обозначения короля, недостойного занимать свое место, сопротивляться которому подданные не только могут, но даже обязаны[326].

Опровергая основной тезис Филмера об источнике происхождения власти, Тиррелл тем не менее сходится с ним во многих частных деталях, подтверждая тем самым влиятельность патриархального мировоззрения даже в среде «прогрессивных» вигов. Так, он фактически допускает, что политическое сообщество, «система гражданского правления» (*civil government*) может возникнуть и своего рода «патриархальным» образом. Тиррелл считает возможным, что исторически патриарх может встать во главе общественного союза без согласия своих детей. Но он не может передать свою власть по

---

[323] Zook M. Radical Whigs and Conspiratorial Politics in Late Stuart England. University Park, Pennsylvania: Pennsylvania University Press, 1999. P. 177.

[324] Rudolph J. Revolution by Degrees: James Tyrrell and Whig Political Thought in the Late Seventeenth Century. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2002. P. 24.

[325] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 108.

[326] См., например, влиятельную работу одного из кальвинистских теоретиков XVII в. «Vindiciae contra Tyrannos» призывающую сопротивляться тираническим правителям, уничтожающим свой народ и угнетающим «истинную религию» (Vindiciae, contra tyrannos: siue, de principis in populum, populíque in principem, legitima potestate, Stephano Iunio Bruto Celta, auctore. Edinburgh, 1579. P. 159–216). В своих трудах 1690-х гг. Тиррелл будет ссылаться также и на это сочинение.

наследству без такового согласия, поскольку старший сын, по мнению Тиррелла, не обладает никакими принципиальными преимуществами перед своими братьями. В случае если отец разросшегося семейства в естественном состоянии, многие из детей которого уже покинули домашний очаг и основали собственные семьи, решит предоставить своим детям и слугам «вольности» в отношении отдельного владения собственностью и управления домохозяйством, но сочтет при этом, что для общего блага им необходимо оставаться под его управлением в том, что касается вопросов «общей безопасности», то он становится «государем».

Государем отца семейства делает управление, реализующее цели, ради которых люди объединяются в «общество» (*commonwealth*), то есть действия по обеспечению безопасности жизни и собственности. В то же время Тиррелл убежден, что отеческая власть, даже преобразованная подобным образом в политическую, не может быть передана по наследству без согласия управляемых. Наследник патриарха может встать во главе общественного союза, то есть людей, равных ему по статусу, только после их согласия. Подобное согласие выражается в утверждение завещания другими сыновьями отца семейства. В случае несогласия, они вольны, «как бы в период междуцарствия», выбрать ту форму правления, которая придется им по душе. В таком случае они могут избрать и одного из младших сыновей, и без нарушения правил, предписываемых естественным правом, он возглавит новообразованное политическое сообщество[327].

Таким образом, Тиррелл допускает возможность происхождения и генетической связи государственной власти от власти отцовской. В то же время, даже возникнув как власть патриархальная, власть политическая нуждается в совместном решении глав семейств для ее поддержания в долгосрочной перспективе. Разделение Тирреллом ряда патриархальных установок показывает, что не только естественно-правовые[328], но и договорные теории могут быть

[327] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 47.

[328] Ряд исследователей права отмечают, например, что даже современная римско-католическая церковь прибегает к естественно-правовым теориям для обоснования консервативно-патриархальной идеологии (См.:

совместимы с некоторыми фундаментально консервативными допущениями в отношении природы общественных отношений.

Несмотря на свой достаточно радикальный вигизм, Тиррелл попал под огонь критики ряда современных исследователей за недостаточно последовательное и радикальное отвержение патриархальной идеологии и даже за переход на патриархалистские позиции[329]. Опровергая исходный аргумент Филмера о происхождение власти, Тиррелл все же склонен разделить многие скрытые патриархальные установки. Это абсолютно справедливо в отношении анализа Тирреллом природы демократии. Он стремится максимально успокоить своего читателя заверениями о том, что демократии как власти большинства народа, включающего мужчин, женщин и детей, выбирать правительство «никогда не существовало в природе». В то же время демократию он определяет как такую форму власти, в которой «верховная власть находится в совете или ассамблее, состоящей из всех граждан, хотя бы женщины и дети при данной форме правления не находились бы в лучшем положении, чем при какой-либо иной»[330]. Демократии при этом не становится меньше, даже если женщины, дети и рабы «исключены из общественных советов и ассамблей». Тиррелл ссылается на пример древних Афин, где политически дееспособными гражданами являлись лишь свободные мужчины, которые, по его мнению, и представляли собой «полноту народа во всем его беспорядочном разнообразии» (*the whole promiscuous body of the People*)[331]. Тиррелл, таким образом, ловит Филмера на противоречии, когда тот указывает, что за отсутствием наследника власть «возвращается» к главам отдельных семейств и те из своей среды выбирают нового главу государства[332]. Это, по мнению Тиррелла, и есть «демократический» способ образования государства на договорной основе, когда договаривающиеся стороны представлены взрослыми мужчинами – главами домохозяйств: «Народ или главы

Bamfort N., Richards D. Patriarchal Religion, Sexuality and Gender. A Critique of New Natural Law. New York: Cambridge University Press, 2008. P. 5.)

[329] Weil R. J. Political Passions: Gender, the Family, and Political Argument in England, 1680–1714... P. 65; Rudolph J. Revolution by Degrees… P. 39.

[330] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 73

[331] Ibid. P. 74.

[332] Filmer R. Patriarcha… P. 21.

семейств свободны учредить любую форму правления, какая придется им по душе, будь это монархия или что-либо еще»[333].

Исходя из патриархального по сути допущения, Тиррелл тем не менее приходит к утверждению общего согласия народа как основы общественной власти. Но народ им определяется практически так же, как и Филмером, только Филмер из этого определения делает последовательно патриархальный вывод, а Тиррелл приходит к утверждению договорного и демократического начала. По мнению Тиррелла, «тот факт, что никогда не существовало системы правления, в которой бы все беспорядочное множество (*promiscuous rabble*) детей и женщин имели бы право голоса, поскольку они и не способны его реализовывать, не доказывает тем не менее, что в основе всякого законного гражданского правительства не лежит согласие народа, поскольку отцы семейств или свободнорожденные мужчины сами по себе (фримены) представляли из себя весь народ с необходимым правом голоса». Женщины, полагает Тиррелл, как правило «неприспособленны» к ведению гражданских дел, равно как дети и слуги, не владеющие «земельной или иного рода собственностью». Главы семейств и так представляют их интересы в общественном пространстве. Поэтому не было никакой необходимости наделять их правом голосам при учреждении системы правления (*institution of the government*)[334]. Политически-дееспособная группа населения у Тиррелла совпадает с таковой у Филмера – это взрослые мужчины-собственники, главы домохозяйств.

В отличие от Филмера, однако, Тиррелл допускает наличие ограничений на власть мужа по отношению к супруге в естественном состоянии: подчинение женщины мужчине возможно лишь в случае, если последний «способен и желает» управлять женой[335]. Как мы уже видели, Тиррелл опровергает мнение, что в естественном состоянии муж наделен абсолютной властью над жизнью своей жены. Если жена совершает небольшой проступок, муж может использовать «методы исправления» (*correction*), под которым Тиррелл, по всей видимости,

[333] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 118.
[334] Ibid. P. 83–84.
[335] Ibid. P. 109.

понимает физическое наказание. Если она совершит более серьезное нарушение (например, супружеская неверность), муж вправе оставить жену и отказаться от обеспечения детей, в отношении которых он не может быть уверен, что они действительно от него. Если же женщина совершит по-настоящему «ужасающее преступление против природы», например, убьет своего ребенка, то тогда в силу вступает общее действие законов природы: муж действительно может наказать ее смертью, но не по праву мужа, а по праву любого человека в естественном состоянии, который обязан содействовать исполнению естественного закона и осуществить наказание, им предписываемое. Но в данной ситуации у мужа нет эксклюзивного права на убийство жены, то же самое может совершить любой по праву природы[336]. Таким образом, власть мужа наказывать жену за преступления проистекает не из его патриархальных полномочий или какой-либо власти мужа над женой и детьми, дарованной Богом, а из естественного права, принадлежащего по закону природы в естественном состоянии каждому индивиду.

Под естественным законом Тиррелл понимает веление разума или здравого смысла, направленное на обеспечение лучших условий для выживания человека. Естественный закон выше закона позитивного в том смысле, что и любой закон в государстве не должен противоречить естественным. Поскольку люди вступают в общество и создают государство для лучшего обеспечения своих интересов и, следуя рациональным соображениям, основы системы правления, которая таким образом устанавливается, также должны быть рациональны и, следовательно, не должны противоречить рационально понятому естественному праву. Тезис о необходимости соответствия между естественным и позитивным законом сближает Тиррелла с политической мыслью эпохи Просвещения.

[336] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 112.

3 «Вигская» интерпретация Славной революции в сочинениях Джеймса Тиррелла 1690-х гг.

3.1 Право на сопротивление власти

Уже довольно давно исследователи отмечают, что, хотя Славная революция и может трактоваться как частичная реализация вигской программы эпохи «кризиса по вопросу об исключении», она едва ли означала полное торжество вигских принципов[337]. Более того, значительную роль в приглашении Вильгельма Оранского и в фактической смене правящего монарха сыграл торийско-англиканский истеблишмент. Партийные разногласия не только не были устранены событиями революции, но, наоборот, усилены ее половинчатым характером. В данной ситуации актуальной становится идеологическая борьба за определенную интерпретацию произошедших событий. Многие виги хотели бы признания того факта, что Славная революция стала манифестацией договорной природы английской монархии, что Яков II разорвал изначальный контракт между королем и народом и, как следствие, был легитимно лишен трона. Именно такую версию революции радикальные сторонники вигов и зафиксировали в первоначальном варианте Декларации прав, одобренном палатой общин. Лорды, среди которых было большее число приверженцев тори, отказались санкционировать документ в подобном виде. В итоге был выработан компромисс, признающий якобы добровольное отречение Якова, и именно этот тезис, без какого бы то ни было упоминания о договорной природе власти и нарушении договора королем, был отражен сначала в Декларации прав, а затем и в Билле о правах. Подобная фразировка была приемлема как для умеренных тори, так и для умеренных вигов, не желавших усугублять конфликт чрезмерной приверженностью партийным принципам.

[337] Straka G. M. The Revolution Justified by Divine Right // The Revolution of 1688: Whig Triumph or Palace Revolution? / Ed. and with an Introduction by Gerald M. Straka. Boston: D. C. Heath and Company, 1963. P. 87; Idem. The Final Phase of the Divine Right Theory in England, 1688–1702 // The English Historical Review. Vol. 77. No. 305 (Oct. 1962). P. 657–658.

Неудивительно поэтому, что литературная активность Тиррелла приобретает особенный размах именно в 1690-е гг. В течение сравнительно короткого времени выходит в свет сразу несколько произведений, целью которых является обоснование ключевых концепций вигской идейно-политической доктрины. В 1692 г. под названием «Краткое рассуждение о законе природы» он публикует подготовленную им сокращенную версию трактата Ричарда Камберленда «О законах природы» с пространным собственным введением[338]. Сразу следом в течение двух лет выходит главное политическое сочинение Тиррелла этого периода – «Политическая библиотека», состоящая из 14 диалогов, первые 13 из которых были изданы в течение всего лишь двух лет – 1692–1694, а последний увидел свет лишь в 1702 г.[339] И, наконец, в 1696 и 1700 гг. были изданы два тома его пространной «Общей истории Англии», в которой автор задался целью обосновать политическую позицию вигов с помощью исторических аргументов[340].

Характерной чертой сочинений Тиррелла 1690-х гг. становится отчетливое стремление примирить позиции вигов и тори. Одним из следствий данного намерения становится большая умеренность политической платформы в ее теоретическом фундаменте. Сами диалоги в «Политической библиотеке» построены как дискуссия между сторонником вигов и сторонником тори, при этом сочинение адресовано политическим оппонентам в не меньшей степени, чем потенциальным или актуальным приверженцам вигской доктрины. Вместе с тем Тиррелл стремится смягчить и уточнить многие из терминов, использованных им ранее в трактате «Патриарх – не монарх». Всему своему сочинению Тиррелл предпосылает уведомление, разъясняющее, что, когда автор употребляет слово

---

[338] Tyrrell J. A Brief Disquisition of the Law of Nature According to the Principles and Method Laid down by the Reverend Dr. Cumberland's Treatise on that Subject. London: Printed by Richard Baldwin, 1692.

[339] Tyrrell J. Bibliotheca politica: or An enquiry into the ancient constitution of the English government both in respect to the just extent of regal power, and the rights and liberties of the subject. Wherein all the chief arguments, as well against, as for the late revolution, are impartially represented, and considered, in thirteen dialogues. Collected out of the best authors, as well antient as modern. To which is added an alphabetical index to the whole work. London: Printed for R. Baldwin, 1694.

[340] Tyrrell J. The general history of England, as well ecclesiastical as civil. from the earliest accounts of time to the reign of his present Majesty King William: taken from the most antient records, manuscripts, and historians: containing the lives of the kings and memorials of the most eminent persons both in church and state: with the foundations of the noted monasteries and both the universities. London: Printed for Henry Rhodes, 1696.

«народ» (*people*), он не имеет в виду «простонародную или смешанную толпу» (*vulgar or mixt multitude*), но исключительно всех «свободнорожденных мужчин и женщин» и особенно отцов или глав семейств, если речь идет о естественном состоянии, и все общественные сословия, включая аристократию, духовенство и простой народ, «коммонеров» (*common people*), если речь идет о гражданском[341]. Подобная осмотрительная осторожность является новой чертой по сравнению с его ранним сочинением 1681 г.

Используя в качестве формы своего произведения традиционный жанр диалога, Тиррелл сразу же очерчивает две противоположные политические позиции, от имени которых и будут выдвигаться и развиваться аргументы. Согласно первой точке зрения, монархия основывается на божественном праве, подданные обязаны повиноваться монарху абсолютно, исходя из доктрины «пассивного повиновения», а все права и свободы англичан, как и парламент, явились результатом «милостивой уступки» королей в прошлом. Согласно другой – монархия является лишь формой правления, и в Англии она ограничена при самом учреждении этой формы, а сопротивление власти в определенных случаях может быть совершенно необходимо[342]. Каждый диалог посвящен рассмотрению определенной главной темы, а темы эти сформулированы в виде вопросов, очевидно представлявшихся Тирреллу ключевыми вопросами политической повестки дня Англии 1690-х гг. Данные вопросы формулируются им следующим образом: была ли какая-либо из форм правления учреждена непосредственно Богом? Предписано ли наследование престола по божественному праву? Предписывает ли закон природы или же Писание абсолютное непротивление властям и является ли доктрина «пассивного повиновения» исконной доктриной англиканской церкви? Бог или народ является источником гражданской власти? Необходимо ли согласие народа с определенной формой правления для того, чтобы сделать подчинение властям морально обязательным? Является ли Англия изначально абсолютной или же ограниченной монархией? Является ли король

[341] Tyrrell J. Bibliotheca Politica... Dialogue the First. Advertisement to the Reader.
[342] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… Epistle Dedicatory.

единственной законодательной властью в стране? Является ли парламент неотъемлемой частью системы правления с самого момента ее учреждения или же появился позднее по воле короля? Является ли провозглашение Вильгельма Оранского и Марии королем и королевой законным с точки зрения старинной конституции королевства?[343]

Неслучайно один из ключевых вопросов политической повестки сформулирован Тиррелом как вопрос о достоверности и древности доктрины пассивного повиновения. Исследователи традиционно отмечают слабую социальную, административную и фискальную базу английского абсолютизма. В отличие от континентальных монархий, чье усиление в раннее Новое время опиралось на регулярную армию и оплачиваемую из королевской казны бюрократию, английские короли из династий Тюдоров и Стюартов могли опираться лишь на прерогативные суды и подчиненную власти монарха церковь. Именно контроль над церковью и становится в Англии главным инструментом насаждения абсолютистской идеологии и именно в идеологической сфере английский абсолютизм добьется максимальных успехов[344].

Краеугольным камнем идеологической доктрины покорной стюартовским монархам англиканской церкви станет доктрина «пассивного повиновения». Особенно активно эта доктрина эксплуатируется в годы торийской реакции, последовавшие за тяжелым политическим кризисом, вызванным борьбой вигов за Билль об исключении. В эти годы, отмечает Маколей, непротивление власти проповедуется в каждой английской церкви: «Доктрина непротивления власти была страшно дорога английским священникам. Это был их отличительный знак. Это была их любимая тема… Они проповедовали на тему доктрины пассивного повиновения по меньшей мере так же часто и столь же ревностно, как и на тему троицы или искупления»[345]. Доктрина пассивного повиновения была ключевой для торийской партии в отстаивании прав Якова на престол, а позднее и для

[343] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… Epistle Dedicatory.
[344] Андерсен П. Родословная абсолютистского государства. М., 2010. С. 131.
[345] Maccauley T. B. The History of England from the Accession of James II. Boston and New York: Houghton, Mifflin and Company. Vol. III. 1901. P. 4.

якобитов, утверждавших незаконность дачи клятвы верности новым монархам после Славной революции[346].

Маколей не зря называет доктрину непротивления «отличительным знаком» англиканской церкви. Данная идеология служила среди прочего важным моментом в самоопределении относительно католической церкви и власти Рима. Впервые эта тема активно прозвучала в 1606 г., после неудачи Порохового заговора, когда католики пытались уничтожить короля в парламенте. Король Яков I совершенно справедливо усмотрел корни этого заговора в распространении католиками идей договорного происхождения власти и, как следствие, ее условного характера. После заговора специально с тем, чтобы обеспечить лояльность католических подданных английского короля, была разработана клятва в верности, напрямую отрицавшая доктрину, согласно которой монарха, отлученного от церкви Папой Римским, мог убить любой из его подданных[347]. Кроме того, Яков I посчитал необходимым заручиться поддержкой англиканского духовенства и в том же году собирается конвокация[348], принимающая в качестве канонов, то есть фактически законов, обязательных к исполнению английскими священнослужителями, положения, отрицающие возможность какого-либо насильственного противодействия существующей королевской власти. Собрание духовенства напрямую осудило любые теории, утверждающие, что власть и юрисдикция находились первоначально в народе, а государственные власти появились в результате выраженного общественного согласия, а не по божьему произволению. Согласно принятым канонам, народ никогда не имел власти выбирать монарха – власть всегда происходит от Бога[349]. Ложными были объявлены доктрины, обосновывающие возможность словесного выражения недовольства действиями государей или любых членов

[346] Sensabaugh G. F. Milton and the Doctrine of Passive Obedience // Huntington Library Quarterly. Vol. 13, No 1 (Nov., 1949). P. 20.

[347] The Varieties of British Political Thought 1500–1800 / Ed by J. G. A. Pocock, Gordon J. Schochet and Lois G. Schwoerer. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 87.

[348] Собрание высшего духовенства англиканской церкви.

[349] Bishop Overall’s Convocation Book, MDCVI. Concerning the Government of God’s Catholic Church and kingdoms of the Whole World. London: Printed for Walter Kettilby at the Bishop’s Head in St. Paul’s Church Yard, 1690. P. 2, 8, 21.

администрации, дозволенности поднимать против них оружие или лишать королей трона и тем более предпринимать попытки цареубийства[350]. Особо отмечалось и подчиненное по отношению к монарху положение священнослужителей, а также примат гражданской власти над церковной[351]. Доктрина непротивления была, таким образом, утверждена в качестве официального учения англиканской церкви и как таковая должна была проповедоваться в каждом приходе.

Карл I не только поддержал подобные настроения духовенства, но и способствовал дальнейшему развитию данной идеологии. Во второй половине 1620-х гг. на фоне общественного недовольства, вызванного политикой принудительных займов, король дает прямое указание священникам активнее проповедовать покорность и необходимость подчиняться фискальным притязаниям короны[352]. 4 июля 1627 г. священник Роджер Мэнверинг прочел в присутствии короля проповедь, в которой утверждалось происхождение любой власти исключительно от Бога. Карл I с большой симпатией отнесся к идеям, высказанным в ходе проповеди. Королевская власть, согласно Мэнверингу, является первейшей среди властей, наимощнейшей и не подчиненной никому: «Короли стоят надо всеми, над ними не стоит никто: ни один человек, ни какая-либо группа людей, ни какой-либо ангел, ни их собрание… Королевская власть высочайшей природы, и нет никакой власти в природе или церковной иерархии, которая могла бы ее ограничивать… власть эта не только человеческая, но и сверхчеловеческая (*superhumane*) и даже не меньше божественной власти»[353]. Вся полнота власти изначально присутствует только в Боге и передается им не людям, а только непосредственно и исключительно королю. Соответственно, короля не может ограничивать ни общественное согласие с государственной властью, ни местные обычаи, ни корпоративные или национальные законы, ни даже законы

---

[350] Bishop Overall's Convocation Book... P. 25–26.

[351] Ibid. P. 34.

[352] Аверьянова Е. В., Баязитова Г. И., Васильева Ж. Ю., Исаева Е. В., Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н., Новокрещенных Е. В., Соколовская И. В. Проблема «послушания» (obedience) в английской конфессиональной мысли 1620-х гг. // Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования. Философия. 2013. С. 148.

[353] Maynwaring R. The First Sermon Preched before the Kings Majestie at Oatlands, on the fourth Day of July 1627 // Religion and allegiance by Roger Maynwaring. London: Printed by I. H. for Richard Badger, 1627. P. 8–10.

международные (*law of the nations*)[354]. Никто не имеет права ставить под сомнение королевские повеления, поскольку они – это повеления самого Бога. Короли должны, конечно, повиноваться закону божественному, и в этом единственное ограничение их власти. Если даже король приказывает совершить что-либо противоречащее законам страны, то подданные все равно не имеют права высказывать неудовольствие или тем более оказывать ему открытое сопротивление, поскольку законодательная воля короля более высокой природы[355]. Все живое обязано повиновением своему создателю. Поскольку он является создателем и королевской власти, то долг повиновения обязателен и по отношению к королям. Господь является свидетелем и соучастником клятвы верности, даваемой королю, и, следовательно, соблюдать верность монарху столь же необходимо, как и верность самому Богу[356]. И наконец, Мэнверинг напрямую приравнивает неповиновение королю неповиновению Богу[357]. Обе палаты парламента резко негативно отреагировали на проповедь подобных идей и начали процесс об импичменте священника. Король же приказал напечатать проповеди в виде брошюры, озаглавленной «Религия и верность», и назначил Мэнверинга епископом, дав тем самым королевскую санкцию всему им сказанному[358].

В 1640 г., после начала епископских войн с шотландцами, одновременно с созывом короткого парламента была созвана и конвокация духовенства для ратификации мероприятий по реформированию англиканской церкви, предусмотренных архиепископом Лодом, и утверждения ряда новых канонов, обязательных к исполнению всеми священниками в подвластных Карлу I королевствах. На фоне открытого неповиновения парламента требованиям короля по вотированию субсидий, собрание духовенства принимает ряд положений, призванных утвердить доктрину божественного права и непротивления в качестве краеугольного камня учения англиканской церкви: «Высочайшее и священное

---

[354] Maynwaring R. The First Sermon... P. 13.

[355] Ibid. P. 19.

[356] Maynwaring R. The Second Sermon Preached before the Kings Majestie at Alderton, on the 29 of July 1627 // Religion and allegiance... by Roger Maynwaring. London: Printed by I. H. for Richard Badger, 1627. P. 12–13.

[357] Ibid. P. 23.

[358] Snapp H. F. The Impeachment of Roger Maynwaring // Huntington Library Quarterly. Vol. 30. No 3 (May, 1967). P. 221–230.

звание короля основывается на божественном праве, являясь прямым повелением самого Господа, основывается на первоначальных законах природы и явно установлено текстами как Старого, так и Нового Заветов». Согласно канонам, верховная власть вручена королям непосредственно Богом с тем, чтобы они осуществляли управление в подвластных им владениях людьми всех рангов, как светских, так и духовных, и наказывали «мирским мечом всех упрямцев и злодеев»[359]. Королю принадлежит полная власть над церковью. По божественному же соизволению короли наделены властью взимать налоги, а подданные обязаны их уплачивать. Отмечается также, что подобная обязанность ни в коем случае не есть покушение на собственность подданных. Напротив, налоги и поддержание собственности идут рука об руку и немыслимы друг без друга. Если подданные короля поднимают оружие против его власти, вне зависимости «для защиты или для нападения», то они противятся властям, от Бога установленным, и подвергают свои души риску вечного проклятия и осуждения после смерти. При этом отрицается возможность не только активного, но и пассивного неповиновения[360]. Неудивительно, что долгий парламент отменил постановления собрания духовенства вскоре после начала своей работы.

Наивысшего расцвета доктрина пассивного повиновения достигла в заключительный период эпохи Реставрации, когда она превратилась в главный идеологический инструмент стюартовской монархии. В период «кризиса по вопросу об исключении» представители англиканской церкви активно поддерживают наследственные права герцога Йоркского и всеми силами внушают подданным необходимость покорности и повиновения власть предержащим. Среди прочих на этом поприще была заметна проповедническая деятельность Джорджа Хикса, назначенного в 1681 г. королевским капелланом. Согласно Хиксу, короли ни много ни мало являются «мелкими богами, правящими на земле, подобно тому как Михаил и Гавриил правят ангелами на небесах по

[359] Constitutions and canons ecclesiasticall; treated upon by the Archbishops of Canterbury and York, presidents of the convocations for the respective provinces of Canterbury and York, and the rest of the bishops and clergie of those provinces; and agreed upon with the Kings Majesties licence in their severall synods begun at London and York. 1640. London: Printed by Robert Barker, 1640. P. 7.

[360] Ibid. P. 8.

прямому поручению Бога. Их суверенная власть – это образ Его суверенной власти, их величие – подобие Его величия, их царство – копия Его царства. Они занимают высшее положение на земле, подобное тому, какое Он занимает на небесах. Они не получают свою власть от народа… как и Он не получает ее от своих творений, но лишь от Него одного получают они власть, они Его наместники и доверенные лица. Почести или бесчестье, творимые по отношению к ним, творятся по отношению к самому Богу»[361]. Для подданных любого правительства является грехом оказывать насильственное сопротивление законным властям, каким бы ни был повод, пусть это даже вопросы религии.

Согласно Хиксу, «пассивное повиновение или непротивление является двойной обязанностью христианских подданных, поскольку они не могут поднять меч против своего суверена без того, чтобы противиться Богу… поскольку Бог, которому принадлежат право отмщения и наказания, сделал суверена отмстителем злодеяний своих подданных, а не подданных отмстителем злодеяний правителя». В подобном случае в каждом государстве было бы два суверена. Тиранов же Господь приберег для того, чтобы наказать их собственноручно, подданные же могут прибегать лишь к помощи «артиллерии молитв и слез». Кому-то, продолжает Хикс, данная доктрина может показаться жестковатой, но поскольку сопротивление подданных властям приносит людям значительно большие страдания, чем деяния самых злобных тиранов, с необходимостью следует вывод, что «доктрина пассивного повиновения основана на высочайшем расчете и что необходимо славить мудрость и благость Господа, запретившего людям прибегать к лекарству, гораздо худшему, чем сама болезнь»[362].

Данная доктрина останется основной идеологемой и после вступления на престол Якова II. В 1685 г. Эдмунд Бохун переиздал «Патриарха» Филмера, предпослав ему введение собственного авторства, в котором, в частности, выступил с опровержением тирреловской критики Филмера и в очередной раз сформулировал доктрину пассивного повиновения: «Вне всякого сомнения,

[361] Hickes G. A discourse of the soveraign power in a sermon preached at St. Mary Le Bow, Nov. 28, 1682, before the Artillery Company of London… London, 1682. P. 7.

[362] Ibid. P. 26–28.

государи не должны злоупотреблять своей властью, но если они все же злоупотребляют ей, то их подданные не смеют браться за оружие для того, чтобы отомстить за свои неурядицы. Какой весомой ни была бы причина, проблемы это не решит, а сами они превратятся в мятежников, поскольку никогда Бог не наделял население или отдельного подданного полномочиями судить о действиях высшей власти, под которой они живут»[363].

Славная революция, без сомнения, нанесла удар по идеологии непротивления, поскольку расколола единый прежде стан ее приверженцев. После свершившихся событий стало уже не совсем ясно, кто является главным бенефициаром данной доктрины: следует ли непротивиться власти «узурпатора» Вильгельма Оранского или осуждать переворот как проявление мятежного и богопротивного сопротивления законному королю? Теперь уже чрезмерно лояльные тори-якобиты оказываются виновны в сопротивлении фактической власти. В итоге через некоторое время появляются памфлеты, стремящиеся примирить пассивное повиновение с необходимостью дать клятву верности новым правителям на том основании, что подданные обязаны повиновением не столько личности правителя, сколько фактическому правительству страны, в которой они живут[364].

Революционные события, конечно же, никак не вписывались в официальный дискурс стюартовской монархии и требовали отдельного теоретического обоснования. Произошедшее в Англии в 1688 г. Тиррелл называет «счастливой чудесной революцией» (*happy wonderful revolution*). Нужно отметить при этом, что в XVII в. слово «революция» понималось несколько иначе, чем сегодня. В то время никто не называл «революцией» события 1640–1650-х гг. Граф Кларендон, считающийся автором первого масштабного исторического описания английской революции, назвал ее «великим мятежом» (*great*

[363] Bohun Edm. Preface to the Reader // Patriarcha, or, The natural power of kings by the learned Sir Robert Filmer… London: Printed for R. Chiswel, W. Hensman, M. Gilliflower, and G. Wells, 1685. Chapter II, 52.

[364] A. B. Allegiance vindicated, or the takers of the new oath of allegiance to K. William & Q. Mary justified and the lawfulness of taking it asserted, in its consistency with our former oaths, and also with the doctrine of the Reformed Church of England, concerning non-resistance & passive obedience, by a Divine of the Church of England. London, 1690. P. 3–4.

rebellion)[365]. Революционные события середины века называли и «пуританским мятежом», и гражданскими войнами, но никогда «революцией». Термин «революция» в этом смысле еще не нес в себе оттенка насильственного, целенаправленного низвержения политического режима. Напротив, происходя первоначально из астрономии, где понятие «революция» описывает период, за который небесное тело, пройдя по орбите, возвращается в свое исходное положение, данный термин нес в себе скорее коннотации объективной необходимости, неизбежности событий в силу самой природы политического организма[366]. Более того, термин «революция» означал также не внесение целенаправленных изменений в политическую организацию общества, а, скорее, возвращение к исходному «правильному» состоянию и в этом смысле был глубоко консервативен по своему содержанию. Постепенно, именно благодаря вигской интерпретации событий 1688–1689 годов, термин революция приобретает новые коннотации, приближающие его к современному значению. У Дж.Тиррелла ключевым моментом легитимации событий Славной революции выступает теоретическая обоснованность возможности оказывать неповиновение власти, сопротивляться ее наиболее несправедливым и опасным для благополучия всего сообщества действиям.

Тиррелл отрицает доктрину пассивного повиновения, утверждающую, что «абсолютное непротивление» является неотъемлемой прерогативой любой суверенной власти. В то же время для того, чтобы сделать идею возможности сопротивления приемлемой для широких слоев английского общества, идеологу вигов пришлось эту возможность обставить многочисленными ограничениями и оговорками. Тиррелл утверждает, что если даже «величайшие несправедливости и притеснения» совершаются по отношению лишь к отдельным частным лицам и не затрагивают общего блага всего сообщества, то из соображений сохранения

---

[365] Hyde Edward, the 1st Earl of Clarendon. The History of the Rebellion and Civil Wars in England: Begun in the Year 1641. With the Precedent Passages, and Actions, that Contributed Thereunto, and the Happy End, and Conclusion Thereof by the King's Blessed Restoration, and Return, Upon the 29th of May, in the Year 1660. Written by the Right Honourable Edward Earl of Clarendon. Oxford: Printed at the Theater, 1707.

[366] Political Innovation and Conceptual Change / Ed. by Terence Ball, James Farr and Russell L. Hanson. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 337.

общественного мира и спокойствия, а также по прямому указанию Священного Писания следует смириться и терпеть. В этом случае, по его мнению, не дозволена не только месть за совершенные злодеяния, но даже самозащита[367]. В то же время сопротивление допустимо в ситуации, когда под угрозой «невыносимого рабства и угнетения» оказываются безопасность или свобода «целой нации» и общее благо «великого множества людей» его требует. Главным условием возможности сопротивления является «тотальное покушение на жизни, свободы, религию и собственность всей нации или большей ее части в том виде, в каком они установлены законом природы или основополагающей конституцией и законами конкретного королевства или республики»[368]. Утверждать обратное означает признать, что Бог отдает предпочтение несправедливой власти и тщеславию правителей перед благополучием управляемых, с чем, по мнению Тиррелла, не согласны даже самые ревностные защитники доктрины непротивления. Еще одно важное утверждение Тиррелла касается того, что вопрос сопротивления является вопросом исключительно морально-политическим, а не религиозным, как то утверждалось англиканской церковью, и может обсуждаться без опасности подвергнуться обвинениям в ереси или предательстве.

Прежде чем приступить к обоснованию возможности сопротивления власти, Тиррелл в более развернутой форме повторяет ряд аргументов, высказанных им ранее в работе «Патриарх – не монарх» и связанных с опровержением патриархальной теории происхождения власти, которая традиционно использовалась для оправдания абсолютного непротивления монарху. Тиррелл утверждает в связи с этим, что Адам не мог иметь никакой политической или гражданской власти над своими детьми будь то в силу естественного права отцовства или прямого божественного пожалования. У него была лишь «экономическая» власть, то есть право управления собственным домохозяйством

[367] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… Dialogue the Third. Advertisement to the Reader.
[368] Ibid.

для поддержания жизней членов семьи[369]. Даже если бы у него и была власть политическая, то он не мог бы передать ее своим детям и внукам, а точное знание об истинном наследнике отцовской власти Адама затерялось в глубокой древности. Власть же накладывать наказания вплоть до лишения преступника жизни принадлежала в естественном состоянии не одному лишь Адаму, а всем главам семейств.

Здесь, как и вообще в тексте «Политической библиотеки», Тиррелл делает одно важное уточнение по сравнению со своей ранней работой. Чтобы избежать обвинений в чрезмерном демократизме, он постоянно подчеркивает, что любые права, принадлежащие людям в естественном состоянии и могущие служить источником политической власти, принадлежат не «беспорядочному множеству» людей, а только главам семей, то есть совершеннолетним мужчинам, несущим ответственность за членов своего домохозяйства, среди которых могут быть как прямые родственники: жена, дети, престарелые, так и зависимые от хозяина слуги. Вся власть в естественном состоянии, таким образом, принадлежит главам отдельных семейств, но не по праву отцовства, а по праву управления изначальной единицей общественной организации или, по словам Тиррелла, по праву «главы семьи» (*master of the family*)[370].

Тиррелл никак не отрицает того, что первичным источником власти в гражданском обществе является Бог, поскольку власть как таковая учреждена им для «мира, счастья и безопасности» человечества. На практике, однако, эта божественного происхождения власть передается правителям исключительно через посредство народа и является, таким образом, обязанностью и доверенностью (*trust*).[371] Правители, включая монархов, пользуются властью только по доверенности. Тиррелл выделяет два способа образования государства: учреждение по народному избранию или же узурпация в результате военного захвата. В обоих случаях, однако, власть должна получить санкцию народа. В первом она выражается непосредственно, во втором же может быть выражена не

[369] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 13.
[370] Ibid. P. 145.
[371] Ibid. P. 146.

напрямую, а в результате так называемого «молчаливого согласия». Под «молчаливым согласием» Тиррелл понимает пользование своим имуществом и собственностью на территории страны и в соответствии с законами государства при новом правителе. Пользование благами, предоставляемыми гражданским состоянием, означает признание каждым конкретным индивидом прав завоевателя на лояльность своих подданных. Несогласные же с фактом завоевания, или же с религией, или формой правления завоевателей могут беспрепятственно выехать за пределы страны и забрать с собой свое имущество либо же продать собственность и вывезти деньги, вырученные от ее продажи[372].

Политическая власть, таким образом, держится правителем по доверенности, и доверие это может быть подорвано. Для обозначения правителя, нарушающего условия правления по доверенности, Тиррелл прибегает к традиционному для теорий сопротивления термину «тиран». Со времен реформации словом «тиран» обозначался правитель, не исполняющий должным образом свои обязанности верховного магистрата. Особенно активно дихотомия «король – тиран» разрабатывается кальвинистскими теоретиками во второй половине XVI в. в годы религиозных войн во Франции и революции в Нидерландах[373]. Не отрицая божественного происхождения власти, кальвинисты подчеркивали ее условную природу и необходимость соответствия главным целям человеческого общежития. Тиран – это правитель, действия которого не способствуют реализации этих целей, и он, следовательно, не может считаться законным и «правильным» властителем. Поэтому может быть оправдано и сопротивление его власти[374].

У кальвинистов данную доктрину довольно быстро заимствовали католики, которые также начинают развивать теории сопротивления власти, но, естественно, в противоположных по сравнению с протестантами целях.

---

[372] Tyrrell J. A Brief enquiry into the ancient constitution and government of England as well in respect of the administration, as succession thereof. Set forth by way of Dialogue, and fitted for Men of Ordinary Learning and Capacities. By a true lover of his country. London: Printed by R. Baldwin, 1695. P. 8.

[373] Skinner Q. The Foundations of the Modern Political Thought. Vol. 2: The Age of Reformation. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 215–218.

[374] Vindiciae, contra tyrannos: siue, de principis in populum, populíque in principem, legitima potestate, Stephano Iunio Bruto Celta, auctore. Edinburgh, 1579. P. 159–216.

Католические идеологи также проводят разделение между истинным, справедливым королем и королем-тираном. Первому нельзя оказывать сопротивление ни по божественным, ни по гражданским законам. Ссылаясь уже на католических теоретиков, Тиррелл утверждает, что, если король совершит нечто, в результате чего он перестанет быть королем, он таким образом «отрекается» от своего королевского сана, лишает себя «чести, королевского достоинства и власти» и превращается в частное лицо, злоупотребляющее огромной властью. К народу в таком случае возвращается первоначальное право, которое было у них в естественном состоянии до образования государства и королевской власти, и сопротивление становится не только возможным, но и необходимым[375].

Из континентальной Европы политическая теория кальвинизма довольно быстро проникла и на Британские острова. В Шотландии во многом она способствовала свержению с престола Марии Стюарт и учреждению регентства при ее малолетнем сыне. Воспитателем юного короля Якова VI был назначен пламенный кальвинистский теоретик Джордж Бьюкенен. Первый английский король династии Стюартов был, таким образом, хорошо знаком с теориями, обосновывающими сопротивление власти монарха.

Именно к определению тирана, данному в сочинении Якова I, и обращается Тиррелл для подтверждения своего аргумента. Тиран – это правитель, полагающий, что его «королевство и народ предназначены для удовлетворения его желаний и неразумных аппетитов», в то время как справедливый король действует противоположным образом, признавая, что он поставлен для обеспечения благосостояния и процветания своего народа. «Король, согласно Якову I, правящий в спокойном состоянии королевства, перестает быть королем и деградирует в тирана, как только он прекращает править в согласии с законом»[376]. В таком случае, продолжает Тиррелл, в соответствии с законами разума и природы для народа лучше оказать сопротивление таковому правителю, своими

[375] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P 151.
[376] Ibid. P. 148.

собственными ли силами или прибегнув к помощи какого-либо иностранного государя. Цитируя уже Бьюкенена, Тиррелл указывает, что народу не может быть отказано в праве самозащиты, которое является естественным правом, и, если тиран покушается не только на благополучие отдельного человека, но на жизни и собственность большей части своих подданных, у последних появляется возможность (*power*) самозащиты. Самозащита может быть реализована и превентивно, то есть еще до того, как какое-либо зло совершено по отношению к народу. Эта возможность не дает, однако, представителям народа права покушаться на персону государя или мстить за причиненные страдания. И хотя частный человек может лишь терпеть лишения и притеснения, народ, в случае если тирания становится невыносимой, может «оказать сопротивление, но с должным почтением»[377]. В разделении права сопротивления на частное и гражданское Тиррелл также следует кальвинистской традиции. Кальвин, обосновывая возможность сопротивления тиранической власти, отрицал возможность сопротивления со стороны частных лиц и народного большинства. Право обуздания тиранической власти принадлежит гражданскому магистрату, то есть людям, поставленным управлять большинством[378]. По факту это означало, что решение о необходимости противодействия главе магистрата или государю должны принимать представители «средних» слоев общества – мелкого и среднего дворянства и городской буржуазии[379].

Примеры истинно тиранического поведения монархов в истории достаточно редки, признает Тиррелл. Есть тем не менее одно обстоятельство, способствующее развитию в монархе склонности к проведению тиранической политики по отношению к своим подданным. В случае если под властью короля находится не одно королевство, а несколько, то он может настолько предпочесть жителей одного, что начнет злоупотреблять своей властью в других, с тем чтобы обеспечить благополучие одной части своих подданных за счет подданных остальных своих владений. Тиррелл ссылается на Гроция, очевидно, имевшего в

[377] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 149.
[378] Кальвин Ж. Наставления в христианской вере. Книга IV. Гл. XX. Можайск, 1997. С. 495.
[379] Виппер Р. Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. М., 1984. С. 82.

виду короля Испании Филиппа II, ведшего многолетнюю войну в Нидерландах, но параллели с монархами из династии Стюартов, владевшими коронами одновременно Англии, Шотландии и Ирландии, более чем очевидны. В подобной ситуации король может иметь намерение уничтожить народ одной нации, с тем чтобы заменить его переселенцами из другой[380]. В данном случае намек делался на католицизм Якова II, поскольку предполагалось, что король будет отдавать явное предпочтение своим католическим подданным, большинство из которых проживало в Ирландии.

Теория пассивного повиновения, проповедующая абсолютное непротивление власти, согласно Тирреллу, по факту означает лишь необходимость отчуждения в пользу суверена всей собственности и имений подданных, если он того потребует. Любой утверждающий, что непротивление есть неотъемлемая прерогатива суверенной власти, фактически утверждает именно это[381]. Для опровержения подобного аргумента Тиррелл снова прибегает к понятию доверенности, «траста» (*trust*), согласно которому власть может быть уподоблена вещи, переданной доверителем держателю траста в определенных целях. В отличие от дара (*gift*), целью которого является благо того лица, в отношении которого совершается дар, доверитель передает свое имущество или деньги доверенному лицу с тем, чтобы извлечь из этого какую-либо пользу для себя. Траст поэтому не мыслим вне определенных условий, оформляющих его реализацию. За доверителем, как в естественном состоянии, так и в гражданском, сохраняется право отозвать доверенность, в случае если условия изначального траста были нарушены. В гражданском состоянии, утверждает Тиррелл, рассмотрение апелляций по нарушениям условия трастового держания является одной из главных задач гражданского управления, а именно судебной системы. Согласно принятым в Англии правовым нормам, жалоба заявителя должна обязательно быть рассмотрена, и в случае выявления нарушений условия держания траста, в его отношении должно быть сделано справедливое

[380] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 152.
[381] Ibid. P. 151.

возмещение, а сам предмет доверения возвращен доверителю. Если подобный траст имеет место в естественном состоянии, где нет третьего незаинтересованного лица, могущего рассудить спор, сам доверитель является единственным судьей в вопросе о том, имело ли место нарушение условий траста. В таком случае доверитель может вернуть себе свою собственность и потребовать возмещения убытков. Если собственность не возвращена и не возмещены убытки, то вступает в силу состояние войны и вопрос может быть разрешен силой. Траст, таким образом, как и соглашение между подданными и сувереном, не может быть нерасторжимым и безусловным. Доверитель не может передать что-либо по доверенности, не имея в виду, что договор не будет нарушен и держатель доверенности не будет злоупотреблять полученной собственностью или властью, а доверитель неизбежно сохраняет заинтересованность в переданной им вещи. Если верховная власть является держателем траста, то, следовательно, ее действиям, нарушающим его условия, можно оказывать сопротивление[382].

Джон Локк в «Двух трактатах о правлении» и Джеймс Тиррелл в «Политической библиотеке» делают важный шаг в развитии теории сопротивления и в объединении получившей развитие в XVII в. теории естественного права и общественного договора с кальвинистской доктриной сопротивления тираническому правлению и традиционными тираноборческими идеями. Оба пытаются примирить все еще характерное для мировоззрения раннего Нового времени признание необходимости повиновения власти, которое было тем более усиленно в Англии печальным опытом гражданских войн и междуцарствия, с доктринами, обосновывающими необходимость защиты естественных и неотъемлемых прав человека. Оба признают, что законные и справедливые правители заслуживают максимального пиетета и всяческого повиновения, но это относится только к ситуации гражданского состояния, то есть применимо в случае, когда народ и правитель представляют собой стороны договора, добросовестно исполняющие свои обязанности. Основная обязанность подданных – это исполнение справедливых требований власти, направленных на

[382] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 154.

реализацию главных целей гражданского объединения. Поскольку правители действуют в соответствии с требованиями «природы гражданской власти, им ни в коем случае не следует оказывать сопротивления». Однако когда государь «ведет войну против своего народа или собирается его уничтожить», то тогда гражданские власти фактически перестают существовать, а система правления может считаться уничтоженной, поскольку не реализуются ее главные цели, то есть сохранение жизней и собственности подданных. В подобной ситуации основной закон природы, предписывающий стремление к достижению блага и счастья всего человечества, вступает в противоречие с подобной политикой правителя. Следовательно, если жизни и собственность людей находятся под угрозой, они снова оказываются в естественном состоянии, и естественное право на самозащиту возвращается к людям[383].

В основе всего подобного аргумента лежит идея об изначальности естественного состояния, в котором всякая власть принадлежит каждому индивиду в отдельности. Данное состояние людей принуждает покинуть лишь надежда на более надежное обеспечение как своих жизней, так и своей собственности, и именно в этих целях учреждается гражданское состояние, определенная система правления и политические власти, в пользу которых люди отказываются от части своих естественных прав и, в частности, от права на самозащиту. Правители, таким образом, появляются лишь после того, как люди договариваются объединиться в гражданский политический союз и вручить им полномочия по политическому управлению. Договор касается определенных «правил и прав», с помощью которых в гражданском обществе лучше обеспечиваются жизнь и собственность. Лишь после такового договора у подданных возникают обязательства повиновения и лояльности по отношению к таким образом учрежденной власти.

Как и Локк, Тиррелл исходит из основополагающего представления о рациональности человека. Именно разум диктует человеку положения естественного законодательства, он же толкает к объединению в гражданское

[383] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 155.

общество и подсказывает принципы, на которых должно быть основано общественное существование людей. Следовательно, объединяясь в общество, человек не может отказаться от основополагающей естественной способности – способности суждения, базирующейся на общем для всех людей здравом смысле. И в общественном состоянии человек сохраняет способность и, следовательно, право судить о том, что способствует или препятствует реализации его блага и счастья[384]. Право на способность суждения о собственном благе и случаях, когда оно оказывается под угрозой, выступает для Тиррелла основой для права на сопротивление, поскольку одним из главных аргументов противников такового права выступало утверждение о том, что в гражданском состоянии, передав власти право управления и суда, люди отказываются от права судить действия власти. Частью этого же аргумента являлось и утверждение о преобладании негативной субъективной оценки, в соответствии с которым человеку нельзя позволять быть судьей в своем собственном деле, поскольку ему всегда свойственно преувеличивать тяжесть государственных повинностей, которые приходятся на его долю, и обвинять власти в ситуации, когда они всего лишь добросовестно исполняют свои обязанности. Томас Гоббс вообще указывал, что предвзятость человека в отношении его интересов является главной причиной общественных неурядиц, мятежей и гражданских войн[385].

Локк и Тиррелл, наоборот, солидарны в подчеркивании изначально рациональной природы человека и, как следствие, общественных отношений. Человеку свойственно стремиться к реализации собственного интереса, но он способен при этом подняться над узкоэгоистическим его пониманием. Разум человека показывает, что основополагающие интересы любого индивида состоят в сохранении общества, поскольку оно изначально было создано людьми, исходя из представления о том, что в гражданском состоянии безопасность и собственность – основные приоритеты индивидуалистической личности буржуазного общества – могут быть надежно защищены только с помощью

---

[384] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 158.

[385] Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения в 2-х тома. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 95.

политической власти. Обладая способностью суждения в естественном состоянии, люди не могут отказаться от нее и в гражданском обществе. Следовательно, для вынесения суждения о том, нарушают ли действия правителей «фундаментальные условия любой системы правления», можно обойтись и без помощи какого-либо общего собрания или учреждения, а достаточно лишь «чувств и разума», присущих каждому. С помощью той же самой способности суждения человек способен установить, что угнетению подверглась столь значительная часть нации, что интересы всего общественного организма оправдывают сопротивление тираническому правлению. В такой ситуации любая часть общества, которая в состоянии оказать противодействие, имеет право первой выступить от лица всего сообщества и дождаться присоединения остальной части народа или помощи со стороны какого-либо иностранного государя[386]. Прекрасный пример подобного законного сопротивления, по мнению Тиррелла, дают города Голландии и Зеландии, восставшие против тирании герцога Альбы и поставившие Вильгельма I Оранского во главе сопротивления угнетению со стороны испанских войск.

Наличие законов, защищающих владение собственностью, представляется Тирреллу важнейшим признаком ограниченности или конституционности формы правления. В случае если в обществе однажды была «введена гражданская или наследственная» собственность, ни у государя, ни у всего сообщества нет законной возможности уничтожить или отнять ее. В подобной ситуации у подданных или граждан появляется законная возможность сопротивляться действиям правителей, покушающихся на их собственность, даже если формой правления в таковом государстве является абсолютная монархия, поскольку «единственной великой целью управления является учреждение и поддержание гражданской собственности»[387].

Одним из главных признаков абсолютных монархий Тирреллу представляется как раз отсутствие конституционных гарантий собственности.

---

[386] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 160.
[387] Ibid. P. 162.

Собственность, социальная структура и форма правления, таким образом, тесно связаны. Тиррелл сравнивает Англию и Турцию и приходит к выводу, что в Турции отсутствует общественный слой, характерной чертой которого является владение земельной собственностью – «аристократия, джентри и йомены». Правительство там держится только силой оружия. В Англии же этот слой составляет «лучшую и наиболее значительную» часть народа[388]. Чрезмерные налоги в абсолютных монархиях, по мысли Тиррелла, не являются законной причиной для сопротивления властям, до тех пор пока они не покушаются на земельную собственность. Какими бы тяжелыми ни были налоги, но в большинстве случаев они лучшая альтернатива, чем гражданская война или смена системы правления. Верховная власть, полагает Тиррелл, должна являться единственным судьей в отношении размера налога, поскольку в нем действительно может быть необходимость, как, например, в Голландии. Но это относится только к налогам, взимаемым в денежной форме. Налоги не должны затрагивать «основной капитал», то есть земельную собственность. Если размер налогов таков, что подданные вынуждены продавать или закладывать свои имения, то это также дает повод для обоснованного сопротивления[389].

Тиррелл отрицает, что власть в гражданском обществе должна являться «абсолютной», то есть распоряжаться жизнью и имуществом подданных без малейшей возможности сопротивления с их стороны. «Абсолютная и неограниченная» власть государей в принципе не может быть согласована с целями, для которых создается гражданское общество. Подобная ситуация означала бы добровольное ухудшение положения, существовавшего в естественном состоянии, когда у них была «свобода защищать свои справедливые права против посягательства других на равных основаниях». Вручение же «абсолютной неограниченной» власти одному человеку означало бы полное разоружение и превращение себя в жертву властителя, поскольку положение человека, подверженного произвольной власти «сотни тысяч разрозненных

[388] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 166.
[389] Ibid. P. 165–166.

людей», лучше, чем положение того, кто находится под властью одного «произвольного» властителя, но командующего сотней тысяч вооруженных и организованных солдат[390]. Таким образом, верховная власть одного ли человека или группы людей «ни в коем случае не может быть абсолютно произвольной в отношении жизней и состояния людей и не допускающей возможности сопротивления (*irresistible*), поскольку изначально их юрисдикция простиралась не далее, чем та власть, которой Господь наделил каждого отдельного главу семьи… для обеспечения их собственной безопасности и общего блага тех, кого Господь доверил их попечению. Люди поэтому не могут передать верховному правителю больше власти, чем Бог вручил им первоначально, и данная власть не может превышать ту власть, которая была у людей в естественном состоянии, до того как они объединились в общество и передали свою власть верховному правителю… В естественном состоянии Бог не наделял ни единого человека абсолютной властью ни над своей собственной жизнью, ни тем более властью отнять жизнь или собственность другого»[391]. Человек не может передать больше власти, чем у него было в естественном состоянии, а та власть, которая у него есть, должна быть реализована в целях самосохранения. При образовании гражданского общества, вся публичная власть не может превышать власти отдельного индивида в естественном состоянии и ограничена интересами «общественного блага».

В «Политической библиотеке» Тиррелл делает важный ход по согласованию антипатриархальной идеологии, обоснованной им десятилетием ранее в «Патриархе – не монархе», с доктриной сопротивления и повторяет свой аргумент, обосновывающий сопротивление «деспотической» власти отца. Что характерно, однако, в сочинении 1681 г. он не делает политических выводов из опровержения патриархального происхождения власти, сохраняя определенную осторожность и предоставляя это читателю. В своей новой работе он уже напрямую указывает на родство этой доктрины с идеей политического

[390] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 155.
[391] Ibid.

сопротивления и, более того, делает ее теоретическим фундаментом вигской интерпретации событий Славной революции. В естественном состоянии в семье законы природы действуют непосредственно и могут быть подтверждены положениями здравого смысла. Тиррелл показывает, что теория, обосновывающая абсолютность политической власти, абсолютностью власти, врученной Богом Адаму как первому патриарху, несостоятельна в силу того, что отцовская власть в соответствии с законами природы не может быть «абсолютной» и «деспотической», ибо ограничивается необходимостью заботиться о благе и счастье домочадцев. Следовательно, если происходит злоупотребление таковой властью, жена или дети вправе оказать сопротивление главе семьи. Тиррелл распространяет эту возможность сопротивления «не только в отношении безумия или пьянства, но также гнева, похоти или любой другой чрезмерной страсти, которой человек может быть подчинен». Он утверждает также, что любой, включая жену, детей и слуг, имеет возможность судить, является ли человек сумасшедшим или находится под действием «яростных страстей». В подобном случае любой «честный сосед» может вмешаться и, например, связать такового «преступника». «Может ли кто-либо полагать, что Господь предназначил жену или детей в жертву безумию, пьянству, страсти или похоти подобного отца или мужа?» – заключает Тиррелл[392].

3.2 Обоснование ограниченного характера английской монархии

Тиррелл прилагает максимальные усилия к тому, чтобы представить возможность сопротивления неотъемлемой частью английской конституции, то есть вполне дозволенным и законным способом регуляции направления развития политического процесса. Тем не менее для того, чтобы являться «законным», сопротивление должно быть каким-то образом вписано в «старинную конституцию». Другой стороной аргумента Тиррелла в пользу сопротивления является поэтому обоснование ограниченного характера монархии в Англии,

[392] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 41.

зафиксированного, как ему представлялось, при первоначальном учреждении системы правления.

Тиррелл, конечно же, был далеко не первым и не единственным сторонником идеи ограниченной монархии. Напротив, разработка теории ограниченной монархии становится одной из главных тем политической мысли раннего Нового времени и уже с середины XVI в. часто используется для описания английской системы правления посредством короля, лордов и общин[393]. Идея «старинной конституции», берущей свое начало во временах «незапамятной» древности, была, как утверждает Джон Покок, одним из ведущих «дискурсов» английской политической истории XVII в. К идее старинной конституции прибегали сторонники парламента во всех спорах с королевской властью от Якова I до Якова II[394]. Согласно аргументу конституционалистов, ограниченная монархия в Англии была установлена задолго до Нормандского завоевания и означает необходимость подчинения действий короля требованиям общественного блага, усилия по достижению которого, в свою очередь, контролируются парламентом.

Еще в XV в. английский юрист и теоретик права Джон Фортескью, в свою очередь опиравшийся на консилиаристскую традицию, разработанную несколькими десятилетиями ранее французом Жаном Жерсоном, выделил два типа правления. Первый он назвал *dominium regale,* или абсолютной монархией. При этом типе правления король является носителем всей власти, а «то, что угодно королю, имеет силу закона». Данный тип властных отношений сложился в результате завоевания и подданные здесь не имеют какого-либо голоса в делах управления. Второй тип правления был образован по общему согласию людей и организован для обеспечения их интересов. Правители тут поставлены для защиты подданных или, точнее, граждан[395]. В Англии же существует смешанная

[393] Blythe J. M. Ideal Government and the Mixed Constitution in the Middle Ages. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1992. P. 4.

[394] Pocock J. G. A. The Ancient Constitution and the Feudal Law. A Study of English Historical Thought in the Seventeenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 229–232.

[395] Fortescue J. The Difference between an Absolute and Limited Monarchy. London: Printed by W. Bowyers, 1714. P. 1–6.

форма, которую Фортескью называет «королевской и политической». Она соединяет в себе характерные особенности обеих: с одной стороны, во главе системы управления стоит король, и ему принадлежит вся власть. С другой, королевская власть ограничена законом, и по своей воле государь «не может править как тиран»[396].

Идеи Фортескью были хорошо известны англичанам XVII в. и широко использовались для обоснования парламентской точки зрения в противостоянии с королем. События английской революции дали огромный толчок развитию политического теоретизирования. Некоторые исследователи утверждают даже, что именно в 1640-е гг. происходит радикальный скачок в развитии политической мысли Англии, и после этого времени мы имеем дело уже с более-менее современным взглядом на абсолютную и ограниченную монархию[397]. В годы английской революции идеи Фортескью о смешанной монархии широко используются для обоснования концепции «ограниченной монархии». Одним из самых последовательных теоретиков ограниченной монархии стал Филип Хантон, изложивший свои идеи в «Трактате о монархии». Ряд историков полагает, что именно Филип Хантон разработал наиболее развернутую теорию суверенитета ограниченной монархии в Англии до Локка[398].

Роберт Филмер также внес свою лепту в дискуссию об ограниченной монархии, откликнувшись на трактат Хантона работой, посвященной «анархии» смешанной, или ограниченной монархии[399]. Идеям Хантона Филмер отказывает в старинном происхождении, называя «мнением, появившимся не раньше, чем вчера, а вовсе не в древности; простым нововведением в политике, не древнее

---

[396] Fortescue J. On the Laws of England // The Works of Sir John Fortescue, Knight, Chief Justice of England and Lord Chancellor to King Henry the Sixth. Collected and arranged by Thomas Fortescue, Lord Clermont. Vol. 2. London: Printed for private distribution, 1869. P. 395.

[397] Eccleshall R. Order and Reason in Politics: Theories of Absolute and Limited Monarchy in Early Modern England. New York: Oxford University Press, 1978. P. 153.

[398] Franklin J. H. John Locke and the Theory of Sovereignty: Mixed Monarchy and the Right of Resistance in the Political Thought of the English Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 39.

[399] Filmer R. The anarchy of a limited or mixed monarchy. Or, A succinct examination of the fundamentals of monarchy, both in this and other kingdoms, as well about the right of power in kings, as of the originall or naturall liberty of the people. A question never yet disputed, though most necessary in these times. London: s. n., 1648.

Новой Англии, хотя и рассчитанным на те же широты»[400]. Именно благодаря републикации произведений Филмера торийскими идеологами в 1679 и 1680 гг. снова стал актуальным ответ на его критику идеи ограниченной монархии. Тиррелл поэтому касается этого вопроса уже в своем раннем сочинении 1681 г. трактате «Патриарх – не монарх», в котором он выступает в защиту Хантона.

Уже во введении к «Патриарху – не монарху» Тиррелл очерчивает точку зрения своих противников. Их доктрина, согласно Тирреллу, сводится к обоснованию абсолютной монархии – единственной, как им представляется, законной формы правления – божественным правом. Именно поэтому она не может быть каким-либо образом ограничена «без богохульства и уменьшения суверенитета, берущего свое происхождение не где-нибудь, а в самой божественной воле». Эта точка зрения отрицает также возможность ограничения власти каким-либо договором, как основополагающим, так и заключенным позднее, коронационной клятвой или уступками, сделанными королями на протяжении истории. Поэтому единственным ограничителем притязаний монарха на «жизни, вольности и собственность» своих подданных в такой системе правления является лишь королевская воля, а такого явления, как тиран, «не существует в природе». Приверженцы филмеровских идей, по мнению Тиррелла, «устраняют любые различия между королем и тираном и межу рабами и подданными» и, отказываясь признать, что только та форма правления могла быть санкционирована Богом, которая была установлена для укрепления общего блага человечества и более полного обеспечения собственности подданных, наносят непоправимый вред правильному пониманию «лучшей в мире системы правления», под которой Тиррелл, конечно же, имеет в виду английскую[401].

Один из главных аргументов, выдвигаемых Филмером против идеи ограниченной монархии, состоит в том, что монархия как форма правления предполагает нахождение суверенитета в одних руках. Если монарх ограничен, то и суверенитет принадлежит кому-то еще, стало быть, это уже не монархия. Им

---

[400] Filmer R. The Anarchy of a Limited or Mixed Monarchy // Patriarcha and Other Political Works of Sir Robert Filmer / Ed. By Peter Laslett. Oxford: Blackwell, 1949. P. 279.

[401] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… Preface.

допускается принципиальная возможность существования смешанных форм правления, но монархия не может быть таковой формой. Следовательно, любая монархия, утверждает Филмер, должна быть абсолютной[402]. Тиррелл возражает на это, что, хотя происхождение термина действительно относится к монархии абсолютной, использование слова «монархия» стало традиционным также для обозначения режимов, допускающих законодательные ограничения. Ограниченная монархия – это такая форма правления, в которой верховная власть ограничена (*limited*) законом[403]. Тиррелл отдает предпочтение термину *limited* перед термином *restricted*, поскольку последний, по его мнению, предполагает наличие определенной принудительной силы, стоящей над монархом. Власть же, ограничивающая монарха, согласно Тирреллу, должна иметь не принудительный, а указательный характер, поскольку в случае, если происходит нарушение закона, она имеет возможность выступить с протестом (*remonstrate*) против такового нарушения. Наказание же за нарушение должно коснуться не монарха, а его министров, дерзнувших преступить закон. В отношении монарха предполагается при этом, что сам он не «может совершить зла». Король, таким образом, остается «верховной властью, являясь при этом ограниченным, но не какой-либо властью, высшей по отношению к его собственной, а своими законами (своей выраженной волей), которые дарованы им самим в сословном собрании (*assembly of his estates*) и которые он не может изменить иначе как тем же самым способом, которым они были учреждены»[404]. Тиррелл уверен, что подобный род ограничений вполне совместим с монархической формой правления. Сам Бог, согласно Библии, ограничен собственной клятвой, которую не может нарушить и которая является, таким образом, ограничением его власти, нисколько не уменьшающим его всемогущества. Этот пример, в свою очередь, показывает, что, если суверенная власть ограничена законом, она может оставаться при этом верховной.

Король в ограниченной монархии является единственной властью, вводящей в действие законы и придающей им силу и обязательность исполнения.

---

[402] Filmer R. The Anarchy of a Limited or Mixed Monarchy… P. 281.
[403] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 127.
[404] Ibid. P. 129.

В то же время законом может стать только то, что предложено королю в сословном собрании. Все же должностные лица, приводящие данные законы в исполнение, подчинены всецело королю. Король, таким образом, остается верховной властью, поскольку он создает законы и является источником всей власти в своих владениях. Ограничения сводятся к тому, что король соглашается не издавать законов и не собирать налогов без решения сословной ассамблеи.

Тиррелл прибегает к помощи достаточно хитроумной и оригинальной аргументации в подтверждение вышеприведенного утверждения. Необходима она ему с тем, чтобы заставить идею ограничения монарха выглядеть в значительной степени консервативно и респектабельно. В монархии, неважно ограниченной или абсолютной, утверждает Тиррелл, законы являются провозглашением воли монарха. Поскольку монарх не может оповестить всех своих подданных о своей воле самостоятельно, он нуждается в определенной «политической форме» для совершения такового оповещения. Данная форма должна быть всеми признана и уважаема как источник информации о воле верховного законодателя. Конкретная реализация этого политического механизма может различаться в разных странах в зависимости от традиций, привычек, конституционного устройства, культурного уровня и т. д. Например, в случае если в стране не распространена письменность, то оповещать нижестоящие власти о воле суверена можно только устно. Поручается это особым должностным лицам, которые должны иметь определенный отличительный знак, свидетельствующий о том, что они уполномочены провозглашать законы. Обычай в данных странах требует исполнять в качестве закона то, что будет сообщено этими лицами. Равным образом, во всех государствах, пользующихся письменным законодательством, люди договариваются об определенном способе как создания, так и провозглашения законов. В ограниченных монархиях все согласны с тем, что в качестве закона или «истинной воли государя» должно приниматься только то, что было предложено ему его подданными в представительном собрании и что

стало законом после того, как король выразил с этим свое согласие[405]. Данный способ представляется Тирреллу абсолютно наилучшим как для государя, так и для подданных: поскольку целью любого общественного организма является народное благо, то и предложено в качестве законопроекта будет только то, что, по мнению подданных, этому благу максимально способствует. Подобная система в то же время нисколько не умаляет власти государя, так как за ним сохраняется право абсолютного вето – он имеет возможность отклонить законопроект, но в то же время, как правило, совершенно свободно с ним соглашается. Законом поэтому даже в ограниченной монархии является лишь провозглашенная воля государя.

Исходя из представления о существовании естественного и гражданского состояний, Тиррелл уверен, что источником любой власти является воля человека. Но в естественном состоянии она принадлежит каждому частному лицу и касается только тех, кто может его непосредственно услышать. Власть же государя носит «искусственный или политический» характер и берет свое начало в договоре и должна касаться огромного множества людей, которые могут никогда даже не видеть своего государя, но тем не менее должны подчиняться его воле. Воля эта поэтому должна быть выражена максимально обоснованно, так, чтобы даже живущие в отдаленных уголках королевства могли бы быть уверены, что это воля именно законной власти, а не чья-либо еще. В ограниченной монархии сама сложность церемонии принятия закона гарантирует его аутентичность. Здесь государь «добровольно» в собрании сословий и в присутствии великого множества свидетелей касается скипетром предложенного ему билля, тем самым превращая его в действующий закон. Подобная «торжественная и публичная» процедура, по мнению Тиррелла, устраняет малейшие сомнения в том, что провозглашенный закон в действительности есть воля государя. В абсолютных же монархиях, где подобная процедура отсутствует, на верховного законодателя часто оказывается давление со стороны «женщин и фаворитов», а сами законы часто принимаются в спешке под влиянием момента.

[405] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha… P. 133–134.

В ограниченной монархии «государь не только выглядит более блестяще и внушительно, когда он пред лицом своих подданных осуществляет высочайший акт суверенитета по созданию законов, но также и дает им заверение, что он действует с абсолютной свободой, поскольку, имея возможность отклонить просьбу своих подданных, он тем не менее осуществляет ее»[406].

Сторонники абсолютной власти короля могут возразить при этом, что поскольку это только форма, а верховным законодателем остается король, то он может в любой момент изменить ее и постановить, например, что впредь законы будут издаваться им в Тайном совете, а копии закона регистрироваться в судебных учреждениях. На это Тиррелл возражает, что «даже формы и обстоятельства являются столь важной частью любого дела, а в первоначальном контракте народа с государем было закреплено, что законы им будут приниматься не иначе как по их предложению и составлению и что он может отклонить весь закон целиком, но не может изменить какую-либо его часть». Хотя это всего лишь форма, но поскольку в основе ее лежит первоначально выраженное согласие народа, она является «изначальной и фундаментальной конституцией формы правления»[407].

Тиррелл несколько противоречив в том, что касается таких прерогатив короны, как, например, право диспенсации, то есть право приостанавливать действие законов по королевскому повелению. Сторонники абсолютизма, не исключая и Филмера, настаивали на том, что подданные обязаны повиноваться королю даже в том случае, если его приказание противоречит действующим законам. Тиррелл, с одной стороны, утверждает, что короли не могут изменять законов, принятых в парламенте, без согласия последнего. В то же время им допускается ограниченное право диспенсаций. В связи с диспенсационным правом он выделяет три рода законов: те, которые не могут приостанавливаться королем ни в коем случае; те, которые могут приостанавливаться по королевскому желанию; и те, действие которых может быть приостановлено ради

[406] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha... P. 135.
[407] Ibid. P. 136.

общественного блага в случаях «чрезвычайной необходимости»[408]. Но и здесь необходима здравая мера. Король, например, наделен правом помилования, являющимся частью диспенсационного права, но если он решит помиловать и освободить всех убийц, то, очевидно, ничего хорошего из этого не выйдет. Поэтому правилом применения прерогативных прав также должно быть «общее благо королевства», и, когда оно не достигается, прекращается действие и самого права.

Каким образом монарх становится ограниченным? Ограничение происходит либо при первичном учреждении политического сообщества, либо позднее в качестве уступки со стороны монарха, чья власть согласно первоначальной конституции была абсолютной. Подобные уступки Тиррелл именует «вторичной» конституцией, которая является столь же обязательной к исполнению, как и первая. Эта вторичная конституция может быть выражена, например, клятвой, даваемой королем и его потомками, никогда не нарушать законов, ограничивающих их власть[409].

Упраздняет ли факт завоевания эту первичную конституцию? Интерпретация факта Нормандского завоевания Англии была в XVII в. одним из важнейших элементов конституционного теоретизирования. Со времен Фортескье общепринятым считалось, что абсолютные монархии возникают как результат завоевания. Завоеватель является полновластным распорядителем жизни и собственности своих подданных. Невозможно было отрицать то, что в истории Англии завоевание имело место, и сам его факт являлся серьезной теоретической проблемой в попытке обосновать действенность и легальность «старинной конституции». Само завоевание, по мысли Тиррелла, не дало Вильгельму I власти над Англией, поскольку прочная власть может основываться только на признании легитимности правителя. Если таковое признание не имело места, то новый правитель не может рассчитывать на безопасное правление, а мятеж против его власти всегда будет оправдан. Власть Вильгельма была признана, поскольку он

[408] Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha... P. 138.
[409] Ibid. P. 140.

дал клятву «соблюдать и поддерживать все законы и вольности народа Англии и был после этого коронован и принят в качестве короля, отбросив притязания на власть по праву завоевания или силы и получив клятву в верности от духовенства, дворян и народа»[410]. Только после этого повиновение власти нового короля становилось для подданных обязательным, а любой мятеж незаконным.

Древние саксонцы, от которых происходят и англичане, утверждает Тиррелл, никогда не знали правления в форме абсолютной монархии. После того как они завоевали Британию, их старинная форма правления была сохранена: «Форма правления западных саксов, на которой основана и наша монархия, была не деспотической, а ограниченной законами, в соответствии с которыми король не мог захватывать земли или имущество людей без судебного постановления. Он также не мог издавать законы без согласия *Wittena Gemote,* или большого совета, как не мог он и отнимать жизнь у людей без суда равных. Эта форма правления оставалась неизменной и подтверждалась последующими королями датского и норманнского происхождения, что следует из их хартий и многочисленных подтверждений Великой хартии вольностей и иных статутов»[411]. Любой, по мнению Тиррелла, кто хоть немного знаком с английской историей, способен подтвердить это. Согласны с этим были и короли, включая и Карла I, полагавшего, что королевская прерогатива основана и ограничена законом.

В «Политической библиотеке» Тиррелл далее развивает и конкретизирует идеи, высказанные им десятилетием ранее в полемике с торийскими идеологами, теснее увязывая теоретический аргумент с политическими реалиями. Но и здесь продолжается полемика с Филмером, воспринимаемым в качестве главного выразителя консервативных идей. Титул монарха, по мнению Тиррелла, означает прежде всего свободу от внешней юрисдикции, то есть фактически национальную независимость, но не доказывает того, что король наделен «абсолютной суверенной властью внутри королевства». Тиррелл фактически повторяет аргумент, высказанный графом Шефтсбери в его знаменитой речи в палате

[410] Tyrrell J. Patriarcha non monarcha... P. 140–141.
[411] Ibid. P. 149–150.

лордов в 1675 г., согласно которому неограниченная королевская власть означает, что все вольности и права народа Англии существуют лишь постольку, поскольку это угодно королю[412]. Шефтсбери связывает здесь доктрину абсолютности короля с божественным правом. Тиррелл подводит более развернутую теоретическую базу под аргумент основоположника партии вигов, утверждая в том числе и необходимость сопротивления как органичную часть английской конституции.

Сторонники абсолютизма часто апеллировали к тому, что как парламент, так и любые законодательные ограничения королевской прерогативы являются свободными «самоограничениями» со стороны королевской власти, а не частью какого-либо первоначального договора народа с королем. Тиррелл, развивая аргумент Шефтсбери, стремится показать, что власть короля не только ограничена изначальным контрактом, но и механизмом по обеспечению его выполнения, также предусмотренного старинной конституцией. Таковым механизмом является конституционно закрепленное право сопротивления, законность которого базируется как раз на том, что ограничения королевской власти были сделаны в самый момент основания системы правления. В противном случае у народа Англии не было бы законного права защиты своих прав в случае посягательства со стороны монархов. Если ограничения дарованы монархом, то они являются лишь частью позитивного законодательства. Согласно абсолютистской идеологии, абсолютный монарх не может быть связан ни одним из позитивных законов. Он ограничен только законом божественным, изложенным в Священном Писании или же представляемым в виде естественного права[413]. Позитивные законы создаются ради общественного блага и, как только необходимость в них отпадает, могут быть отменены по воле монарха, являющегося единственным судьей в вопросах общественного блага. Равным образом он может отменить и законодательство, гарантирующее подданным английского короля пользование их правами и собственностью, если, по его

[412] Shaftesbury, Earl of. The E… of S…'s Speech in the House of Lords, upon the debate of appointing a Day for hearing Doctor Shirley's Cause, 20 November 1675 // Two Speeches Made in the House of Peers. By a Protestant Peer of the Realm of England. The Hague, 1680. P. 9.

[413] Filmer R. Patriarcha: or the Natural Power of Kings. London, printed by Walter Davis, 1680. P. 24.

мнению, общественное благо того потребует. В таком случае, единственной гарантией прав и свобод англичан является добрая воля короля, и, «как только ему покажется, что вольности и собственность подданных… посягают на его прерогативу или несовместимы с ней, он может на законных основаниях аннулировать или отозвать их»[414].

Идея разделения властей представляется Тирреллу опасно радикальной. Поэтому, несмотря на фактическое утверждение того, что разделение властей является органической частью английской конституции, он всячески избегает этого названия, постоянно подчеркивая, что король всегда остается верховной властью. Королю принадлежит полное право созыва и роспуска парламента по его усмотрению. Совместно с парламентом ему принадлежит право обнародования и введения в действие законов. Тиррелл не усматривает в этом признаков разделения законодательной власти, поскольку ни король, ни палаты парламента не обладают этой властью по отдельности, но только отправляя ее совместно в качестве единого «политического тела или лица». Поэтому ни палаты парламента не могут принять какого-либо закона без короля, ни король не может ввести в действие какой-либо закон без парламента. Соглашаясь на принятие какого-либо билля, король сообщает ему «силу и санкцию» закона, являясь таким образом «последней или заключительной властью (в истинном смысле этого слова) и даже единственной верховной властью, если только не предположить существование двух верховных, то есть двух высочайших властей в одном королевстве»[415]. Король не является единственной законодательной властью, поскольку он «не может принять или ввести в действие какой-либо новый закон без совета и согласия двух других органов»[416]. Вместе с тем палаты не подчиняются королю в том, что касается вопросов законодательства, и, если король вводит законы или собирает налоги без их согласия, они могут «выказать неповиновение на законных основаниях». Характер английской конституции, таким образом,

[414] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 311.
[415] Ibid. P. 335.
[416] Ibid. P. 345.

дополнительно обосновывает возможность и конституционность сопротивления тиранническому правлению.

Противники идеи ограниченной монархии утверждали, что если власть государя ограничена, то должно иметься учреждение, высшее по отношению к королю, и, следовательно, именно оно наделено верховной властью, а не король. Учреждение это может называться сенатом или советом, парламентом или собранием сословий и должно обладать силой принуждения по отношению к монарху, возможностью противодействовать его постановлениям и наказывать за нарушения законного порядка. В таком случае король перестает быть монархом, поскольку монарх не может быть подчинен какой-либо власти, равной или высшей по отношению к его собственной[417]. Подобная картина, очевидно, противоречит как идее монархии, так и существующей конституционной практике Англии. Любые ныне существующие ограничения королевской власти являются не результатом первоначального договора, а свободной уступкой или даром со стороны королей, подтверждаемых затем коронационной клятвой, даваемой, в свою очередь, не народу, а Богу, указывали сторонники абсолютизма по божественному праву.

Тот факт, что монархия совместима с ограничениями, доказывается, по мнению Тиррелла, практикой многочисленных европейских государств, включая Данию, Швецию, Польшу и Священную Римскую Империю. Данные монархии основаны на первоначальной конституции, в соответствии с которой их правители были наделены не «чисто имперской властью» по образцу Древнего Рима, а властью по преимуществу исполнительной и «губернаторской». На них всегда смотрели как на глав государств, и, таким образом, форма правления в них все же больше напоминает монархию, чем любую другую, поэтому они и называются монархиями. Данная форма правления не может быть сведена к одной их трех выделенных Аристотелем в его «Политике», а является смешением в разной степени их всех, совмещая достоинства и избегая недостатков каждой формы в

[417] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 338

отдельности. Таковой является и английская, совмещающая в себе монархическое, аристократическое и демократическое правление[418].

Согласно Тирреллу, таковое смешение не приводит к разделению «между необходимыми функциями суверенной власти». Исполнительная власть всегда принадлежит всецело королю. Ему же принадлежит право войны и мира, а что касается законодательства, то он наделен правом вето в отношении любого закона, принимаемого парламентом. Поскольку ни один закон не может быть издан без королевского одобрения, то и законодательная власть не является разделенной[419].

Поскольку в естественном состоянии все люди равны, ограничение королевских полномочий осуществляется не посредством какой-то высшей по отношению к нему власти. От природы король не более, чем обычный человек, равный любому другому, а в естественном состоянии нет ни короля, ни подданных. Ограничение, таким образом, происходит при учреждении гражданского состояния и объединения людей в политический организм. При заключении договора равные ограничивают равного, который только после этого становится сувереном. Косвенным подтверждением подобного изначального равенства является то, что все государи до сих пор находятся в естественном состоянии по отношению друг к другу и могут договариваться об условиях, регулирующих их взаимные отношения. Так, например, условием брака Марии Тюдор с Филиппом II было то, что он будет воздерживаться от вмешательства во внутренние дела Англии. В противном случае она могла развестись с ним на законных основаниях и отправить его обратно в Испанию. Договор в условиях естественного состояния очень напоминает подобный брачный контракт, а сам момент его заключения Тиррелл приравнивает к «политическому браку». Подобно королеве, народ имеет возможность отказаться от своего

[418] Tyrrell J. Bibliotheca Politica... P. 339.
[419] Ibid.

«политического мужа», если он вторгнется в ту часть правления, которая по условиям договора была зарезервирована за народными представителями[420].

Подобная ситуация, однако, нисколько не свидетельствует в пользу аргумента, согласно которому в ограниченных монархиях народ стоит выше короля, поскольку в самый момент ограничения и народ, и король были равны. Парламент не осуществляет никакой «принудительной» силы в отношении персоны короля, так как король имеет возможность удовлетворить его просьбы в случае, если парламент отметит имевшие место злоупотребления. В противном же случае, если король по своей воле упорствует в сохранении нарушений и покушается на «фундаментальную конституцию формы правления» и, кроме того, осуществляет все это с помощью военной силы, он фактически объявляет народу войну. Народ в этом случае получает «законное право» на самозащиту от тирании. Таким образом, поскольку права и вольности народа являются его прирожденным правом, огражденным «первоначальной конституцией», «народ имеет точно такие же права на их защиту… как и любая другая нация в отношении защиты жизни, вольностей и собственности от насилия со стороны верховной власти»[421].

В «Политической библиотеке» Тиррелл еще раз возвращается к вопросу о совместимости верховенства королевской власти с ограничениями в отношении законодательства, на этот раз сопровождая свой аргумент подробным изложением основ первоначальной конституции английского королевства. Тиррелл настаивает на том, что после того, как саксы завоевали Британские острова, имела место процедура «первичного учреждения системы правления». Являясь «свободным народом», саксы, в лице дворянства и общин при помощи общественных соглашений (*publick compacts*) и путем свободного волеизъявления, договорились о том, чтобы поставить над собой «государя или суверена и подчиниться его власти с тем, чтобы управляться определенными основополагающими законами». Таким образом установленная власть является одновременно и верховной, и

[420] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 348.
[421] Ibid.

ограниченной в отношении «способа ее отправления». Кроме того, поскольку в дальнейшем могла возникнуть потребность в новых законах, этот первоначальный договор включал в себя и описание законодательного процесса на будущее.

Согласно Тирреллу, первоначальная конституция предполагала, что король не должен являться единственным законодателем, а народ оставил за собой «сопутствующую» (*concurrent or co-operative*) власть в этом отношении. Это означало, что обязательными к исполнению будут признаваться лишь те законы, которые были приняты совместно королем и народом. Аристократия могла принимать участие в этом процессе поголовно. Общины же были слишком многочисленны для того чтобы собраться всем вместе. Поэтому, предполагает Тиррелл, имело место соглашение, в соответствии с которым каждое более-менее значительное поселение могло избрать одного или двух представителей для того, чтобы действовать от имени всех избирателей в законодательном собрании. Таким образом, благородное сословие поголовно и представители общин по выбору представляли все королевство в целом и были наделены властью по установлению новых законов[422].

Поскольку не было необходимости в постоянном действии такового законодательного органа, то он стал собираться периодически. Монарху, как носителю верховной власти, была вручена власть созывать, откладывать заседания и распускать законодательное собрание. Таким образом, при первичном учреждении формы правления народ оказал ему огромное доверие. Представители же сословий дают ему клятву в верности, все новые законы принимаются от его имени. Тиррелл в очередной раз подчеркивает, что ограничение законодательных полномочий короля не ставит его в подчиненное положение по отношению к собранию сословий, а власть его все равно должна считаться верховной. Сам факт того, что именно король созывает и распускает парламенты, доказывает, по мнению Тиррелла, что король стоит гораздо выше сословного представительства, хотя он и зависит от них в моменты, когда они

[422] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 349–350.

собираются. Тем не менее свою власть и компетентность парламент получил в момент учреждения государственности, и она, таким образом, закреплена в «первоначальной конституции» и всегда восходит только к ней. Законодательные полномочия парламента Тиррелл называет «совместной властью» (*conjunct authority*)[423].

Идея народного суверенитета не поддерживается Тирреллом – сувереном даже в ограниченной монархии он называет только короля. В то же время подданные способны влиять на процесс законодательства, но не в силу причастности к суверенной власти, а в силу определенной конституционной формы, учрежденной в самом начале существования королевства по народному соглашению.

3.3 «Конституционный» характер Славной революции

Постановления парламента-конвента 1689 г. оставили многие из спорных политических вопросов неразрешенными. Далеко не все в Англии были убеждены в том, что переворот 1688 г. может быть оправдана исходя из положений английской конституции. Более того, сама легитимность занятия Вильгельмом Оранским английского трона часто подвергалась сомнению. С точки зрения более консервативных элементов английского общества Славная революция вмешалась в Богом установленный порядок престолонаследия. На бытовом уровне многие сохранили лояльность Якову II и его потомкам[424]. Небольшая часть общества активно содействовала его попыткам вернуть престол, выражением чему на несколько десятилетий вперед стало якобитское движение. Даже через несколько лет после революции виги в парламенте отмечали, что «законность прав короля оспаривается публично и без малейшего страха наказания»[425].

---

[423] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 350.

[424] Hoppit J. A Land of Liberty? England: 1689–1727. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 3.

[425] Quoted from: Kenyon J. P. Revolution Principles. The Politics of Party, 1689–1720. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 38.

Общественная и партийная борьба достигает максимальной остроты благодаря, в том числе, и частым парламентским выборам в период, часто описываемый как эпоха «партийной ярости» (*rage of party*)[426]. Открытое поле для политических дебатов естественным образом подогревало актуальность политического теоретизирования и непрекращающихся попыток поиска аргументов, приемлемо обосновывающих законность существующего в Англии правительства. С точки зрения вигов, идея изначального договора, лежащего в основе конституции страны, могла стать одной из опор власти нового режима. В то же время эта идея была как одной из наиболее дискуссионных, так и наименее приемлемой для умеренно-консервативных социальных сил.

Первые ожесточенные столкновения по вопросу официального закрепления договорной теории в качестве основополагающего принципа английской конституции произошли уже в парламенте-конвенте, когда возникла необходимость дать концептуальное обоснование событиям, произошедшим в конце 1688 г. Достаточно радикально настроенная палата общин предложила объяснение произошедших в 1688 г. событий, в соответствии с которым главной причиной низвержения Якова II было нарушение им «первоначального договора» с нацией. «Конституция всей системы правления основывается в действительности на договоре, заключенном между королем и народом», – утверждал в палате общин даже сэр Роберт Говард, известный в прошлом своими роялистскими симпатиями. Теперь же он первый выступил в поддержку тезиса о «вакантности» трона в силу нарушения королем «первоначальной конституции»[427].

Большинство палаты согласилось с подобным подходом, в результате чего была вынесена резолюция, обвиняющая короля Якова II в том, что он пытался подорвать «конституцию королевства», разорвал «первоначальный договор короля с народом», по совету «иезуитов и других злонамеренных лиц», нарушив «основополагающие законы», удалился из королевства. Тем самым делался

[426] Britain in the First Age of Party, 1680–1750: Essays Presented to Geoffrey Holmes / Ed. by Clyve Jones. London and Ronceverte: The Humbledon Press, 1987. P. 8.

[427] Oliver H. J. Sir Robert Howard (1628–1698), a Critical Biography. Duke University Press, 1963. P. 256.

вывод, что король отрекся от престола, а трон стал вакантным[428]. Вслед за общинами палата лордов поставила на голосование вопрос о существовании «первоначального договора». В результате дебатов были высказаны точки зрения как в пользу теории «божественного права» королей, так и в пользу того, что вся власть первоначально принадлежала народу в целом, а короли получили ее в результате договора. Несмотря на то, что лорды согласились, хотя и незначительным большинством, с тезисами общин о договоре и его нарушении королем Яковом, финальный вариант Декларации прав, одобренный обеими палатами 13 февраля 1689 г., уже не содержал упоминания о «первоначальном договоре». Исчезла и апелляция к старинной конституции, хотя были сохранены, вызвавшие не меньше споров утверждения об отречении и вакантности трона[429].

Неудивительно поэтому, что финальную часть своей «Политической библиотеки», диалоги с девятого по тринадцатый, Тиррелл посвящает рассмотрению наиболее острых политических вопросов, поставленных Славной революцией. К этим актуальным вопросам им были отнесены следующие: запрещают ли английские законы какое бы то ни было сопротивление королевской власти? Виновны ли англичане, способствовавшие воцарению Вильгельма Оранского, в нарушении английской конституции? Допускает ли конституция отрешение короля от должности за нарушение первоначального контракта или фундаментальных законов королевства? Имелись ли у Вильгельма Оранского основания для ведения справедливой войны против короля Якова II? Может ли решение парламента-конвента, объявляющее трон вакантным, быть обосновано исходя из конституции и обычаев королевства? Допустимо ли с точки зрения конституции провозглашение короля парламентом?[430] В целом все эти вопросы касаются законности, «конституционности» и обоснованности событий Славной революции с точки зрения представления англичан конца XVII в. об английской конституции и фундаментальных законах английского королевства.

---

[428] Cobbet’s Parliamentary History of England: from the Norman Conquest in 1066 to the year 1803. Vol. 5. London: Printed by T.C. Hansard, 1809. P. 50.

[429] Ibid. P. 168–170.

[430] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 6–7.

Тиррелл, очевидно, осознавал, что издание лишь фундаментального теоретического сочинения, каковым стала его «Политическая библиотека», недостаточно для того, чтобы одержать верх в полемике с идеологическими оппонентами. Исходя из соображений популяризации вигской доктрины, в 1695 г. он публикует «Краткий экскурс в старинную конституцию и форму правления Англии в отношении как управления, так и наследования», посвященную в меньшей степени теории и в большей обсуждению практических политических вопросов. По сути, «Экскурс» стал сокращенным изложением идей «Политической библиотеки», лучше приспособленным, по признанию самого Тиррелла, для понимания людьми «средних знаний и способностей», чем объемистый труд в тысячу страниц[431].

В этом сочинении диалог происходит между мировым судьей, очевидно придерживающимся «вигских принципов», и фригольдером – человеком из «народа», стремящимся разобраться в политической ситуации, сложившейся в Англии по итогам Славной революции. Главная цель этого сочинения – показать, что главной задачей революции было сохранение «первоначальной конституции» страны и «старинных прав и свобод народа», а те, кого часто именуют «вигами» или «республиканцами» являются не более, чем «защитниками старинной ограниченной монархии», и если они и призывают к сопротивлению, то только в случаях «крайней и абсолютной необходимости и в целях сохранения первоначальной конституции»[432].

Обоснование законности сопротивления с точки зрения английской конституции и здесь выступает главной темой. Тиррелл признает, что, несмотря на то, что старинные законы допускали смещение королей по решению парламента, современная ему правовая практика полагает, что король не может быть наказан парламентом или даже призван им к ответу. Это не означает, однако, что неповиновение монарху полностью исключено. Действительно,

[431] Tyrrell J. A Brief enquiry into the ancient constitution and government of England as well in respect of the administration, as succession thereof. Set forth by way of Dialogue, and fitted for Men of Ordinary Learning and Capacities. By a true lover of his country. London: Printed by R. Baldwin, 1695. P. 4.

[432] Tyrrell J. A Brief Enquiry… P. 4–5.

парламент, признает Тиррелл, не может и не должен выступать органом сопротивления королевской власти. Парламент к тому же не может быть надежной гарантией в том числе и потому, что правительство может оказывать давление на выборы и обеспечить избрание лояльных ему депутатов, а тираническая власть короля в таком случае получит видимость законной санкции, что только усугубит ситуацию[433]. Подобная ситуация как раз и имела место в Англии после разгрома оппозиционного движения вигов в последние годы правления Карла II.

В подобных экстраординарных случаях, когда «разрывается первоначальный контракт, заключенный королем и его предшественниками, и нарушаются фундаментальные законы и конституция страны», сопротивление действиям монарха возможно и допустимо со стороны всей нации в целом[434]. Подобное сопротивление обосновано не только с точки зрения конституции, но и естественного права, поскольку предполагает не более, чем самооборону от посягательства на «жизнь, свободу и собственность». Естественным вопросом, следующим из подобных утверждений, является вопрос о том, может ли «народ», включая и людей из низов общества, склонных, как то демонстрирует недавняя история, к мятежу и грабежу, решать, когда происходит нарушение договора? На что Тиррелл отвечает, что народ должен выступить как целое, при этом каждый имеет право решать, насколько нарушены его конкретные права. Сопротивление, таким образом, должно быть делом всех сословий, включая духовенство, лордов, джентри и йоменов, то есть крестьян-землевладельцев.

Тиррелл приводит в пример случаи неповиновения власти со стороны определенных социальных сил, вызывающие мало возражений, указывая на то, что это тоже примеры сопротивления. С чем многие в Англии могли бы согласиться, так это с тем, что приказ короля о взимании налогов, не одобренных парламентом, противоречит фундаментальным английским законам. В таком случае на помощь тем, кто отказывается их уплачивать, могут и должны прийти

---

[433] Tyrrell J. A Brief Enquiry… P. 55.
[434] Ibid. P. 44.

представители как других сословий, так и проживающие в других местностях, поскольку незаконный сбор налогов представляет собой нарушение фундаментальных законов королевства. Тем более очевидным факт нарушения является в случае, когда для исполнения королевского приказа используется вооруженная сила. Законным является сопротивление «персональным приказаниям или требованиям короля, противоречащим установленным законам». Подобное сопротивление не является сопротивлением «верховной власти нации», а только сопротивлением «персоне короля, когда он действует не как король, а как частное лицо». Но сопротивление сбору налогов, одобренных королем и парламентом, тут же превращается в мятеж, никак не оправданный с конституционной точки зрения[435].

Король, таким образом, перестает быть королем, как только он прекращает править в согласии с законом. Схожая ситуация разделения персоны короля на частную и политическую происходит, например, если король сошел с ума. В подобном случае подданные короля могу ограничивать его действия, но это будут действия не короля, а «безумца». Тиррелл далее утверждает, что и тирания представляет аналогичную ситуацию. Если безумие – это естественная невозможность управлять, то тирания – моральная, и обе они равно «деструктивны по отношению к общему благу нации». Таким образом, сопротивление является законным, когда в опасности находятся «фундаментальные свободы, а вся конституция формы правления – под угрозой полного уничтожения в силу разрыва первоначального договора, и только тогда, когда эти нарушения и притеснения касаются всего народа, то есть людей всех сословий и положений»[436].

Тиррелл выделяет двоякое право на сопротивление, учитывающее обе традиционные доктрины, восходящие к обоснованию лютеранскими теоретиками права на вооруженное противостояние с императором еще в 1530-е гг.[437] Первое

---

[435] Tyrrell J. A Brief Enquiry... P. 46–49.

[436] Ibid. P. 50–51.

[437] Skinner Q. The Foundations of the Modern Political Thought. Vol. 2: The Age of Reformation. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 197–199.

исходит и гарантируется законами и первоначальной конституцией и, по уверению Тиррелла, не выходит за рамки лояльности королю. Целью данного права является созыв «свободного парламента», который должен уладить спорные вопросы и наказать советников короля, виновных в проведении дурной политики. Именно в этом, утверждает Тиррелл, состояла и главная цель принца Оранского при организации экспедиции в Англию. И действительно, созыв «свободного парламента» и защита протестантизма указывались принцем в качестве единственных целей его предприятия[438]. Вторая компонента права на сопротивление восходит к естественному состоянию и, в конечном итоге, к естественным правам и предполагает, что если король откажется удовлетворить требования, вытекающие из первой части права на сопротивление, то есть созвать парламент и устранить нарушения прав и свобод подданных, а также наказать виновных советников, то в таком случае он принимает их ответственность на себя, перестает править в соответствии с законом и, следовательно, перестает быть королем. В таком случае «гражданское общество» лишается главы, ответственной за исправление правосудия, и может считаться распавшимся[439].

Именно в свете данного двоякого права на сопротивление Тиррелл интерпретирует и первоначальную формулировку палаты общин об отречении Якова II от престола и разрыве договора между королем и народом. Слова об отречении – это не только фигура речи, их следует понимать буквально, а не метафорически, как многие делали. По мысли Тиррелла, отречение произошло не только потому, что король оставил королевство, как это напрямую следует из текста, но и потому, что договор был разорван. То есть, утверждает Тиррелл, тезис об отречении следует понимать как отречение от законного и правильного способа отправления обязанностей, связанных с королевской должностью, поскольку Яков недвусмысленно и неоднократно дал понять, что он не собирается изменить образ действий, навеянный советами «иезуитов и злонамеренных лиц», и вернуться к конституционному порядку управления.

[438] Cobbets's Parliamentary History… P. 1–11; Claydon T. William III's Declaration of Reasons and the Glorious Revolution // The Historical Journal. Vol. 39. No. 1 (Mar., 1996). P. 89.

[439] Tyrrell J. A Brief Enquiry… P. 58–59.

Отказавшись сделать то, что предписывала в подобной спорной ситуации конституция, Яков фактически отказался от конституционного отправления королевских полномочий, а другого способа английскими законами не предусматривается. Он, следовательно, добровольно и сознательно «отрекся» от английского престола. Уточненная Тирреллом формулировка палаты общин должна была бы звучать следующим образом: «Король Яков, нарушив первоначальный договор… и попытавшись изменить фундаментальную конституцию, отказываясь восстановить ее в изначальном виде… отрекся от управления [английским королевством]. То есть, отказываясь от управления в соответствии с законом, по которому он носил корону, он неявно отказался от своих прав на нее»[440]. Как видим, Тиррелл настаивает на корректности первоначальной формулировки, принятой большинством палаты общин при обсуждении текста Декларации прав в феврале 1689 г.

Для подтверждения справедливости данного положения Тиррелл обращается к английскому частному праву, в соответствии с которым, если пожизненный арендатор не уплачивает вовремя плату за пользование землей, он лишается своего права и оно может быть передано другому арендатору. Тиррелл снова обращается к понятию «траста», доверения применительно к королевской власти и утверждает, что нарушение доверенности представляет собой одновременно и отказ от держания прав из нее вытекающих, а латинский термин *abdicare* («отрекаться») означает не что иное, как отказ от права. Депутаты парламента-конвента совершили мудрый ход, использовав менее понятный латинизм *abdicate*, чем привычные и разговорные слова *renounce* и *forfeit*, означающие утрату права, а в данном случае – права на престол королем Яковом. Слишком откровенное указание на условность королевского титула могло вызвать еще больше несогласия, чем это произошло с термином «отречение», и едва ли могло быть «переварено» ретроградными сельскими джентльменами[441].

[440] Tyrrell J. A Brief Enquiry... P. 60.
[441] Ibid. P. 62.

Тиррелл приводит шесть незаконных действий короля, которые, по его мнению, могут свидетельствовать о том, что первоначальный договор между королем и нацией разрушен. Первое, это когда король создает новые законы в отношении гражданского управления или религии, которые не были одобрены представителями народа в парламенте. Второе, это злоупотребление диспенсационной властью, то есть неисполнение действующих законов. Особенно это относится к ситуациям, когда подобные диспенсации были законодательно запрещены. Третье касается налогообложения без парламентского одобрения, четвертое – подкупа судей с тем, чтобы они выносили приговоры в его интересах, а также смещения их с должности за отказ повиноваться незаконным приказам короля. Пятое, когда король предпринимает усилия по установлению контроля над выборами членов парламента, с тем, чтобы отсеять лиц, придерживающихся неугодных ему мнений. В таком случае нарушаются фундаментальные свободы выборов законных представителей народа. И, наконец, шестое – отнятие жизни, свободы и собственности подданных с опорой на властный произвол и без соблюдения предписанной законом процедуры[442]. Несложно заметить, что большинство из этих пунктов нашли свое отражение в Билле о правах и вменялись в вину Якову II и привели к формулировке тезиса о его отречении и вакации престола[443].

Может ли престол Англии вообще быть «вакантным»? Согласно представлениям о наследственном праве, трон всегда занимается королем, если он жив, и его наследником сразу после его смерти. «Король никогда не умирает», – гласила признанная максима английского конституционного права. Именно этот аргумент значительная часть палаты лордов выдвинула против предложенного общинами тезиса о пустующем троне[444]. Автоматический переход короны по наследству к старшему сыну Тиррелл объясняет закрепившейся в последние века традицией, а не законом, восходящим к исторической древности. В более ранние

[442] Tyrrell J. A Brief Enquiry… P. 53–54.
[443] English Historical Documents… P. 112–115.
[444] Cobbet's Parliamentary History of England: from the Norman Conquest in 1066 to the year 1803. Vol. 5… P. 59–60.

эпохи трон мог часто оставаться незамещенным до принятия решения общим советом королевства. В качестве примера Тиррелл приводит наследование трона после смерти Вильгельма Завоевателя не его старшим сыном Робертом, а вторым сыном Вильгельмом. В данном случае переход короны произошел по завещанию покойного короля, но решающую роль в утверждении на престоле нового монарха сыграл именно общий совет королевства (*Great Council*), лишь по согласию и утверждению которого Вильгельм II был коронован королем Англии[445].

Подобная же ситуация имела место со многими другими законными государями, которые, несмотря на неоспоримые наследственные права, не использовали королевский титул до своего избрания общим советом и коронации. По мнению Тиррелла, эти факты подтверждают существование старинного закона, согласно которому трон считался вакантным до тех пор, пока новый король, даже если он был прямым наследником покойного правителя, не избирался народными представителями[446]. Поскольку ни божественное, ни естественное право не регулируют наследование короны, ее переход может определяться только позитивным законом или традицией[447]. Незамещенность престола, таким образом, вполне допустима с точки зрения старинной английской конституции, а непременное наследование престола старшим сыном не является ее неотъемлемой частью.

Другой важный вопрос касается полноты полномочий общего совета королевства в случае вакантности престола. В подобной ситуации совет не был созван королем, как это обычно бывало с парламентами. Обладал ли он полномочиями по избранию короля в таком случае? Существование общего совета королевства Тиррелл возводит к англо-саксонским временам, то есть ко времени задолго до принятия Великой хартии вольностей и появления парламента в его современном виде. Уже у древних саксов существовал совет, называвшийся

---

[445] Tyrrell J. The General History of England both Ecclesiastical and Civil. Vol. II. From the Beginning of the Reign of King William I to the End of the Reign of King Henry III. London: Printed by W. Rogers, 1700. P. 74.

[446] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 840, 854.

[447] Ibid. P. 866.

Wittena Gemote, или совет мудрейших, который совместно с королем решал важнейшие вопросы жизни страны[448].

Именно к этому совету в конечном итоге восходит история английского парламента, Великая хартия лишь подтвердила то, что существовало задолго до ее принятия. Тот факт, что после Вильгельма Завоевателя в истории Англии как минимум восемь раз имело место утверждение короля на престоле советом, что для Тиррелла равноценно его всенародному избранию, должно свидетельствовать в пользу наличия определенных властных полномочий у данного института. И действительно, этот орган, утверждает Тиррелл, вовсе не нуждался в том, чтобы быть собранным по королевскому повелению, а собирался и заседал в силу «ему присущих властных полномочий», а кто бы ни был им избран и утвержден в должности монарха, «всегда считался законным королем, вне зависимости от того, был ли он ближайшим наследником по крови»[449]. Престолонаследие по праву крови, утверждает Тиррелл, не было закреплено каким-либо конкретным законом, а базируется исключительно на «молчаливом согласии народа, именуемом обычаем». Даже несмотря на этот обычай, парламент часто «возлагал корону» на головы тех, кто не имел на нее наследственных прав, а лица, произведенные таким образом в государи, «всегда и всеми почитались в качестве законных»[450].

Традиция последних столетий в Англии – это наследование короны по кровной линии, в то время как в древности этот вопрос решался представительным собранием. Старинный закон предписывал избрание короля общим советом, после смерти его предшественника. Параллель с современными событиями здесь более чем очевидна: если старинные законы допускали деятельность совета, являющегося прямым предшественником парламента и в отсутствие короля, а его решения при этом имели не менее законную силу, то столь же легитимными следует считать и решения парламента-конвента,

---

[448] Tyrrell J. The General History of England both Ecclesiastical and Civil. From the Earliest Accounts of Time to the Reign of His Present Majesty William III. Vol. I. London: Printed by W. Rogers, 1697. P. lxxxviii.

[449] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 855–856.

[450] Ibid. P. 859.

созванного после бегства Якова II и утвердившего на престоле Вильгельма и Марию. Частные же лица должны подчиниться решению конвента и оставить все споры о законности занятия престола, поскольку они «заочно» были представлены в нем, а парламент-конвент был представительным органом «всего народа, всей нации». С его решением каждый англичанин должен согласиться и дать клятву верности монархам, утвержденным таким образом на престоле[451].

Заслуживает отдельного упоминания и то, что Тиррелл практически не обращается к соображениям религии в обсуждении причин, приведших к революции и смене правящего монарха. Не считает он и разницу в религии между государем и подданными достаточным основанием для восстания против его власти. В то же время он высказывается в поддержку решения конвента об исключении из числа наследников престола католиков или состоящих с католиками в браке. Условием допущения претендента на престол к власти должно быть в том числе знание тех принципов, включая и религиозные, которых придерживается кандидат. Они не должны угрожать ни религии, ни гражданскому устройству королевства. Если же претендент придерживается иных религиозных взглядов и полагает, что его религия может быть распространяема силой «оружия, крови и преследования», а монарх не может управлять иначе, как будучи абсолютным, то существуют серьезные основание не допускать подобного кандидата на престол. По традиции, именно эти положения и ассоциировались с католицизмом, а ярчайшим их проявлением в политике считался стиль правления Людовика XIV в соседней Франции. Именно туда бежал со своим малолетним сыном Яков II. В том, что эти же принципы усвоит и будущий якобитский претендент на английский престол, Тиррелл нисколько не сомневается. Поэтому парламент-конвент поступил абсолютно правильно, запретив занимать английский престол католикам[452]. Действия Якова по провозглашению веротерпимости в период его правления не убеждают Тиррелла,[453] согласного с

[451] Tyrrell J. A Brief Enquiry… P. 77.

[452] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 881.

[453] Поначалу Тиррелл придерживался противоположного мнения: в письме Локку в мае 1687 г. он отмечает, что значительная часть англичан с воодушевлением встретила новость о провозглашении

маркизом Галифаксом, пошутившим в известном памфлете, что король «прижимает диссентеров к груди только ради того, чтобы их легче было задушить»[454]. Главной целью, которая стояла за декларациями веротерпимости, по мнению Тиррелла, было стремление подорвать англиканскую церковь[455].

Используя исторические примеры, Тиррелл стремится утвердить определенную интерпретацию «старинной английской конституции», которая, основываясь на теоретико-идеологических принципах вигов, позволила бы обосновать переход короны в результате Славной революции. В своих работах 1690-х гг. Тиррелл учитывает в том числе и законодательство, принятое по результатам переворота, и также пытается встроить его в общую картину, отвечающую взглядам вигов. Не совсем справедливы утверждения ряда историков о большем радикализме Тиррелла в этот период, основывающиеся на том, что в сочинениях 1690-х гг. он открыто оправдывает право на сопротивление и свершившуюся смену правящего монарха. Скорее, он пытается «умерить» радикализм свершившихся событий, стремясь доказать, что Славная революция не совершила ничего, что не допускалось бы «старинной» английской конституцией. Передав трон Вильгельму Оранскому, англичане лишь воспользовались теми конституционными положениями, которые допускали применение радикальных мер в случае угрозы их жизни и собственности со стороны правительства. Сам термин «революция» трактуется Тирреллом не как чрезвычайная и нелегитимная смена правящего строя, а как вполне респектабельный способ действия, допускаемый положениями как естественного права, так и старинного законодательства. Главным достижением сочинений Тиррелла этого периода можно считать совмещение естественно-правовой и «конституционной» аргументации в оправдании права на сопротивление. Первая сторона аргументов восходит к радикальным протестантским и католическим

веротерпимости. Сам Тиррелл также одобрял подобное развитие государственной политики, хотя и не был согласен с тем методом, которым декларация была принята. Против декларации выступили только представители высокой церкви, к которым виги традиционно относились с подозрением. (James Tyrrell to Locke, 6 May [1687] // The Correspondence of John Locke. Ed. by E.S. de Beer. Vol. 3. Oxford: At the Clarendon Press, 1976. P. 191.)

[454] Saville George, Marquis of Halifax. A Letter to A Dissenter, upon Occaision of His Majesty's Late Gracious Declaration of Indulgence. London: Printed for G. H., 1687. P. 3.

[455] Tyrrell J. Bibliotheca Politica… P. 882.

теоретикам эпохи реформации и со времен гражданской войны связывалась в Англии с опасным радикализмом. «Конституционные» же аргументы, апеллирующие к существующему английскому праву, основывающемуся на традиции, восходящей в свою очередь к незапамятной древности, в XVII в. рассматриваются как гораздо более предпочтительный способ обоснования какой-либо политической позиции, поскольку в принципе не подразумевали радикального изменения характера политической системы. Тиррелл, совмещая два типа аргументации, стремится создать идеологическую базу для широкого общественного консенсуса в целях принятия и оправдания событий Славной революции.

Заключение

В последнюю четверть XVII в. ожесточенная политическая борьба в Англии возобновляется. Предметом этой борьбы становятся многие из целей, поставленных, но не реализованных в двадцатилетие первой английской революции. В этом процессе в Англии возникают и первые политические партии нового времени – тори и виги. Политические оппоненты стремятся, в свою очередь, опереться на определенные теоретические доктрины, которые позволили бы им завоевать симпатии более широких общественных кругов, зачастую обращаясь при этом к политическим работам, увидевшим свет еще в первой половине века. Сам факт подобного обращения свидетельствует о преемственности как политических и мировоззренческих вопросов, активно дискутировавшихся в парламенте и вне его, так и способов идеологической аргументации в пользу той или иной позиции.

В этой ситуации тори стремятся апеллировать к тому, что можно назвать «традиционными» для XVII в. ценностям и пытаются обосновать свою политическую тактику и стратегию с помощью патриархальной идеологии, разделяемой на бытовом уровне широкими кругами английского общества. Тезису парламентской оппозиции о праве народа на участие в политическом процессе «партия двора» стремится противопоставить патриархальную теорию Роберта Филмера. В своих сочинениях Филмер интерпретирует получивший к тому времени широкое распространение термин «естественное состояние» не в традиционно-эгалитаристском духе, а, напротив, как состояние, предполагающее абсолютную зависимость и подчинение детей родителям. Человек от рождения несвободен, полагает Филмер и выводит из этого «естественного» подчинения начало отношений власти. Источником абсолютной королевской власти он считает власть, данную Богом Адаму как отцу семейства. Поскольку власть эта основана по непосредственному божественному повелению, то и любое сопротивление ей невозможно.

Время создания «Патриарха» во многом было схоже с ситуацией, сложившейся в конце 1670-х гг., когда напряженная политическая обстановка вновь сделала актуальными вопросы, затронутые Филмером в его трактате: абсолютный характер королевской власти, недопустимость сопротивления монарху со стороны его подданных, трактовка парламента как института, подчиненного королевской власти, неограниченность полномочий короля в качестве верховного законодателя и т. п. Все аргументы Филмера базируются на отрицании изначальной, «естественной» свободы человека и того, что основой общественных отношений может стать договор. Именно поэтому «Патриарх» подводит определенную теоретическую основу под торийскую идеологию, утверждая ее на фундаменте из своеобразного соединения патриархальных и естественно-правовых идей.

Многие заметные теоретики из числа вигов поставили перед собой задачу опровержения патриархальной доктрины, которую тори использовали для обоснования реакционной политики, проводимой правительством. В полемику включились такие крупные фигуры, как Джон Локк, Олджернон Сидней и Джеймс Тиррелл. Однако только сочинению Тиррелла суждено было увидеть свет непосредственно в период «кризиса по вопросу об исключении». Именно его работа «Патриарх – не монарх» стала ответом вигов на идеологический демарш своих политических противников. В отличие от своего друга Джона Локка, более тесно связанного с кружком графа Шефтсбери, сделавшего ставку на радикальные заговорщицкие методы, Джеймс Тиррелл выступает от лица более широких и, как следствие, более умеренных рядов сторонников вигов. Но даже его можно охарактеризовать как «умеренного радикала», поскольку, несмотря на осторожность языка и формулировок в отношении открытого признания права на сопротивление и революцию, в «Патриархе – не монархе» Тиррелл выступает с обоснованием их возможности, хотя и в иносказательной форме и не конкретизируя возможные формы такового сопротивления. Ключевыми темами первого крупного сочинения Тиррелла являются тезисы, содержащие опровержение патриархальной идеологии Филмера: изначальная «естественная»

свобода человека, примат естественного закона и его рациональный характер, направленный на обеспечение свободы и безопасности людей, ограниченный характер отцовской власти, вытекающий из определенной интерпретации естественного закона, договорное начало любых и даже семейных отношений, происхождение власти в результате договора свободных индивидов и ее неизбежно ограниченная природа, а также ограниченный изначальной конституцией характер монархии в Англии.

Тирреллу важно подчеркнуть принципиальное различие отцовской и политической власти, а также показать, что ни та, ни другая не может носить деспотического характера. При этом Тиррелл делает достаточно радикальный в мировоззренческом отношении ход, утверждая, что власть в семье вручена Богом не только отцу, но и матери, а оба они являются равными сторонами договора, по которому вступают в брак. Тиррелл, кроме того, отрицает какие-либо права отца по отношению к детям, порождаемые самим фактом отцовства, утверждая при этом, что родительская забота о детях есть часть исполнения обязанностей, налагаемых на человека законами природы. Главным принципом рационально постигаемого естественного закона является при этом «общее благо человечества». Закон природы, в трактовке Тиррелла, носит универсальный и вневременной характер, а его понимание доступно людям вне зависимости от культурных и исторических условий их существования и определяется правильным использованием разума, присущего всем людям в силу их природы. Утверждая ограниченность прав отца по отношению к членам семьи естественным законом, или, что то же самое, законами разума, Тиррелл фактически обосновывает мораль внутрисемейных отношений, характерную для буржуазного общества Нового времени. Семья для него – это лишь малая, «нуклеарная» семья, и подобный порядок представляется ему продиктованным самими законами природы.

Под «естественным законом» в «Патриархе – не монархе» понимается веление разума, направленное на обеспечение условий, необходимых для гарантии жизни и безопасности человека. Естественный закон выше закона

позитивного в том смысле, что любой гражданский закон не должен ему противоречить. Люди вступают в общество и создают ту или иную систему правления лишь для обеспечения своих интересов и исходя из рациональных мотивов. Как следствие, политический режим, установленный таким образом, не должен вступать в противоречие с исходными целями людей и, следовательно, естественным правом. Тезис о необходимости соответствия реально существующего права рационально понимаемому естественному позволяет причислять Тиррелла к числу теоретиков раннего Просвещения.

В своих работах Тиррелл опровергает основные патриархальные установки Филмера: отождествление патриархальной власти отца семейства и политической власти государя, неограниченный характер власти их обоих, отрицание договора как основы семейных и общественных отношений и т.д. У Филмера государство вырастает из разросшейся семьи естественным образом. Тиррелл же уверен в наличии между ними принципиальной прерывности. Водоразделом между ними является договор, который лежит в основе перехода от естественного состояния к политическому. Хотя естественное состояние и не лишено определенных преимуществ, люди все же стремятся его покинуть, и причиной этого является появление собственности и необходимости ее защиты. В Европе, по мысли Тиррелла, главной целью верховной власти является «разрешение споров по поводу собственности». Не утверждая этого прямо, Тиррелл фактически наводит читателя на мысль, что причиной споров между людьми и, следовательно, необходимости в государстве как средстве разрешения этих конфликтов, является владение собственностью. Собственность в политических сочинениях вигов выступает ключевым понятием. Именно с идеей собственности связана в конечном счете и идея общественного договора, поскольку та или иная форма договорных отношений необходима для обеспечения и гарантии владения собственностью.

Ключевой вопрос политической теории XVII в. о происхождении политической власти решается Тирреллом в радикальном ключе. Источником власти для него являются люди, а в естественном состоянии властными

полномочиями по поддержанию естественного закона в действии наделен каждый индивид. В результате договора эта естественная власть передается одному лицу и, беря начало в каждом конкретном индивиде, образует не существовавший до тех пор моральный объект – «суверенитет». Созданная таким образом верховная власть после заключения соглашения находится уже в одном субъекте.

Признание договорного начала общественных отношений, таким образом, можно считать ключевой отличительной чертой идеологии как радикальных сторонников парламента в конфликтах первой английской революции, так и вигской оппозиции в правление Карла II. В договорной теории люди от природы свободны, что и задает возможность их участия в учреждении системы властных отношений и государства. Участие это в свою очередь не заканчивается лишь в момент учреждения общественного состояния, а сохраняет свою действенность и в последующем. Виги, включая и Тиррелла, опираются на положения теории естественного права (в основном в той форме, в какой она была разработана в трудах Гуго Гроция и Самуэля Пуфендорфа), а главный акцент делают на договорном характере происхождения общества и всех политических и правовых отношений.

Договорная теория Тиррелла имеет много общего с договорной теорией Локка. Ряд исследователей указывал на параллельность многих идей и аргументов «Патриарха – не монарха» и «Двух трактатов о правлении». Однако если ранее работа Тиррелла считалась вторичной, несмотря даже на более раннюю дату публикации, то сейчас предвзятость историков во многом преодолена, а важность Тиррелла как самостоятельного теоретика признается все более. И действительно, наиболее вероятным объяснением сходства идей двух мыслителей является то, что они оба зафиксировали идеи, широко обсуждаемые в среде своих единомышленников. При этом именно Тиррелла можно считать автором, наиболее последовательно отразившим в своем сочинении идеи широких кругов сторонников вигов о природе и характере общественных отношений в эпоху «кризиса по вопросу об исключении». Важнейшим отличием от Локка, в то же время сближающим Тиррелла с большинством партийных приверженцев,

является внимание к историческому аспекту применения договорной теории к английской конституционной практике. Именно Тиррелл в «Патриархе – не монархе» дает последовательное теоретическое обоснование политико-правовым идеям вигов эпохи «кризиса по вопросу об исключении».

В 1690-е гг. литературная активность Тиррелла приобретает больший размах, что объясняется тем, что партийно-политические разногласия не только не были устранены в результате Славной революции, но скорее даже усилены ее достаточно половинчатым характером. Как следствие, идеологическая борьба за определенную интерпретацию событий революции приобретает особую актуальность. В результате в течение сравнительно короткого времени выходит в свет сразу несколько сочинений Тиррелла, главная цель которых состоит в обосновании ключевых концепций вигской идейно-политической доктрины по отношению к событиям Славной революции 1688 г.

Одной из главных черт сочинений Тиррелла этого периода становится стремление найти общий фундамент для примирения позиций тори и вигов. Как следствие, Тиррелл более осторожен в формулировках и возможных выводах. Это не касается, однако, обоснования права на сопротивление, поскольку новый режим черпал значительную часть своей легитимности в революционных событиях 1688–1689 годов. Для того чтобы придать респектабельность этой легитимности и склонить как можно большее число колеблющихся «сельских джентльменов» в сторону принятия правления Вильгельма Оранского, Тиррелл выдвигает несколько ключевых аргументов. Во-первых, чтобы избежать обвинений в чрезмерном демократизме, Тиррелл подчеркивает, что право учреждения системы правления в естественном состоянии принадлежит не всему «беспорядочному множеству» людей, а лишь мужчинам – главам семей, владеющим собственностью. Именно эта группа лиц и представляет «народ», выступающий учредителем общественного состояния и государственной власти. Во-вторых, Тиррелл выступает с критикой доктрины пассивного повиновения, приобретшей в годы так называемой «торийской реакции» фактически статус официальной государственной идеологии. Это, в свою очередь, приводит к

необходимости обоснования права на сопротивление как традиционной компоненты «старинной» английской конституции.

Сам термин «революция» трактуется Тирреллом не как радикальное изменение политической системы, а как восстановление правильного порядка, предписанного конституцией и предусмотренного при первичном учреждении системы правления. Эта конституция предусматривает держание политической власти монархом на условиях доверения – «траста», бенефициаром которого является «народ». Для обозначения правителя, злоупотребляющего этим народным доверием, Тиррелл использует традиционный термин «тиран» и задействует аргументацию, разрабатываемую как протестантскими, так и католическими теоретиками с середины XVI в. В свете этих аргументов им интерпретируется и тезис об «отречении» Якова II от престола. Король добровольно отрекается от своего законного королевского сана, в случае если он злоупотребляет оказанным ему доверием и действует вопреки положениям «первоначальной» конституции.

Как и Джон Локк в «Двух трактатах о правлении», Тиррелл в «Политической библиотеке» делает важный шаг в развитии теории сопротивления и в объединении естественно-правовых и договорных теорий XVII в. с кальвинистскими доктринами сопротивления тираническому правлению, а также с традиционными тираноборческими идеями. В отличие от Локка, Тиррелл, кроме того, широко использует исторические или «конституционные» аргументы, совмещая их с естественно-правовыми и тираноборческими идеями. «Конституционная» аргументация традиционно считалась более консервативной и могла придать всей идеологической конструкции достаточно умеренный и респектабельный вид. Как это ни парадоксально, раннее произведение Тиррелла «Патриарх – не монарх» можно считать более радикальным, хотя в нем он менее откровенен в оправдании права на сопротивление. В сочинениях 1690-х гг. это право хотя и заявляется открыто, представлено как респектабельное законное средство, «издревле» доступное англичанам в чрезвычайных ситуациях.

Тиррелл стремится примирить все еще широко распространенное признание необходимости полного повиновения власти с идеями, обосновывающими необходимость защиты естественных и неотъемлемых прав человека. При тираническом правлении жизни и собственность людей находятся под угрозой, и, как следствие, они снова оказываются в естественном состоянии. В результате чего естественное право на самозащиту возвращается к людям. Тиррелл тем самым обосновывает актуальность естественных прав человека даже в гражданском состоянии, что в очередной раз указывает на его близость к идеям эпохи Просвещения. Тиррелл подчеркивает рациональную природу человека, который в стремлении к реализации собственных интересов тем не менее способен подняться до понимания их зависимости от интересов всего общества. Разум подсказывает индивиду, что основной интерес каждого человека состоит в сохранении общества, гарантирующего сохранение его жизни и собственности – основных приоритетов индивидуалистической личности буржуазного общества. Конституционные гарантии собственности с неизбежностью приводят к идее необходимости ограничения власти монарха. Ограниченная монархия, по Тирреллу, это такая форма правления, в которой верховная власть ограничена законом, при этом он прибегает к достаточно хитроумной аргументации с тем, чтобы заставить идею ограничения власти монарха выглядеть достаточно консервативно.

Тиррелл дает обоснование традиционной формуле, предусматривающей короля, лордов и общины, в которой король, оставаясь верховным законодателем, тем не менее может санкционировать лишь законы, полезные народу и предложенные его представителями в собрании. За королем при этом сохраняется право абсолютного вето, а законом даже в ограниченной монархии считается лишь провозглашенная воля государя. Тиррелл отрицает то, что данная система предполагает разделение властей. Власть даже в ограниченной монархии принадлежит всецело королю, который и остается верховным сувереном. Народ, в концепции Тиррелла, не может являться носителем суверенитета. Возможность подданных влиять на законодательный процесс обусловлена не их причастностью

к суверенной власти, а определенной конституционной формой, учрежденной по народному соглашению в самом начале истории Английского королевства.

В значительной части сочинений Тиррелла заметно также стремление «модернизировать» взгляды английского общества на многие вопросы не только политической, но и повседневной жизни. Разрабатываемая им идеология имела значение не только как программа политического действия, но и как программа постепенной трансформации общественных отношений. Сюда относятся в том числе и внутрисемейные отношения, что связано со значительным отходом от патриархальной традиции. Кроме того, в Тиррелле можно видеть и предшественника деизма эпохи Просвещения, а многие его аргументы направлены на секуляризацию сознания в отношении ключевых вопросов общественной и религиозной жизни. Согласно Тирреллу, Бог создал мир, человека и законы природы, но для постижения последних человеку достаточно лишь разума, и нет никакой существенной необходимости прибегать к авторитету религии и Священного Писания. Закон природы трактуется Тирреллом как универсальный и вневременной, доступный людям вне зависимости от культурных и исторических условий их существования. Для его постижения достаточно лишь правильно использовать разум, присущий всем людям от природы.

Еще один важный аспект его политической доктрины связан с отчетливым стремлением десакрализировать представления о власти, с тем чтобы выбить из-под ног сторонников абсолютизма их главный козырь и подорвать обоснованность теории «божественного права». Власть, в том числе и королевская, в сочинениях Тиррелла предстает как творение человеческих рук, учрежденная рациональными индивидами для лучшего обеспечения их жизненных целей и средств. Как следствие, они должны сохранять определенную степень контроля над способами ее реализации и корректировать политику правительства законными, «конституционными» способами, оговоренными в самый момент учреждения общественного организма.

Анализ сочинений Тиррелла в контексте политической борьбы в Англии в последней четверти XVII в. позволяет сделать вывод о значительной преемственности партийной идеологии и партийной лояльности в период до и после Славной революции 1688 г., а также о том, что многие из положений вигской доктрины, сформулированных в конце 1670-х – начале 1680-х гг. в ходе парламентской борьбы за принятие Билля об исключении и против попыток укрепления королевского абсолютизма, десятилетием позднее были использованы как для обоснования событий свершившейся Славной революции, так и для оправдания самой возможности переворота. Данный вывод свидетельствует в пользу тезиса о преемственности истории партий тори и вигов до и после Славной революции и зависимости линий партийного размежевания в 1690-е гг. от идеологических аргументов, выдвинутых уже в эпоху поздней Реставрации.

Достигнутые результаты исследования позволяют наметить перспективы дальнейшей разработки затронутой в диссертации проблематики. Это, прежде всего, расширение круга имен и изучение деятельности большего количества мыслителей «второго ряда», внесших, однако, значительный вклад в формирование идеологии ранних политических партий в Англии и других европейских странах; обращение внимание на другие аспекты деятельности Джеймса Тиррелла и его современников, связанные с постепенным формированием канона так называемой «вигской» историографии; изучение историографических и общественно-политических дискуссий по важным историческим и политико-теоретическим вопросам, в то же время связанным с актуальной социально-политической и социально-экономической проблематикой; дальнейшее изучение самого широкого круга аспектов идеологического оформления партий в раннее Новое время.

Список использованных источников и литературы

Источники

Сочинения Дж. Тиррелла

1. Tyrrell J. The Epistle Dedicatory / J. Tyrrell // Ussher James. The Power Communicated by God to the Prince and the Obedience Required from the Subject. – London, 1661. – n.p.

2. Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha. The patriarch unmonarch'd: being observations on a late treatise and divers other miscellanies, published under the name of Sir Robert Filmer, Baronet: in which the falseness of those opinions that would make monarchy Jure divino are laid open, and the true principles of government and property (especially in our kingdom) asserted / by a lover of truth and of his country / J. Tyrrell. – London: Printed for Richard Janeway, 1681. – 260 p.

3. Tyrrell J. The general history of England, as well ecclesiastical as civil. from the earliest accounts of time to the reign of his present Majesty King William: taken from the most antient records, manuscripts, and historians: containing the lives of the kings and memorials of the most eminent persons both in church and state: with the foundations of the noted monasteries and both the universities / J. Tyrrell. – London: Printed for Henry Rhodes, 1696. – 710 p.

4. Tyrrell J. The General History of England both Ecclesiastical and Civil. Vol. II. From the Beginning of the Reign of King William I to the End of the Reign of King Henry III / J. Tyrrell. – London: Printed by W. Rogers, 1700. – 728 p.

5. Tyrrell J. A Brief Disquisition of the Law of Nature According to the Principles and Method Laid down by the Reverend Dr. Cumberland's Treatise on that Subject / J. Tyrrell. – London: Printed by Richard Baldwin, 1692. – 396 p.

6. Tyrrell J. A Brief enquiry into the ancient constitution and government of England as well in respect of the administration, as succession thereof. Set forth by way

of Dialogue, and fitted for Men of Ordinary Learning and Capacities. By a true lover of his country / J. Tyrrell. – London: Printed by R. Baldwin, 1695. – 101 p.

7. Tyrrell J. Bibliotheca politica: or An enquiry into the ancient constitution of the English government both in respect to the just extent of regal power, and the rights and liberties of the subject. Wherein all the chief arguments, as well against, as for the late revolution, are impartially represented, and considered, in thirteen dialogues. Collected out of the best authors, as well antient as modern. To which is added an alphabetical index to the whole work / J. Tyrrell. – London: Printed for R. Baldwin, 1694. – 968 p.

Работы сторонников тори и их предшественников

8. A.B. Allegiance vindicated, or the takers of the new oath of allegiance to K. William & Q. Mary justified and the lawfulness of taking it asserted, in its consistency with our former oaths, and also with the doctrine of the Reformed Church of England, concerning non-resistance & passive obedience, by a Divine of the Church of England. – London: Printed for Brabazon Aylmer, 1690. – 34 p.

9. Bohun Edm. Epistle Dedicatory / Edm. Bohun // Patriarcha: or the Natural Power of Kings. By the Learned Sir Robert Filmer, Baronet. – London : Printed for R. Chiswel, W. Hensman, M. Gilliflower, and G. Wells, 1685. – n.p.

10. Bohun Edm. Preface to the Reader / Edm. Bohun // Patriarcha, or, The natural power of kings by the learned Sir Robert Filmer… London : Printed for R. Chiswel, W. Hensman, M. Gilliflower, and G. Wells, 1685. – n.p.

11. Filmer R. Observations upon H. Grotius De Jure Belli et Pacis / R. Filmer // Patriarcha and other Political Works of Sir Robert Filmer / Ed. by Peter Laslett. – Oxford : Blackwell, 1949. – P. 261–274.

12. Filmer R. The Anarchy of a Limited or Mixed Monarchy / R. Filmer // Patriarcha and Other Political Works of Sir Robert Filmer / Ed. By Peter Laslett. – Oxford : Blackwell, 1949. – P. 275–314.

13. Filmer R. Patriarcha: or the Natural Power of Kings. By the Learned Sir Robert Filmer, Baronet / R. Filmer. – London : printed by Walter Davis, 1680. – 141 p.

14. Filmer R. The Necessity of the Absolute Power of all Kings: and in particular, of the King of England / R. Filmer. – London, s. n. 1648. – 12 p.

15. Hickes G. A discourse of the soveraign power in a sermon preached at St. Mary Le Bow, Nov. 28, 1682, before the Artillery Company of London… / G. Hickes. – London: Printed for John Baker, 1682. – 36 p.

16. Maynwaring R. The First Sermon Preached before the Kings Majestie at Oatlands, on the fourth Day of July 1627 / R. Maynwaring // Religion and allegiance by Roger Maynwaring. – London: Printed by I. H. for Richard Badger, 1627. – P. 1–33.

17. Maynwaring R. The Second Sermon Preached before the Kings Majestie at Oatlands, on the 29th Day of July 1627 / R. Maynwaring // Religion and allegiance by Roger Maynwaring. – London: Printed by I. H. for Richard Badger, 1627. – P. 1–56.

18. Ussher J. The Power Communicated by God to the Prince and the Obedience Required from the Subject / J. Ussher – London, 1661. – 231 p.

Работы сторонников вигов и их предшественников

19. Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Локк Дж. Сочинения в 3-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1988. – С. 135–405.

20. Локк Дж. Послание о веротерпимости / Дж. Локк // Локк Дж. Сочинения в 3-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1988. – С. 91–134.

21. Buckingham G. Villiers, Duke of. The Duke of Buckinghams Speech in the House of Lords, November 16 1675 / G. Villiers, the Duke of Buckingham // Two Speeches. I. The Earl of Shaftsbury’s Speech in the House of Lords the 20th. of October, 1675. II. The D. of Buckingham’s Speech in the House of Lords the 16th. of November 1675. Together with the Protestation, and Reasons of several Lords for the Dissolution of this Parliament; Entered in the Lords Journal the day the Parliament was Prorogued, Nov. 22d 1675. – Amsterdam: s.n., 1675. – P. 13–14.

22. Fortescue J. On the Laws of England / J. Fortescue // The Works of Sir John Fortescue, Knight, Chief Justice of England and Lord Chancellor to King Henry the

Sixth / Collected and arranged by Thomas Fortescue, Lord Clermont. Vol. 2. – London: Printed for private distribution, 1869. – P. 337–448.

23. Fortescue J. The Difference between an Absolute and Limited Monarchy / J. Fortescue. – London: Printed by W. Bowyers, 1714. – 148 p.

24. Halifax G. Saville, Marquis of. A Letter to A Dissenter, upon Occaision of His Majesty's Late Gracious Declaration of Indulgence / G. Saville, the Marquis of Halifax. – London: Printed for G. H., 1687. – 17 p.

25. Locke J. First Tract on Government / J. Locke // Locke. Political Essays. – Ed. by Mark Goldie. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – P. 3–53.

26. Petyt W. The Antient Right of the Commons of England Asserted / W. Petyt. – London: Printed for F. Smith, T. Bassett, J. Wright, R. Chiswell and S. Heyrick, 1680. – 184 p.

27. Shaftesbury A. Ashley Cooper, Earl of. The E… of S…'s Speech in the House of Lords, upon the debate of appointing a Day for hearing Doctor Shirley's Cause, 20 November 1675 / A. Ashley Cooper, the Earl of Shaftesbury // Two Speeches Made in the House of Peers. By a Protestant Peer of the Realm of England. – The Hague: s. n., 1680. – P. 3–11.

28. Shaftesbury Anthony Ashley Cooper, Earl of. A Speech made in the House of Peers, by the E… of S… November 1678 upon consideration of the state and condition of England, Scotland and Ireland / A. Ashley Cooper, the Earl of Shaftesbury // Two Speeches Made in the House of Peers. By a Protestant Peer of the Realm of England. – The Hague: s. n., 1680. – P. 12–15.

29. Shaftesbury A. Ashley Cooper, Earl of. A Letter from a Person of Quality to a Friend in the Country / A. Ashley Cooper, the Earl of Shaftesbury. – London: s. n., 1675. – 32 p.

30. The Correspondence of John Locke / Ed. by E.S. de Beer. – Vol. 3. – Oxford: At the Clarendon Press, 1976. – 801 p.

Общетеоретические работы

31. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Гоббс Т. Сочинения в 2-х тома. Т. 2. М.: Мысль, 1991. – С. 3–546.

32. Гроций Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – 867 С.

33. Кальвин Ж. Наставления в христианской вере / Ж. Кальвин. – Книга IV. Можайск, 1997. – 639 С.

34. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основании неравенства между людьми / Ж.-Ж. Руссо // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. – С. 31–108.

35. Vindiciae, contra tyrannos: siue, de principis in populum, populíque in principem, legitima potestate, Stephano Iunio Bruto Celta, auctore. – Edinburgh: Printed by T. Guarinus, 1579. – 236 p.

Официальные документы правительства, церкви и университетов

36. Bishop Overall’s Convocation Book, MDCVI. Concerning the Government of God’s Catholic Church and kingdoms of the Whole World. – London: Printed for Walter Kettilby at the Bishop’s Head in St. Paul’s Church Yard, 1690. – 338 p.

37. Cobbet’s Parliamentary History of England: from the Norman Conquest in 1066 to the year 1803. – Vol. 5. – London: Printed by T.C. Hansard, 1809. – 1344 p.

38. Constitutions and canons ecclesiasticall; treated upon by the Archbishops of Canterbury and York, presidents of the convocations for the respective provinces of Canterbury and York, and the rest of the bishops and clergie of those provinces; and agreed upon with the Kings Majesties licence in their severall synods begun at London and York. 1640. – London: Printed by Robert Barker, 1640. – 42 p.

39. Eighteenth Century Constitution. Documents and Commentary / Compiled and introduced by E. N. Wiliams. – Cambridge : Cambridge University Press, 1970. – 464 p.

40. English Historical Documents, 1660–1714 / Ed. by A. Browning. – London : Routledge, 1966. – 966 p.

41. His Majesties Most Gracious Speech Together with the Lord Chancellors, To both Houses of Parliament, On Monday, October 27, 1673. By his Majesties special command. – Edinburgh: Re-printed by Andrew Anderson, printer to the Kings most excellent Majesty, 1673. – 8 p.

42. The judgment and decree of the University of Oxford past in their convocation, July 21. 1683. Against certain pernicious books, and damnable doctrines destructive to the sacred persons of princes their state and government, and of all humane society. Rendred into English, and published by command. – Dublin: reprinted and are to be sold at His Majesties printing-house on Ormond-Key, and by Joseph Wild bookseller in Castle-street, 1683. – 6 p.

Литература

43. Аверьянова Е. В. Проблема «послушания» (obedience) в английской конфессиональной мысли 1620-х гг. / Е. В. Аверьянова, Г. И. Баязитова, Ж. Ю. Васильева, Е. В. Исаева, С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева, Е. В. Новокрещенных, И. В. Соколовская // Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования. Философия. – 2013. – С. 146–153.

44. Айзенштат М. П. Великобритания нового времени: политическая история / М.П. Айзенштат. – М. : Ин-т Всеобщей истории РАН, 2002. – 99 с.

45. Айзенштат М. П. Британия нового времени: политическая история : уч. пособие / М.П. Айзенштат. – М. : Книжный дом «Университет», 2007. – 203 с.

46. Английская буржуазная революция XVII века : в 2. т. / Под ред. Е. А. Косминского, Я. А. Левицкого. – М. : Издательство Академии Наук СССР, 1954. – Т. 2. – 384 с.

47. Англия в эпоху абсолютизма: (ст. и источники). / Под ред. Ю. М. Сапрыкина. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 199 с.

48. Андерсен П. Родословная абсолютистского государства / П. Андерсен. – М. : Территория будущего, 2010. – 511 с.

49. Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей / М. А. Барг. – М. : Мысль, 1991. – 400 с.

50. Барг М. А. Английская буржуазная революция XVII века: Некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII века / М. А. Барг, В. М. Лавровский. – М. : Изд-во социально-экономической литературы. 1958. – 366 с.

51. Барг М. А. Великие социальные революции XVII–XVIII веков в структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму / М. А. Барг, Е. Б. Черняк. – М. : Наука, 1990. – 256 с.

52. Виппер Р. Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма / Р. Виппер. – М., 1894. – 686 с.

53. Всемирная история экономической мысли: в 6 томах. Т. 1. От зарождения экономической мысли до первых теоретических систем политической жизни. – М. : Мысль, 1987. – Т. 1. – 595 с.

54. Журавлев А. В. Идея суверенитета в политической теории Джеймса Тиррелла (1642–1718) / А. В. Журавлев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9. – С. 80–82.

55. Журавлев А. В. Опровержение патриархализма в политической теории ранних вигов: «Патриарх – не монарх» Джеймса Тиррелла / А. В. Журавлев // Европейская цивилизация: мировой исторический опыт и современные проблемы: сборник научных трудов. – 2015. – С. 26–30.

56. Журавлев А. В. Особенности абсолютистской доктрины в «Патриархе» Роберта Филмера / А. В. Журавлев // Научный диалог. – 2017. – № 9. – С. 103–114.

57. Журавлев А. В. Трактовка происхождения собственности в политической теории Джеймса Тиррелла (1642–1718) / А. В. Журавлев // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 8. – С. 125–127.

58. Ивонина Л. И. Дипломатия и революция (Две английские революции и европейская политика XVII века) / Л. И. Ивонина. – Смоленск, 1998. – 276 с.

59. Ивонина Л. И. Драма династии Стюартов / Л. И. Ивонина. – М. : Ломоносов, 2016. – 313 с.

60. Ивонина Л. И. Очерки международных отношений в Европе во время становления Вестфальской системы (1648–1715) / Л. И. Ивонина. – М. : РКонсульт, 2005. – 235 с.

61. Кондратьев С. В. Английская революция XVII в. / С. В. Кондратьев. – М.: Академия, 2010. – 192 с.

62. Кондратьев С. В. Джон Донн о порядке, послушании и проповеди / С. В. Кондратьев // Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования. История. – 2013. – № 2. – С. 67–72.

63. Кондратьев С. В. Идея порядка в политическом и правовом дискурсе предреволюционной Англии / С. В. Кондратьев // Вестник ТюмГУ. Философия. – 2012. – № 10. – С. 29–37.

64. Кондратьев С. В. Идея права в предреволюционной Англии / С. В. Кондратьев. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 1996. – 171 с.

65. Кондратьев С. В. Парламентарии против Роджера Мэнверинга или “свобода” и “право” versus “послушание” и “прерогатива” / С. В. Кондратьев. – Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2012. – № 1. – С. 207–220.

66. Кондратьев С. В. Юристы общего права предреволюционной Англии о происхождении государства и права / С. В. Кондратьев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1995. – №6. – С. 68–76.

67. Кут С. Августейший мастер выживания. Жизнь Карла II. Пер. с англ. / С. Кут. – М. : АСТ, 2004. – 448 с.

68. Лабутина Т. Л. Английское просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль / Т. Л. Лабутина, Д. В. Ильин. – СПб. : Алетейя, 2012. – 304 с.

69. Лабутина Т. Л. Англия между двумя революциями, 1660–1688 / Т. Л. Лабутина // Вопросы истории. – 1984. – № 10. С. 158–167.

70. Лабутина Т. Л. Наследие Английской революции в идеологии ранних политических партий / Т. Л. Лабутина // Вестник СПбГУ. История. – 2017. – Т. 62. – Вып. 3. С. 587–600.

71. Лабутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов (1660–1681) / Т. Л. Лабутина. – М. : Наука, 1982. – 208 с.

72. Лабутина Т. Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения, 1689–1714 / Т. Л. Лабутина. – М. : IRIS PRESS, 1994. – 303 с.

73. Лавджой А. Великая цепь бытия. История идеи / А. Лавджой. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.

74. Мердок Дж. П. Социальная структура / Дж. П. Мердок. – М. : ОГИ, 2003. – 608 с.

75. Мортон А. Л. История Англии / А. Л. Мортон. – М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – 462 с.

76. Новая история. Британская империя: современные подходы и оценки / Под ред. М. П. Айзенштат. – М. : ИВИ РАН, 2007. – 165 с.

77. Общественно-политическая мысль европейского Просвещения / Под ред. М. Н. Мещеряковой. – М. : Книжный дом «Университет», 2002. – 383 с.

78. Политические партии Англии. Исторические очерки (Монография в честь Татьяны Леонидовны Лабутиной) / Под ред. М. П. Айзенштат. – СПб. : Алетейя, 2017. – 360 с.

79. Просветительское движение в Англии / Под ред. Н. С. Мещеряковой. – М. : Издательство МГУ, 1991. – 445 с.

80. Сатышев В. Е. Политическая и правовая мысль эпохи Английской революции XVII века. От абсолютизма к конституционализму / В. Е. Сатышев. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2001. – 248 с.

81. Станков К. Н. Король Яков II и становление движения якобитов, 1685–1701 / К. Н. Станков. – СПб. : Алетейя, 2014. – 416 с.

82. Станков К. Н. Уильям Пенн, Яков II Стюарт и движение якобитов / К. Н. Станков // Вопросы истории. – № 1. – 2014. – С. 109–121.

83. Тревельян Д. М. Социальная история Англии / Д. М. Тревельян. – М. : Издательство иностранной литературы, 1959. – 607 с.

84. Тревельян Д. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории / Д. М. Тревельян. – Смоленск : Русич, 2001. – 624 с.

85. Хилл К. Английская революция / К. Хилл. – М. : Гос. изд-во иностранной литературы, 1947. – 184 с.

86. Шарифжанов И. И. Английская историография в XX в.: Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления / И. И. Шарифжанов. – Казань : Изд-во Казан. Ун-та, 2004. – 238 с.

87. Шарфижанов И. И. Современная английская историография буржуазной революции XVII в.: Основные идейно-методологические тенденции и направления: учебное пособие / И. И. Шарифжанов. – М.: Московский гос. пед. ин-т им. Ленина, 1982. – 99 с.

88. Эрлихсон И. М. Английская общественная мысль второй половины XVII века / И. М. Эрлихсон. – М. : Научная книга, 2007. – 208 с.

89. Эрлихсон И. М. В поисках идеала: Из истории английской утопической мысли второй половины XVII-начала XVIII вв. / И. М. Эрлихсон. – М. : Научная книга, 2008. – 306 с.

90. Эрлихсон И. М. Роберт Фильмер и политическая философия абсолютизма периода поздней реставрации (1679–1689 гг.) / И. М. Эрлихсон // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – Том 9. – Вып. 11. – 2009. – С. 50–55.

91. Яковлев А. Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина / А. Яковлев. – М. : Издательство института Гайдара, 2013. – 423 с.

92. Ashcraft R. Locke, Revolution Principles and the Formation of Whig Ideology / R. Ashcraft, M. M. Goldsmith // The Historical Journal. – Vol. 26. – No. 4 . – 1983. – P. 773–800.

93. Ashcraft R. Revolutionary Politics and Locke's Two Treatises of Government: Radicalism and Lockean Political Theory / R. Ashcraft // Political Theory. – Vol. 8. – No. 4 . – Nov., 1980. – P. 429–486.

94. Ashcraft R. Revolutionary Politics and Locke's Two Treatises of Government / R. Ashcraft. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1986. – 613 p.

95. Bamfort N. Patriarchal Religion, Sexuality and Gender. A Critique of New Natural Law / N. Bamfort, D. A. J. Richards. – New York : Cambridge University Press, 2008. – 403 p.

96. Behrens B. The Whig Theory of the Constitution in the Reign of Charles II / B. Behrens // The Cambridge Historical Journal. – Vol. 7. – No. 1. – 1941. – P. 42–71.

97. Blythe J. M. Ideal Government and the Mixed Constitution in the Middle Ages / J. M. Blythe. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1992. – 343 p.

98. Brewer J. The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1783 / J. Brewer. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1988. – 290 p.

99. Britain after the Glorious Revolution, 1689–1714. / Ed. by G. Holmes. – London : Macmillan, 1969. – 245 p.

100. Britain in the First Age of Party, 1680–1750: Essays Presented to Geoffrey Holmes. / Ed. by Clyve Jones. – London and Ronceverte : The Hambledon Press, 1987. – 292 p.

101. Browning A. Parties and Party Organisation in the Reign of Charles II / A. Browning // Transactions of the Royal Historical Society. – Vol. 30. – 1948. – P. 21–36.

102. Buckle S. Natural Law and the Theory of Property, Grotius to Hume / S. Buckle. – Oxford : Oxford University Press, 1991. – 324 p.

103. Burgess G. British Political Thought, 1550 – 1660: The Politics of the Post-Reformation / G. Burgess. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. – 448 p.

104. Burgess G. Absolute Monarchy and the Stuart Constitution / G. Burgess. – New Haven : Yale University Press, 1996. – 229 p.

105. Burgess G. The Politics of Ancient Constitution: An Introduction to English Political Thought, 1600–1642 / G. Burgess. – University Park, PA : Pennsylvania State University, 1993. – 312 p.

106. Childs J. The Army, James II and the Glorious Revolution / J. Childs. – Manchester : Manchester University Press, 1980. – 226 p.

107. Childs J. The Ninth Year War and the British Army, 1688–1697: The Operations in the Low Countries / J. Childs. – Manchester and New York : Manchester University Press, 1991. – 375 p.

108. Christie W. D. A Life of Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1667–1683: Vol. II. / W. D. Christie. – London and New York : Macmillan and Co., 1871. – 1734 p.

109. Claydon T. William III's Declaration of Reasons and the Glorious Revolution / T. Claydon // The Historical Journal. – Vol. 39. – No. 1. – Mar., 1996. – P. 87–108.

110. Coward B. The Stuart Age: England, 1603–1714 / B. Coward. – Hoboken : Taylor & Francis, 2014. – 587 p.

111. Cruickshanks E. Religion and Royal Succession – The Rage of Party / E. Cruickshanks // Britain in the First Age of Party, 1680–1750: Essays Presented to Geoffrey Holmes / Ed. by Clyve Jones. – London & Ronceverte : The Hambledon Press, 1987. – 317 p.

112. Cust R. Charles I and Popularity / R. Cust // Politics, Religion and Popularity in Early Stuart Britain. Essays in Honour of Conrad Russell / Ed. by T. Cogswell, R. Cust, P. Lake. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – P. 243–245.

113. Cuttica C. Sir Robert Filmer (1588–1653) and the Patriotic Monarch: Patriarchalism in Seventeenth–Century Political Thought / C. Cuttica. – Manchester : Manchester University Press, 2012. – 296 p.

114. Daly J. Some Problems in the Authorship of Sir Robert Filmer's Works / J. Daly // The English Historical Review. – Vol. 98. – No. 389. – Oct., 1983. – P. 747–762.

115. Daly J. Sir Robert Filmer and English Political Thought / J. Daly. – Toronto: University of Toronto Press, 1979. – 212 p.

116. Deazley R. On the Origin of the Right to Copy: Charting the Movement of Copyright Law in Eighteenth Century Britain (1695–1775) / R. Deazley. – Oxford and Portland, Oregon : Bloomsbury Publishing, 2004. – 264 p.

117. Dunn J. Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon / J. Dunn. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – 350 p.

118. Dunn J. The Political Thought of John Locke: An Historical Account of the Argument of the "Two Treatises of Government" / J. Dunn. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 290 p.

119. Eccleshall R. Order and Reason in Politics: Theories of Absolute and Limited Monarchy in Early Modern England / R. Eccleshall. – New York : Oxford University Press, 1978. – 197 p.

120. England's Rise to Greatness, 1660–1763 / Ed. By Stephen B. Baxter. – Berkley : University of California Press, 1983. – 380 p.

121. Ford A. James Ussher: Theology, History and Politics in Early Modern Ireland and England / A. Ford. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 328 p.

122. Furley O. W. The Whig Exclusionists: Pamphlet Literature in the Exclusion Campaign, 1679–1681 / O. W. Furley // The Cambridge Historical Journal. – Vol. 13. – No. 1. – 1957. – P. 19–36.

123. George M. D. Elections and Electioneering, 1679–1681 / M. D. George // The English Historical Review. – Vol. 45. – No. 180. – Oct. 1930. – P. 552–580.

124. Gierke O. F. von. Natural Law and the Theory of Society, 1500 to 1800. Vol. 1. / O. F. von Gierke. – London : Cambridge University Press, 1934. – Vol. 1. – 423 p.

125. Godfrey D. Charles II in 1660 / D. Godfrey // Huntington Library Quarterly. – Vol. 19. – No. 3. – May, 1956. – P. 245–275.

126. Goldie M. John Locke's Circle and James II / M. Goldie // The Historical Journal. – Vol. 35. – No. 3. – Sep., 1992. – P. 557–586.

127. Goldie M. Tyrrell, James (1642–1718) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford University Press, 2004. – [electronic resource].

128. Gough J. W. James Tyrrell, Whig Historian and Friend of John Locke / J. W. Gough // The Historical Journal. – Vol. 19. – No. 3. – Sep., 1976. – P. 581–610.

129. Gough J. W. John Locke's Political Philosophy: Eight Studies / J. W. Gough. – Oxford : Clarendon Press, 1973. – 225 p.

130. Gough J. W. The Social Contract: A Critical Study of Its Development / J. W. Gough. – Westport : Greenwood Press, 1978. – 259 p.

131. Haley K. H. D. The First Earl of Shaftesbury / K. H. D. Haley. – Oxford : Clarendon Press, 1968. – 767 p.

132. Halliday Paul D. Dismembering the Body Politic: Partisan Politics in England's Towns, 1650–1730 / P. D. Halliday. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 416 p.

133. Harris T. "Lives, Liberties and Estates": Rhetorics of Liberty in the Reign of Charles II / T. Harris // The Politics of Religion in Restoration England / Ed. by Tim Harris, Paul Seaward, Mark Goldie. – Oxford : Blackwell, 1990. – P. 217–242.

134. Harris T. Tory and the Rule of Law in the Reign of Charles II / T. Harris // The Seventeenth Century. – Vol. 8. – No. 1. – Spring, 1993. – P. 9–27.

135. Harris T. Politics under the Later Stuarts: Party Conflict in a Divided Society, 1660–1715 / T. Harris. – New York & London : Routledge, 1993. – 260 p.

136. Harris T. Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy 1685–1720 / T. Harris. – Allen Lane : Penguin, 2007. – 640 p.

137. Heyck T. A History of the Peoples of the British Isles: from 1688 to 1914: Vol. 3. / T. Heyck, Staford E. Lehmberg. – London : Routledge, 2002. – 344 p.

138. History of Oxford University Press. Vol. I: Beginnings to 1760 / Ed. by Ian Gadd, Simon Eliot and William Roger Louis. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 768 p.

139. Holmes G. British Politics in the Age of Anne / G. Holmes. – London : Macmillan, 1967. – 546 p.

140. Holmes G. Politics, Religion and Society in England, 1679–1742 / G. Holmes. – London and Ronceverte : The Humbledon Press, 1986. – 369 p.

141. Hoppit J. A Land of Liberty? England: 1689–1727 / J. Hoppit. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 580 p.

142. Horwitz H. Parliament, Policy and Politics in the Reign of William III / H. Horwitz. – Manchester : Manchester University Press, 1977. – 385 p.

143. Hutton R. The Restoration: A Political and Religious History of England and Wales / R. Hutton. – Oxford : Oxford University Press, 1986. – 379 p.

144. Jenkinson M. Culture and Politics and the Court of Charles II, 1660–1685 / M. Jenkinson. – Woodbridge : The Boydell Press, 2010. – 253 p.

145. Jennings I. Party Politics. Vol. 2: The Growth of Parties / I. Jennings Cambridge : Cambridge University Press, 1961. – Vol. 2. – 416 p.

146. Jones J. R. Country and Court: England, 1658–1714 / J. R. Jones. – Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1978. – 377 p.

147. Jones J. R. The First Whigs: The Politics of the Exclusion Crisis, 1678–1683 / J. R. Jones. – London, New York : Oxford University Press, 1961. – 224 p.

148. Jones J. R. The Revolution of 1688 in England / J. R. Jones. – Wiedenfeld and Nicholson, 1972. – 345 p.

149. Kenyon J. P. Revolution Principles. The Politics of Party, 1689–1720 / J. P. Kenyon. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – 248 p.

150. Kenyon J. P. Stuart England / J. P. Kenyon. – London : Cox & Wyman, 1978. – 378 p.

151. Kingdom without a King: The Journal of the Provisional Government in the Revolution of 1688 / Ed. by Robert Beddard. – Oxford : Phaidon Press, 1988. – 209 p.

152. Kraynak R. P. John Locke: From Absolutism to Toleration / R. P. Kraynak // The American Political Science Review. – Vol. 74. – No. 1. – Mar., 1980. – P. 53–69.

153. Krey G. S. de. The First Restoration Crisis: Conscience and Coercion in London, 1667–1673 / G. S. de Krey // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. – Vol. 25. – No 4. – Winter, 1993. – P. 565–580.

154. Laslett P. Introduction / P. Laslett // John Locke. Two Treatises on Government / Ed. with Introduction and notes by P. Laslett. – Cambridge : Cambridge University Press, first edition 1960, 1988. – P. 3–127.

155. Laslett P. Introduction / P. Laslett // Patriarcha and other Political Works of Sir Robert Filmer / Ed. and with Introduction by Peter Laslett. – Oxford : Blackwell, 1949. – P. 1–43.

156. Laslett P. Sir Robert Filmer: The Man versus the Whig Myth / P. Laslett // The William and Mary Quarterly. – Third Series. – Vol. 5. – No. 4. – Oct. 1948. – P. 523–546.

157. Laslett P. The English Revolution and Locke's "Two Treatises of Government" / P. Laslett // The Cambridge Historical Journal. – Vol. 12. – No. 1. – 1956. – P. 40–55.

158. Laslett P. The World We Have Lost: Further Explored / P. Laslett. – London: Routledge, 2000. – 376 p.

159. Liberty Secured? Britain before and after 1688 / Ed. by J. R. Jones. – Stanford, California : Stanford University Press, 1992. – 413 p.

160. Lingard J. A History of England from the First Invasion by the Romans to the Twenty Seventh Year of the Reign of Charles II. Vol. VII / J. Lingard. – London : Baldwin and Cradock, 1829. – Vol. VII. – 638 p.

161. Lodge R. The History of England from the Restoration to the Death of William III / R. Lodge. – London : Longmans, 1903. – 517 p.

162. Maccauley T. B. The History of England from the Accession of James II / T. B. Maccauley. – Boston and New York : Houghton, Mifflin and Company, 1901. – 589 p.

163. Marshall A. “Mechanic Tyrannie”: Anthony Ashley Cooper and the English Republic / A. Marshall // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. – Burlington : Ashgate, 2011. – P. 27–50.

164. Miller J. James II / J. Miller. – New Haven and London : Yale University Press, 1978. – 286 p.

165. Milton Ph. Shaftesbury and the Rye House Plot / Ph. Milton // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury. 1621–1683 / Ed. by John Spurr. – Burlington : Ashgate, 2011. – P. 233–268.

166. Monod P. K. Jacobitism and the English People, 1688–1788 / P. K. Monod. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – 408 p.

167. Namier L. The Structure of Politics at the Accession of George III / L. Namier. – London : Macmillan Press, 1957 (first published 1929). – 514 p.

168. Nootens G. Popular Sovereignty in the West: Polities, Contention and Ideas / G. Nootens. – New York: Routledge, 2013. – 132 p.

169. Ogg D. William III / D. Ogg. – New York : The Macmillan, 1956. – 139 p.

170. Oliver H. J. Sir Robert Howard (1628–1698), a Critical Biography / H. J. Oliver. – Durham, NC : Duke University Press, 1963. – 346 p.

171. Osmund A. Charles II / A. Osmund. – London : Longmans, 1904. – 416 p.

172. Osmund A. Lauderdale, 1670–1682 / A. Osmund // The English Historical Review. – Vol. 1. – No. 3. – Jul., 1886. – P. 445–469.

173. Patterson A. The Long Parliament of Charles II / A. Patterson. – New Haven & London : Yale University Press, 2008. – 280 p.

174. Pincus S. 1688: The First Modern Revolution / S. Pincus. – New Haven and London : Yale University Press, 2009. – 647 p.

175. Plumb J. H. The Growth of the Electorate in England from 1600 to 1715 / J. H. Plumb // Past & Present. – No. 45. – Nov. 1969. – P. 90–116.

176. Pocock J. G. A. The Ancient Constitution and the Feudal Law. A Study of English Historical Thought in the Seventeenth Century / J. G. A. Pocock. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 402 p.

177. Political Innovation and Conceptual Change / Ed. by Terence Ball, James Farr and Russell L. Hanson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – 371 p.

178. Pollock J. The Popish Plot: a Study in the History of the Reign of Charles II / J. Pollock. – London : Duckworth, 1903. – 419 p.

179. Prall S. E. The Bloodless Revolution: England, 1688 / S. E. Prall. – Madison, Wisconsin : The University of Wisconsin Press, 1985. – 360 p.

180. Revolutions of 1688. The Andrew Browning Lectures, 1988 / Ed. by R. Beddard. – Oxford : Oxford University Press, 1988. – 320 p.

181. Ronalds F. S. The Attempted Whig Revolution of 1678–1681 / F. S. Ronalds. – Urbana : University of Illinois, 1937. – 203 p.

182. Rose C. England in the 1690s: Revolution, Religion and War / C. Rose. – Oxford : Blackwell, 1999. – 352 p.

183. Rudolph J. Revolution by Degrees: James Tyrrell and Whig Political Thought in the Late Seventeenth Century / J. Rudolph. – N.-Y. : Palgrave Macmillan, 2002. – 231 p.

184. Ryan J. S. The Life of William the Third: King of Great Britain and Ireland, Stadtholder of Holland, Prince of Orange, Etc. / J. S. Ryan. – Dublin : Grant and Bolton, 1836. – 335 p.

185. Schochet G. Patriarchalism in Political Thought: The Authoritarian Family and Political Speculation and Attitudes Especially in Seventeenth–Century England / G. Schochet. – Oxford : Blackwell, 1975. – 291 p.

186. Schwoerer L. The Declaration of Rights, 1689 / L. Schwoerer. – Baltimore : John Hopkins University Press, 1981. – 391 p.

187. Scott J. Algernon Sidney and the Restoration Crisis, 1677–1683 / J. Scott. – Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – 388 p.

188. Sensabaugh G. F. Milton and the Doctrine of Passive Obedience / G. F. Sensabaugh // Huntington Library Quarterly. – Vol. 13. – No 1. – Nov., 1949. – P. 19–54.

189. Sharifzhanov I. The Liberal Idea of the English State: Hobbes to Locke / I. Sharifzhanov // Parliaments, Estates and Representation. – Vol. 19. – Issue 1. – April 1999. – P. 111–118.

190. Skinner Q. The Foundations of the Modern Political Thought. Vol. 1: The Renaissance / Q. Skinner. – Cambridge : Cambridge University Press, 1978. – Vol.1. – 330 p.

191. Skinner Q. The Foundations of the Modern Political Thought. Vol. 2: The Age of Reformation / Q. Skinner. – Cambridge : Cambridge University Press, 1978. – Vol. 2. – 414 p.

192. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas / Q. Skinner // History and Theory. – Vol. 8. – No. 1. – 1969. – P. 3–55.

193. Snapp H. F. The Impeachment of Roger Maynwaring / H. F. Snapp // Huntington Library Quarterly. – Vol. 30. – No 3. – May, 1967. – P. 217–232.

194. Sommerville J. P. From Suarez to Filmer: A Reappraisal / J. P. Sommerville // The Historical Journal. – Vol. 25. – No. 3. – Sept., 1982. – P. 525–540.

195. Sommerville J. P. Royalists and Patriots: Politics and Ideology in England, 1603–1640 / J. P. Sommerville. – Milton Park & New York : Routledge, 2014. – 318 p.

196. Sommerville J. P. The Authorship and Dating of Some Works Attributed to Filmer / J. P. Sommerville // Filmer: Patriarcha and Other Writings. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – P. i–xxxix.

197. Speck W. A. James II / W. A. Speck. – London and New York : Routledge, 2002. – 173 p.

198. Speck W. A. Reluctant Revolutionaries: Englishmen and the Revolution of 1688 / W. A. Speck. – Oxford : Oxford University Press, 1988. – 267 p.

199. Speck W. A. Tory and Whig. The Struggle in the Constituencies, 1701–1715 / W. A. Speck. – London: Macmillan, 1970. – 164 p.

200. Straka G. M. The Final Phase of the Divine Right Theory in England, 1688–1702 / G. M. Straka // The English Historical Review. – Vol. 77. – No. 305. – Oct. 1962. – P. 638–658.

201. Stroud A. Stuart England / A, Stroud. – London & New York : Routledge, 1999. – 233 p.

202. Taylor H. The Origins and Growth of the English Constitution: the After-Growth of the Constitution / H. Taylor. – London & New York : Houghton, Mifflin and Co., 1900. – 656 p.

203. The Cambridge History of Political Thought, 1450–1700 / Ed. by M. Goldie and J.H. Burns. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 798 p.

204. The Revolution of 1688: Whig Triumph or Palace Revolution? / Ed. and with an Introduction by Gerald M. Straka. – Boston: D. C. Heath and Company, 1963. – 93 p.

205. The Varieties of British Political Thought 1500–1800 / Ed. by J. G. A. Pocock, Gordon J. Schochet and Lois G. Schwoerer. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 372 p.

206. Thompson A. B. Licensing the Press: The Career of G. R. Weckherlin during the Personal Rule of Charles I / A. B. Thompson // The Historical Journal. – Vol. 41. – No. 3. – Sept., 1998. – P. 668–669.

207. Traill H. D. Shaftesbury / H. D. Traill. – London : Spottiswood, 1886. – 218 p.

208. Troost W. William III, the Stadholder King: A Political Biography / W. Troost. – Aldershot: Ashgate, 2005. – 361 p.

209. Tuck R. A New Date for Filmer’s Patriarcha / R. Tuck // The Historical Journal. – Vol. 29. – No. 1. – Mar., 1986. – P. 183–186.

210. Tuck R. Natural Rights Theories: Their Origin and Development / R. Tuck. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – 185 p.

211. Walcott R. English Party Politics (1688–1714) / R. Walcott // Essays in Modern History in Honor of Wilbur Cortez Abbot. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1941. – P. 81–131.

212. Wallace J. M. The Date of Sir Robert FIlmer’s Patriarcha / J. M. Wallace // The Historical Journal. – Vol. 23. – No 1. – Mar., 1980. – P. 155–165.

213. Ward L. The Politics of Liberty in England and Revolutionary America / L. Ward. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 459 p.

214. Weil R. J. Political Passions: Gender, the Family, and Political Argument in England, 1680–1714 / R. J. Weil. – Manchester : Manchester University Press, 1999. – 262 p.

215. Weston C. C. English Constitutional Doctrines from the Fifteenth Century to the Seventeenth: II. The Theory of Mixed Monarchy under Charles I and after / C. C. Weston // The English Historical Review. – Vol. 75. – No. 296 – Jul. 1960. – P. 426–443.

216. Willman R. The Origin of “Whig” and “Tory” in English Political Language / R. Willman // The Historical Journal. – Vol. 17. – No. 2. – Jun. 1974. – P. 247–264.

217. Wootton D. Introduction / D. Wootton // Divine Rights and Democracy. An Anthology of Political Writing in Stuart England / Ed. by D. Wootton. – Indianapolis: Hacket Publishing, 2003. – P. 21–86.

218. Zook M. Radical Whigs and Conspiratorial Politics in Late Stuart England / M. Zook. – University Park, Pennsylvania: Pennsylvania University Press, 1999. – 238 p.